

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published quarterly
2017, № 4 (21)

Founders

**FSBIS “Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
SBI “Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)”**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (AS RS(Y)); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Borisova Yu.M.*, executive secretary, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Andreeva T.E.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Antonov E.P.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Burtseva Zh.V.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyшева L.L.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Larionova A.S.*, Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Makharov E.M.*, Doctor in Philosophy, Professor (YaSC SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Struchkova N.A.*, Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Fedorov V.I.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2017, № 4 (21)

Учредитель (соучредители):
**ФГБУН «Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН»,
ГБУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)»**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (АН РС (Я)); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Борисова Ю.М.*, отв. секретарь, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Андреева Т.Е.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Бурцева Ж.В.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Махаров Е.М.*, д. филос. н., проф. (ЯНЦ СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Федоров В.И.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council:

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Acad. RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Burykin A.A.*, Doctor in Philology, Doctor in History (ILS RAS, St. Petersburg); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Acad. RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kolodeznikov I.I.*, Doctor in Geology and Mineralogy, Professor (AS RS(Y)); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shirobokova N.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *V.B. Ignatieva*

Editors: *N.I. Degtyareva*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*
Cover: *A.I. Kharitonov*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Бурыкин А.А.*, д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Колодезников И.И.*, д. г.-м. н., проф. (АН РС(Я)); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Широбокова Н.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *В.Б. Игнатьева*

Редактор: *Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*
Обложка: *А.И. Харитонов*

СОДЕРЖАНИЕ

От выпускающего редактора (<i>Игнатьева В.Б.</i>)	11
<i>Слепцов П.А.</i> Замечательная дочь якутского народа – ровесница Октября	12

Исторические науки

<i>Боякова С.И.</i> «Учительница первая моя...»: роль женщин в модернизации народного образования в дореволюционной Якутии	13
<i>Антонов Е.П.</i> Интеграция женщин в публичное пространство автономной Якутии: анализ деятельности женских общественных организаций в 20-е гг. XX в.	18
<i>Осипова М.В. Н.И.</i> Спиридонов-Тэки Одулок: забытые факты жизни (по материалам архива Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова)	24
<i>Ахметова М.А.</i> Голод в Татарской республике в начале 1920-х гг. (на примере Чистопольского кантона)	32
<i>Спиридонов Г.И.</i> Православные издания в истории русскоязычной прессы США	41
<i>Бравина Р.И.</i> «Путь Омогоя»: якутские этнонимы монгольского происхождения	48

Социологические науки

<i>Сулейманов А.А.</i> Во имя сохранения родного языка: из истории академических экспедиций Е.И. Коркиной в арктические районы Якутии	59
<i>Романова Е.Н.</i> Этнодиалектология культуры: от научных традиций к инновационным проектам	64
<i>Иванова Н.И.</i> Дистрибуция языков в лингвистическом ландшафте г. Якутска: социолингвистический аспект	71
<i>Томаска А.Г., Алексеева Е.К.</i> Пространственная эмансипация женщин коренных малочисленных народов Севера: история и современность	76
<i>Игнатьева В.Б.</i> Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества	86

Филологические науки

<i>Попова Н.И., Данилова Н.И.</i> Научное наследие Е.И. Коркиной: истоки, достигнутое, проекция в будущее	96
<i>Николаева А.М.</i> Труды профессора Е.И. Коркиной как ориентир для дальнейших научных изысканий по лексикологии якутского языка	102
<i>Нелунов А.Г., Монастырев В.Д.</i> Евдокия Иннокентьевна Коркина и «Большой академический толковый словарь якутского языка»	110
<i>Ефремов Н.Н.</i> Функциональные формы глагола якутского языка в исследовании Е.И. Коркиной	117
<i>Самсонова Е.М.</i> Наклонения глагола и категория итеративности в якутском языке	121

Рецензия

<i>Дёрфер Г.</i> Рецензия на книгу Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке»	127
--	-----

Информация

<i>Афанасьева Е.Н., Готовцева Л.М.</i> 13-я Сеульская Международная конференция «Современные взгляды на алтайские языки»	130
--	-----

<i>Николаев Е.Р.</i> Ономатологи в Ульяновске	134
---	-----

<i>Жукова Л.Н.</i> Презентация восьмитомного собрания сочинений историка Г.А. Попова, посвященная его 130-летию	136
---	-----

Сведения об авторах	138
---------------------------	-----

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	141
---	-----

CONTENTS

From the issuing editor (<i>Ignatyeva V.B.</i>)	11
<i>Sleptsov P.A.</i> A wonderful daughter of the Yakut people - the same age as October (to the 100th anniversary of E.I. Korkina)	12

Historical sciences

<i>Boyakova S.I.</i> "My First Teacher...": the Role of Women in the Modernization of Public Education in Pre-Revolutionary Yakutia	13
<i>Antonov Ye.P.</i> The Integration of Women into the Public Space of the Autonomous Yakutia: Analysis of Women's Public Organizations in the 1920s of XX Century	18
<i>Osipova M.V.</i> Forgotten Facts of N.I. Spiridonov's (Teki Odulok) Biography (on the materials of the archive of the Khabarovsk Regional History Museum named after N.I. Grodekov)	24
<i>Akhmetova M.A.</i> Famine in the Republic of Tatarstan in the Early 1920's (on the example of the Chistopol canton)	32
<i>Spiridonov G.I.</i> Orthodox publications in the history of the Russian-language press in the USA	41
<i>Bravina R.I.</i> "Omogoy's Way": Yakut Ethnonyms of Mongolian Origin	48

Sociological sciences

<i>Suleymanov A.A.</i> In the Name of Saving the Native Language, from the History of Academic Expeditions E.I. Korkina in the Arctic Regions of Yakutia	59
<i>Romanova E.N.</i> Ethnodialectology of Culture: from Scientific Traditions to Innovative Projects	64
<i>Ivanova N.I.</i> Distribution of Languages in the Linguistic Landscape of Yakutsk: Sociolinguistic Aspect	71
<i>Tomaska A.G., Alekseeva E.K.</i> The Spatial Emancipation of Women of Indigenous Peoples of the North: History and Modernity	76
<i>Ignatyeva V.B.</i> Labor Migrants in Yakutia: Integration Versus Exclusion? The Results of Sociological Research and Expectations of Host Society	86

Philological sciences

<i>Popova N.I., Danilova N.I.</i> The Scientific Heritage of E.I. Korkina: Origins, Achieved, Projection to the Future	96
<i>Nikolaeva A.M.</i> The Works of Professor E.I. Korkina as a Reference Point for Further Scientific Researches in Lexicology of the Yakut Language	102
<i>Nelunov A.G., Monastirev V.D.</i> Evdokiya Korkina and the Great Academic Explanatory Dictionary of the Yakut Language	110
<i>Efremov N.N.</i> The Functional Form of the Verb in the Yakut Language in the Study by E. I. Korkina	117
<i>Samsonova E.M.</i> Moods and of Iterative Category of the Verb in the Yakut Language	121

Reviews

<i>Dörfer G.</i> Korkina's Book Review "the Mood of the Verb in the Yakut Language"	127
---	-----

Information

<i>Afanasyeva E.N., Gotovtseva L.M.</i> the 13th Seoul International Conference "Modern Views on Altaic Languages"	130
<i>Nikolaev E.R.</i> Onomatologists in Ulyanovsk	134
<i>Zhukova L.N.</i> Presentation of the eight-volume collection of works by the historian G.A. Popov, on his 130th anniversary	136
Information about authors	139
The manuscripts rules	141

Евдокия Иннокентьевна Коркина

От выпускающего редактора

Этот номер журнала посвящен знаменательному событию в научной и общественной жизни Республики Саха (Якутия) – 100-летию со дня рождения Евдокии Иннокентьевны Коркиной, доктора филологических наук, профессора, директора Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР (*ныне – ИГиЛПМНС СО РАН*) в 1963–1984 гг., заслуженного деятеля науки РСФСР, заслуженного ветерана СО РАН, кавалера ордена «Знак Почета», Почетного гражданина Чурапчинского улуса РС (Я).

Многие страницы из долгих и непростых 92 лет жизни Е.И. Коркиной воссоздают в нашей памяти множество эпизодов из летописи советской истории: исключение из Чурапчинской семилетней школы колхозной молодежи как дочери кулака; участие в колхозном строительстве в качестве техника-землеустроителя по составлению карты землепользования колхозов Мегино-Кангаласского и Нюрбинского районов; закрытие Института философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского, длительная и трудная эвакуация из Москвы в Якутск в связи с начавшейся Великой Отечественной войной; организация в должности секретаря Якутского обкома ВЛКСМ всенародного движения по созданию фонда обороны СССР: обеспечение плана государственных поставок промышленной и сельскохозяйственной продукции, сбор средств из личных сбережений населения на строительство танковых колонн и самолетов истребительной и санитарной авиации, формирование посылок на фронт и др.; трудные годы восстановления народного хозяйства страны, отмеченные получением высшего партийного и исторического образования, созданием семьи и рождением двух сыновей; хрущёвская оттепель, пробудившая желание большей свободы творческой деятельности в стенах Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР – начиная от учебы в аспирантуре (1954) до работы на ответственном посту директора института (1963–1984).

В журнальных статьях представлены биографика и интерпретация богатого научного наследия Е.И. Коркиной, продолжающего оказывать большое влияние на развитие интеллектуальных традиций и современных направлений гуманитарной науки в стенах старейшего академического учреждения Республики Саха (Якутия). В большинстве из них красной нитью проходит мысль о необходимости расширения инновационного потенциала современных исследований, сотрудничества ученых и научных групп разных специальностей, интеграции междисциплинарных и межрегиональных исследований.

Примечательно, что в год 100-летнего юбилея Октябрьской революции – эпохального события в мировой истории XX века, в статьях авторов из Казани, Хабаровска и Якутска обсуждаются темы, связанные с изучением предреволюционных процессов и социалистической модернизации в период раннесоветского общества, актуализирующие вопросы трансляции исторической памяти народов Российской Федерации и способствующие преодолению существующих в науке историографических мифов и стереотипов. В журнале также представлены результаты социологических исследований новых проблем трудовой миграции и дистрибуции языков в многонациональной республике, исторические предпосылки которых тесно связаны с проектом строительства социализма в нашей стране.

Надеюсь, что такое разнообразие изучаемых тем, научных обсуждений и дискуссий свидетельствует о большом когнитивном потенциале региональных исследований, развивающихся в тесном взаимодействии с крупнейшими научными школами России.

В.Б. Игнатьева, к.и.н.

Замечательная дочь якутского народа – ровесница Октября

17 декабря 1917 г. в Кытанахском наслеге Ботурусского (Чурапчинского) улуса Якутской области родилась Евдокия Иннокентьевна Коркина. По её глубокому убеждению, Октябрь принёс якутскому народу полное раскрепощение, большую светлую жизнь, полную творческих дерзаний, радости и счастья.

Ее долгий и плодотворный путь в науке можно охарактеризовать как непрерывный творческий процесс, а саму Коркину – как универсального ученого, с присущим ей энтузиазмом изучавшего большой спектр научных проблем якутской филологии. Талантливым пером Е.И. Коркиной написано много замечательных трудов, а ее монография «Наклонения глагола в якутском языке» (М.: Наука, 1970) навечно вписана в анналы мировой тюркологии, в чем убеждают восторженные отзывы виднейших тюркологов СССР и позитивные рецензии маститых западных тюркологов и монголистов, которые, прямо сказать, не особенно жаловали советских учёных, – Н. Поппе-старшего и Г. Дёрфера.

Е.И. Коркина по праву входит в немногочисленную когорту выдающихся отечественных филологов-полевиков. Воистину надо быть одержимой и фанатически преданной науке, чтобы верхом на коне объездить огромные арктические территории с их скверными дорогами! Венцом этой продолжительной и изнурительной экспедиционной работы стал фундаментальный сводный труд о северо-восточной диалектной зоне якутского языка, написанный на богатейших данных о фонетических, грамматических и лексических особенностях говоров и подговоров четырех индигирских, трех колымских, двух янских районов Якутии и Сусуманского района Магаданской области.

Также неоспоримо то, что, благодаря ее организаторским способностям, исключительному трудолюбию и работоспособности, целенаправленной управленческой политике как директора, в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР произошли кардинальные перемены: штат сотрудников расширился с 44 чел. в 1963 г. до 110 чел. в 1984 г., численность

докторского корпуса возросла с одного до пяти чел., кандидатского – с 10 до 45 чел. Созданная структура научных подразделений института из девяти секторов – северных языков, якутской грамматики и диалектологии, якутской лексикологии и лексикографии, якутской литературы, якутского фольклора, истории советского периода, истории досоветского периода, двух лабораторий: археологии и этносоциологии – способствовала развитию актуальных направлений гуманитарной науки Якутии. Ее новаторские идеи, вокруг которых постепенно сплотился коллектив ученых-единомышленников, реализовались в их научных исследованиях. Одним из ярких показателей роста авторитета института стали широкое участие его сотрудников во Всесоюзных научных конференциях в Москве, Ленинграде, Новосибирске и других городах Советского Союза, проведение научных мероприятий различного уровня в самом Якутске. Значительно возросла издательская деятельность: за последний период ее директорства (1976–1985) было издано 59 научных трудов общим объемом более 700 п.л.!

Будучи человеком неумной энергии и активной жизненной позиции, Е.И. Коркина всегда была в гуще общественной жизни Якутии. О патристических чувствах и благородстве ее натуры свидетельствует добровольно возложенная на себя миссия – возвращение обществу творческого наследия дореволюционной якутской интеллигенции: С. Новгородова – создателя якутской письменности, М. Андросовой-Ионовой – первой женщины-якутки, удостоенной золотой медали ИРГО и др. До конца своей земной жизни она искренне радовалась успехам родного института, гордилась его достижениями. Неизменно, с благодарностью и умилением до сих пор вспоминаю её заразительный смех, острый ум и доброту души – воистину Евдокия Иннокентьевна была украшением жизни.

П.А. Слепцов, д.ф.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ и РС(Я),
действительный член Академии наук РС(Я)

С.И. Боякова

«Учительница первая моя...»: роль женщин в модернизации народного образования в дореволюционной Якутии

Статья посвящена истории дореволюционного народного образования в Якутской области, распространению идей просвещения среди коренных народов, немаловажную роль в котором сыграли первые женщины-педагоги. Показано, как либеральные реформы в России 1860–1870-х гг. распространялись на национальные окраины империи. Подчеркивается, что модернизация системы образования способствовала эволюции гендерных ролей и стандартов в якутском обществе. На примере судеб первых учительниц из числа коренного населения – Е.С. Шиловой (Акининой), М.Е. Николаевой (Давыдовой), Е.С. Аржаковой (Васильевой), З.В. Неустроевой (Широких), Е.И. Сивцевой (Лукиной) – рассматривается вклад женщин в развитие начального образования, заложившего основу серьезных социокультурных изменений на Крайнем Севере.

Ключевые слова: модернизация, гендер, народное образование, либеральные реформы 1860-х гг., Якутия, интеллигенция, учительство, первые учительницы-якутки.

Пожалуй, нигде так зримо, как в образовательной сфере, не виден тот огромный путь, который преодолели якутянки за прошедшие полтора столетия. Вспомним, что, по данным Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., в Якутской области только 1,7% женщин – в основном жительниц городов – являлись грамотными. Среди коренных народов грамотных, а тем более образованных женщин насчитывались единицы. Одним из главных достижений советской эпохи стали ликвидация неграмотности населения, формирование системы высшего и среднего профессионального образования, развитие академической и отраслевой науки. Произошло массовое вовлечение женщин в об-

щественное производство, резко вырос их образовательный уровень. Бесспорным успехом государственной политики по обеспечению равноправия полов в области образования стало успешное освоение женщинами научной сферы. Пример этому – блестящая судьба Евдокии Иннокентьевны Коркиной – первой женщины-якутки, доктора филологических наук, на протяжении 21 года возглавлявшей старейший на Северо-Востоке страны научно-исследовательский институт – Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР.

Однако социокультурная модернизация системы образования Якутии берет свое начало еще с дореволюционных времен, когда под влия-

янием либеральных реформ 1860–1870-х гг. произошли серьезные сдвиги в развитии народного просвещения края. Как отмечает специально исследовавшая этот вопрос А.И. Макарова, «школьная реформа 1860–1870-х гг. явилась переломным моментом в истории отечественного образования. Она затрагивала почти все звенья системы образования, выстраивая отсутствующие ее компоненты. В ходе реформы впервые был заложен прочный фундамент начальной народной школы; сформирована отсутствовавшая ранее система женского образования; созданы предпосылки для развития педагогического, профессионального образования; появились зачатки высшего женского образования» [Макарова, 2014, с. 24]. Во второй половине XIX в. в Якутской области началось массовое строительство министерских и церковно-приходских школ, появились первые средние учебные заведения, стала практиковаться отправка детей из коренного населения для обучения в центральные губернии страны. Формирование национальной интеллигенции, распространение идей просветительства, выступления в защиту социального и национального равноправия предопределили начало глубинных качественных изменений в менталитете северян.

Успехи эмансипационного движения и развитие системы женского образования в России позволили перейти к созданию сети специализированного женского начального и среднего образования в Якутии. В 1882 г. была открыта Якутская женская гимназия, в 1888 г. – Якутское епархиальное женское училище. В них, наряду с детьми представителей привилегированных сословий, могли учиться дети крестьян и «иностранцев». В начале XX в. уже 12,6% гимназисток составляли воспитанницы-якутки [Макарова, 2002, с. 14]. Оба этих средних учебных заведения получили в дальнейшем право подготовки педагогических кадров для школ области.

В последней четверти XIX в. в Якутии появляются первые женщины-педагоги, в основном выпускницы гимназий из центральных губерний Российской империи. Пожалуй, наиболее раннее упоминание о них относится к В.К. Берденниковой, начавшей свою преподавательскую деятельность в 1877 г. [Макарова, 2014, с. 24]. Начальницами женской гимназии и женского епархиального училища были назначены и про-

работали не одно десятилетие соответственно Е.Н. Кузнецова и В.А. Явловская. Многие выпускницы этих учебных заведений впоследствии вернулись в *alma mater* в качестве преподавателей. Однако большая часть девушек, получив по окончании учебы звания домашних учительниц и учительниц начальной школы, пополнили тогда еще незначительные ряды якутского сельского учительства. Активное вовлечение женщин в преподавательскую деятельность способствовало в конце XIX в. массовому перелому в сознании северян – в начальные школы стали отдавать девочек. В одноклассных народных училищах, открытых для обучения коренного населения, уже в начале XX в. девочки составляли 43,9% от общего контингента учащихся. Часть из них продолжала затем образование в начальных церковно-приходских и министерских школах со сроком обучения 3–4 года; здесь девочки составляли более 25%, в том числе 60% из них являлись представительницами коренного населения [Макарова, 2002, с. 14].

Еще одним показателем модернизации женского образования стало учреждение отдельных женских начальных учебных заведений. В начале XX в. в Якутской области открыли Якутскую соборную, Вилюйскую и Среднеколымскую церковно-приходские школы, а также при Якутском епархиальном женском училище действовала образцовая начальная школа грамоты.

Якутская городская соборная одноклассная церковно-приходская школа открылась 1 ноября 1892 г. Вначале в школе, наряду с девочками, учились и мальчики. Учительницей была назначена вышеупомянутая В.К. Берденникова. В 1905 г. в школе учились уже только девочки, их было всего 37 человек.

Среднеколымская женская одноклассная церковно-приходская школа открылась в 1901 г. В ней обучались в 1905 г. – 11, в 1914 г. – 15 (из них три якутки) девочек. Учительницами работали Т.И. Березкина, А.Г. Антипина. Видимо, впоследствии число учениц возросло, потому что в 1917/18 учебном году школа была уже преобразована в двухклассную.

О начале деятельности Вилюйской женской церковно-приходской школы документы, к сожалению, не сохранились. В отчете школы за 1910/11 учебный год отмечается 21 ученица, пре-

имущественно в возрасте 8–14 лет. По социальному составу они подразделялись следующим образом: дочерей потомственных дворян – 1, духовного звания – 1, казачьего сословия – 11, купеческого – 1, мещанского – 1 и «инородцев» – 6.

Все три школы содержались на средства, выделявшиеся Якутским епархиальным училищным советом. Обучение в них было бесплатным. При Якутском епархиальном женском училище в сентябре 1899 г. открылась начальная школа грамоты для девочек, которая через год была преобразована в образцовую школу.

В распространении женского начального образования положительную роль сыграли также частные начальные, воскресные и вечерние школы, в создании которых участвовала прогрессивная педагогическая интеллигенция. Так, 8 сентября 1915 г. в Якутске открылась профессиональная женская школа М. и О. Плотниковых. Она была основана по воле умершей в 1912 г. вдовы чиновника О.П. Плотниковой, которая завещала в принадлежавших ей двух домах с дворовым местом, на углу Большой и Соборной улиц, открыть профессиональную школу для девочек [Макарова, 2014, с. 25].

Показателем глубоких трансформаций, происшедших под воздействием проникновения в якутское общество ценностей европейской цивилизации, стало появление женщин-учителей из числа коренного населения.

Уникальна судьба Евдокии Семеновны Шиловой (Акининой) – первой женщины-фельдшера и первой учительницы-якутки. Она родилась в 1865 г., рано осталась сиротой. В 1887 г. с помощью генерал-губернатора Восточной Сибири графа А.П. Игнатьева ей удалось поступить ученицей в Якутскую гражданскую больницу. Здесь она проработала пять лет, неизменно получая отзывы как «несравненно полезная» и добросовестная фельдшерица. Близко познакомившись с политссыльными и постоянно оказывая им материальную и медицинскую помощь, Е.С. Акинина вскоре заслужила репутацию «политически неблагонадежной», что вынудило ее в конце концов покинуть больницу. В 1892 г. она, пройдя в Якутске краткосрочные курсы, начала работать учительницей Николаевской церковно-приходской школы. Многолетний труд Е.С. Акининой еще в дореволюционный период был отмечен тремя медалями. Скон-

Мария Егоровна Николаева (из фотофонда Музея истории академической науки им. Г.П. Башарина)

чалась Е.С. Акинина в 1943 г., отработав более полувека на ниве народного просвещения [Иванова, 1974, с. 31].

В досоветский период получили известность и другие учительницы из числа коренного населения. Так, одна из них, Мария Егоровна Николаева (Давыдова) (1880-е гг.–1922 г.), была дочерью известного общественного деятеля, головы Ботурусского улуса Е.Д. Николаева-1. После окончания Якутской женской гимназии она один год провела в Санкт-Петербурге, по некоторым данным, будучи слушательницей высших женских Бестужевских курсов. Однако получить высшее образование ей не удалось, и, вернувшись на родину в 1906 г., она стала учительницей Чурапчинского народного училища, где проработала до 1909 г., затем, выйдя замуж, переехала в Якутск. Здесь она приняла активное участие в общественно-политической жизни края. М.Е. Николаева стала редактором издававшейся в 1909–1910 гг. первой газеты на якутском языке «Саха санаата» («Якутская мысль»). После закрытия газеты она занималась переводами, в том числе перевела на русский язык пьесу лидера национально-демократического движения якутов В.В. Никифорова «Разбойник Манчарь» [Коркина, 1996, с. 20–22].

Курсы преподавателей церковно-приходских школ Якутской области. 1911 год.
В 3-м ряду (слева направо) четвертая Е.С. Шилова (Акинина) (из кн.: Григорий Андреевич Попов (1887–1942): фотографии, документы (Якутск: Алаас, 2017. – С. 42))

Евдокия Софроновна Аржакова (Васильева) (1892–1917), в отличие от М.Е. Николаевой, родилась в бедной семье. Чтобы выучить дочь, родители переехали из Борогонского улуса в г. Якутск, где отец устроился работать водовозом. Благодаря стараниям родителей и большим способностям, Евдокии удалось поступить в Якутскую женскую гимназию и успешно окончить ее. Затем, сдав экстерном экзамены, она получила свидетельство учительницы, и с 1 сентября 1913 г. была направлена на работу в Бахсытскую начальную школу Мегинского улуса. В 1914 г. Е.С. Аржакова приняла участие в съезде учителей Якутской области, где выступила с докладом «Необходимость образования якуток», вызвавшим большой общественный резонанс. Её доклад также был напечатан для широкого обсуждения в журнале «Ленские волны» (1915, № 6); корреспонденции о работе съезда были помещены в газете «Сибирь» (1914, № 210) и в серии «Просветительские дела Азиатской России» (1915, кн. 7). К сожалению, ранняя кончина помешала осуществиться многим жизненным планам этой неординарной женщины. Благодарные сельчане установили памятник в честь любимой учительницы – якутскую коновязь с оградой [Женщины..., 2005, с. 21–23].

В начале XX столетия появились уже первые учительские династии, где дочери продолжали дела своих отцов. Так, 27 августа 1901 г. выпускница Якутской женской гимназии Зинаида Васильевна Неустроева (Широких) (1884–1954) подала прошение инспектору народных училищ Якутской области, в котором писала, что ее отец, заведующий Алексеевским народным училищем Западно-Кангаласского улуса, В.Г. Неустроев по болезни оставляет службу, поэтому она желает «заступить на [его] место» и просит назначить её «на должность учительницы при вышеназванном училище». Так, в 17 лет З.В. Неустроева стала заведующей народным училищем. Вскоре Зинаида Васильевна вышла замуж за учителя той же школы, в будущем известного общественно-политического и государственного деятеля А.Д. Широких. В дальнейшем З.В. Неустроева (Широких) еще 12 лет работала учительницей начальных классов в Алексеевской и Амгинской школах, пока по состоянию здоровья не была вынуждена оставить любимую работу. Следует отметить, что в Алексеевской школе в досоветский период работало немало женщин-педагогов: В. Орлова, Л.И. Попова, О.И. Пылаева, З.И. Середкина, А.П. Чагина [Первая в улусе, 2014, с. 13–14, 23].

В Алексеевском двухклассном народном училище Западно-Кангаласского улуса начинала свою трудовую деятельность и заслуженный учитель школы ЯАССР, кавалер ордена «Знак Почета» Елизавета Иннокентьевна Сивцева (Лукина) (1891–1969). Она родилась в семье И.Д. Сивцева, работавшего учителем Идельгинского (Олекминского) и Тойбохойского народных училищ. После смерти родителей осиротевшую девочку воспитывал дядя, учитель Сунтарского народного училища, известный просветитель Д.Д. Сивцев. После обучения в Якутском епархиальном училище Елизавета Сивцева окончила двухгодичные курсы учителей и в 1912 г. вместе с мужем Н.А. Лукиным была направлена на работу в Алексеевское народное училище, где проработала восемь лет. Сохранились её интересные воспоминания о встречах с Серго Орджоникидзе, частенько заезжавшим в училище, чтобы осмотреть детей. «До чего доводит нищета, – говорил он учительнице, – половина больных. Но Вы не теряйте бодрости духа. Вселяйте в ребят побольше смелости. Читайте им Некрасова и Пушкина» [Афанасьев, 1971, с. 7]. В годы Гражданской войны Е.И. Сивцева (Лукина) переехала в г. Якутск, где несколько десятилетий проработала учителем и директором школ, заведующей горно, избиралась делегатом пятого и шестого Всеякутских съездов Советов, депутатом Якутского горсовета [НА РС (Я). Ф. 3. Оп. 177. Д. 2763. Л. 2].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. были созданы предпосылки и начался процесс социокультурной модернизации

традиционного якутского общества, важнейшей составляющей которой стало развитие начального и среднего образования. Значительный вклад в дело народного просвещения внесли первые женщины-педагоги, большинство из которых вследствие ограниченности возможности получения ими высшего образования трудились в низшем звене образовательной системы. В тяжелейших природно-климатических и бытовых условиях дореволюционной Якутии, преодолевая патриархальные стандарты отношения к женщине, первые учительницы своим самоотверженным трудом внесли весомый вклад в развитие образования и культуры края.

Литература и источники

Афанасьев В.Ф. Ветераны педагогического труда.– Вып. 3.– Якутск: Кн. изд-во, 1971.– 76 с.

Женщины Якутии.– Т. I: Конец XIX – I половина XX в.– Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005.– 116 с.

Иванова Л.Т. Раскрепощение женщин Якутии и их роль в социалистическом строительстве (1917–1937).– Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 182 с.

Коркина Е.И. Мария Николаева – Кулүмнүр тыл-басчыта // Далбар Хотун.–1996.– № 4.– С. 20–22.

Макарова А.И. История женского образования в Якутии (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук.– Якутск, 2002.– 22 с.

Макарова А.И. Начальное женское образование в Якутии в конце XIX – начале XX вв. // Молодой ученый.– 2014.– № 20.2.– С. 24–26.

НА РС (Я). Ф. 3. Оп. 177. Д. 2763.

Первая в улусе / авт.-сост. В.П. Ноговицына, О.А. Васильева, О.И. Осипова и др. – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2014. – 216 с.

S.I. Boyakova

“My First Teacher...”: the Role of Women in the Modernization of Public Education in Pre-Revolutionary Yakutia

The article is devoted to the history of pre-revolutionary public education in the Yakutsk region, the spread of enlightenment ideas among indigenous peoples, an important role in which played the first teachers. It is shown how the liberal reforms in Russia, 1860-1870 years were distributed at the national outskirts of the Empire. It is emphasized that the modernization of the education system contributed to a change in the evolution of gender roles and standards in the Yakut society. For example, the fate of the first teachers of indigenous E.S. Shilova (Akinina), M.E. Nikolaeva, E.S. Arazhakova, Z.V. Neustroeva (Shirokih), E.I. Lukina considers the contribution of women to the development of primary education, marked the beginning of serious social and cultural changes in the Far North.

Keywords: modernization, gender, education, the liberal reforms of 1860-ies, Yakutia, intelligentsia, teachers, first Yakut teacher

Е.П. Антонов

Интеграция женщин в публичное пространство автономной Якутии: анализ деятельности женских общественных организаций в 20-е гг. XX в.

В статье рассматривается массовое женское движение в Якутии, инициированное революцией 1917 г. и установлением советской власти. Раскрывается роль общественных и национальных женских объединений в социализации и интеграции городских, улусных и сельских женщин в новое политическое, экономическое и культурное пространство, в повышении их социального статуса в обществе. Выявлен вклад женских объединений в организацию Всеякутских съездов женщин, которые принимали конкретные меры по реализации политики их «раскрепощения». Показано вовлечение женщин в сельскохозяйственное и кооперативное производство, в социальную работу по открытию школьных и дошкольных, медицинских, культурно-просветительных, социальных учреждений, а также начало их приобщения к научно-исследовательской деятельности. Формулируется вывод об использовании партийно-советским руководством творческого и духовного потенциала женщин для реконструкции и модернизации в сталинском варианте экономики и культуры Якутской республики. Приведены данные о смене вектора политики власти в 30-е гг. XX в., ориентированного на «закрепощение» статуса женщин в рамках укрепления тоталитарной системы.

Ключевые слова: «раскрепощение женщин», женское движение, женские общественные организации, женотдел, Всеякутский съезд женщин, культурно-просветительное общество «Саха омук» («Якутская нация»), эмансипация, правовая защита женщин, семья, воспитание, домашний труд, оздоровление быта, научные исследования, межнациональные браки, модернизационный инструмент.

Революция 1917 г. впервые отнеслась к женщинам как к неотъемлемой части революционного движения. Женщины активно защищали свои интересы и объединялись в организации для разработки программы женского движения [Голдман, 2010, с. 50]. Социальная роль якутской женщины в дореволюционный период ограничивалась патриархальной семьей. Ментальность неграмотных и общественно пассивных якутянок являлась консервативной и традиционалистской, и для осуществления модернизации общества требовалось пробудить именно женскую половину населения [Макарова, 2002, с. 19]. Истории женского движения в Якутии ранее посвятил ряд своих статей автор данной публикации [Антонов, 1995, с. 83–85; 1998а; 1998б; 2010, с. 164–169].

Целью эмансипации женщин в XX в. стала их экономическая и политическая мобилизация. Провозглашенная пролетарским государством идеология равенства полов поддерживалась политическими и законодательными мерами, а также различными социальными институтами

[Темкина, 2008, с. 243]. Несмотря на общероссийскую основу, женское движение в Якутии имело свою региональную и национальную специфику, а также своих талантливых лидеров-женщин, боровшихся за лучшую женскую долю. До 1917 г. о женском движении в Якутском крае говорить не приходится, его возникновение связано с пробуждением женского общественного самосознания после Февральской революции. В Якутской области были созданы «Союз женщин якутской нации», союзы еврейских и татарских женщин, т.е. имела место организация объединений по национальному признаку. «Союз женщин якутской нации» возглавили В.И. Осипова, Е.Е. Обутова и К.Д. Стрекаловская.

В марте 1917 г. был организован «Союз женского равноправия» во главе с А.А. Григорович, активистками партии эсеров Е.М. Мезенцевой и владелицей типографии Н.П. Семеновой-Угловской. Этот союз представлял собой объединение женщин, не присоединившихся к революционным партиям, не вошедших ни в какие профессиональные союзы. Его члены поддержали

Временное правительство и содействовали подготовке к выборам в Учредительное собрание. 16 апреля 1917 г. большевики образовали «Союз работниц», объединивший 108 женщин, в т.ч. 15 якуток. В состав правления вошли Н.А. Александрова, М.М. Виленская, К.С. Гладышева, А.И. Петрова-Глазкова, Е.Н. Охлопкова и Новикова. В 1917 г. женщины составляли: среди социал-демократов – 13,4%, эсеров – 13,7%, федералистов – 17,1%. Не выявлено женщин в составе Якутского отдела партии народной свободы (кадетов) [Иванова, 1974, с. 39–41; 1995, с. 79–80; 2004, с. 11; Радченко, 2010, с. 162–163].

После окончательного установления советской власти в 1919 г. на территории Якутии функционировал «Союз женского труда», в правление которого вошли члены РКП(б) и левых эсеров А.И. Петрова-Глазкова, А.И. Олихнович, Е. Жураковская и Мещерякова. Якутское губбюро РКП(б) сформировало 6 июня 1920 г. губернский женский отдел во главе с В.С. Синеглазовой, Д.С. Жирковой, М.Г. Потаповой, Р.И. Цугель, Ф.П. Брусениной. К концу этого года в женотделе состояло 200 женщин, из них 1/5 часть составляли якутки, 1/10 – татарки, а основную часть – русские [Иванова, 1974, с. 46, 48; 1995, с. 80].

26 марта – 16 апреля 1917 г. I Областной съезд якутов и крестьян принял решение об уравнивании заработной платы мужчин и женщин, о введении 8-часового рабочего дня и еженедельного дня отдыха, т.е. ликвидировал дискриминацию в сфере женского труда. Под влиянием революции 1917 г. пробудилось гражданское, национальное и классовое самосознание якутянок, возросла их общественная активность. В 1919–1920-е гг. члены «Союза женского труда» открыли школу, два детских дома, четыре детсада, Дом матери и ребенка, бесплатную столовую для безработных, установили шефство над приютами [Иванова, 1974, с. 47; 2004, с. 11–12].

В первое десятилетие советской власти активно проводилась политика по поднятию статуса женщины в семье и обществе, была запрещена выплата калыма, установлена минимальная граница возраста вступления в брак. В марте 1921 г. первая беспартийная конференция работниц и крестьянок Якутского уезда обсудила вопросы охраны материнства и детства, организа-

ционные моменты предстоящего Всеякутского съезда женщин, а также «основные задачи женщин по восстановлению народного хозяйства» [Темкина, 2008, с. 249; Винокурова, 2004, с. 4].

Женотдел был первой массовой организацией, созданной женщинами для отстаивания своих интересов в рамках революционного контекста. Его цель была двойной: подготовить женские кадры (женский актив) для работы в партии и правительстве и, что более важно, преобразовать природу и структуру женского движения и направить её на полноценное участие женщин в общественной жизни путем социализации сферы быта. Предполагалось, что, когда женский домашний труд заменят услуги прачечных, столовых, детских садов и ясель, семья постепенно «отомрет», общество будет состоять из независимых индивидуумов, о которых в детстве и в старости будет заботиться государство. Стремясь реформировать быт, женотдел поставил своей целью трансформацию частной жизни семьи, воспитания детей. Его идеи простирались дальше постройки очередной прачечной или детского сада, был взят курс на полную трансформацию структуры семьи [Голдман, 2010, с. 49, 55].

В Якутии женотдел стал организующим центром политики раскрепощения женщин и проводником влияния партии на широкие женские массы. В женском движении он сыграл положительную роль: пробуждал у женщин стремление к общественно полезному труду, выводил из круга только домашних дел, защищал их права, обучал грамоте, направлял их на учебу, занимался вопросами охраны материнства и детства, оздоровления быта. Активистки женотделов возглавили детские дошкольные учреждения: М.Г. Потапова – детский сад «Центральный», М. Белузина – детский сад «Примитив», Э.Ю. Юдковская – детский приют, А. Выболдина – Чрезвычайную комиссию по борьбе с неграмотностью. Проявила себя как организатор дошкольного воспитания и Е.А. Кротова.

22 декабря 1924 г. III Всеякутский съезд Советов принял постановление «Об отмене калыма»; постановлением от 31 декабря 1925 г. ЯЦИК установил брачный возраст якуток и женщин из малочисленных народов с 17 лет [Иванова, 1974, с. 76; 1995, с. 81]. Решение было

принято по инициативе пяти делегаток съезда: М.Т. Готовцевой, А.И. Нахаевой, М. Обутовой, В.И. Осиповой и Е.И. Саввиной, обратившихся с заявлением о необходимости запрещения калыма как пережитка средневековья, превращающего женщину в предмет купли-продажи. Съезд принял также решение об имущественных правах женщин при разводе, о запрещении выдачи замуж несовершеннолетних; установил брачный возраст с 17 лет.

В ходе подготовки к I Всеякутскому съезду женщин 1925 г. состоялись два городских, три окружных, 17 улусных и 86 наследных съездов, конференций и собраний, в которых приняли участие 2611 женщин.

8 марта 1925 г. в 12 часов дня возле Народного театра состоялся митинг, на котором с докладом выступила заведующая губполитпросветом В.С. Синеглазова. Затем праздничная колонна двинулась на площадь Марата, где с речью обратилась к собравшимся Е.И. Саввина. В 19 часов в Народном театре открылся исторический I Всеякутский съезд женщин. Торжественная часть съезда завершилась показом пьесы «8 марта» и концертной программой [Иванова, 2004, с. 35].

С 9 по 16 марта в партийном профсоюзном клубе прошла деловая часть съезда, в которой участвовали 87 женщин, среди них: якуток – 55, коммунисток – 20, комсомолок – 11. Из собравшихся 36 чел. не умели читать и писать, грамотными были 50 женщин. Большинство из них прибыли из отдаленных наслегов и деревень. Приехав в столицу республики, они впервые смогли воочию посмотреть фильмы в кинотеатре В.П. Приютова, посетить магазины, увидеть освещенные электрическими фонарями улицы. Для них были организованы встречи с интересными людьми, экскурсии в Дом матери и ребенка, школы, больницы, в единственный на всю республику роддом на 15 коек.

Делегаты одобрили политику раскрепощения женщин, приветствовавшую новое семейно-брачное законодательство, поддержавшую вовлечение женщин в кооперативное движение и производство. В условиях нэпа делегаты добивались расширения сферы применения труда женщин путем создания кустарных артелей и мастерских. Они высказывались за расширение социальной помощи престарелым, социально

Рождественский. Комсомольцы 1920-х гг. (1965)
(из Национального художественного музея РС (Я))

не обеспеченным, вдовам и сиротам. Впервые выдвигалась идея создания в республике социальной инфраструктуры, состоящей из образовательных, медицинских и детских учреждений. Учитывая сильные патриархально-родовые пережитки в обществе, съезд сформулировал радикальные по сути меры, направленные на переустройство закоснелого быта якутов, а именно: отделение жилищ от коровников; борьба за оздоровление населения и введение санитарной гигиены; оказание социальной помощи; организация страхования и т.д. Съезд гарантировал правовую защиту женщин в бракоразводных судебных процессах, вопросах наследования, имущественных спорах, в вопросах опекунов и т.д. На съезде руководители республики в лице секретаря обкома Е.Г. Пестуна, П.А. Ойунского, наркома просвещения и здравоохранения А.Ф. Боярова и других, лидеры женских организаций и рядовые активистки из улусов, наслегов и деревень обсудили насущные проблемы и перспективы женского движения [Винокурова, 2004, с. 3; Иванова, 2004, с. 36–37].

Съезд призвал якутянок «вступить в сельскохозяйственные товарищества и требовать от мужей и братьев, чтобы они шли в кооперацию». Создание системы промысловой кооперации позволило объединить труд женщин, занятых кустарным производством: в артелях трудились

женщины – швеи, пимокатчицы, кондитеры и т.д. В 1930 г. женщины составляли пятую часть списочного состава членов промысловой кооперации (22%) [Бурнашева, 2004, с. 14; 2010, с. 171].

Господствующая идеология широко пропагандировала образы трудящихся женщин из числа рабочих, колхозниц и представительниц интеллектуальных профессий. От женщины ожидалось выполнение гендерного контракта «работающей матери», который означал ее мобилизацию как рабочей и репродуктивной силы [Темкина, 2008, с. 249–250]. Число женщин – членов кооперации, быстро увеличивалось. Если в 1925 г. в потребительских обществах состояли 4444 женщины, то к 1929 г. – 9472; в январе 1929 г. в сельскохозяйственной кооперации насчитывалось 2454 женщины. Возникли первые женские производственные коллективы – молочная сельскохозяйственная артель «Ласточка» в Мархе, молочное товарищество – в Восточно-Кангаласском улусе и др. На этих предприятиях женщины приобщались к коллективным формам работы. В сложные для страны годы политических перемен и экономических преобразований женщины активно включились в производственную деятельность на благо общества. Они взяли на себя ответственность за решение важных социально-экономических задач. Осваивая новые специальности и виды работ, овладевая грамотой и знаниями, якутская женщина становилась полноправным членом общества, что способствовало формированию уважительного отношения к ней [Бурнашева, 2004, с. 15; 2010, с. 175; Иванова, 1974, с. 61, 121].

Женское движение оказало благотворное влияние на развитие научных исследований в республике. Из 386 работников Комиссии по изучению Якутской республики (КЯР) в архивных документах сохранились имена 14 женщин, что составляло 3,6% от общего числа. Среди них были два начальника экономических отрядов: Н.В. Воленс и З.С. Будницкая; четыре научных сотрудника: М.В. Зеленцова, Т.А. Колпакова, Е.И. Шубская, Н.Н. Кржишталович; шесть технических сотрудников: М.Н. Ионова, Н.П. Афанасьева, А.Н. Скалозубова, Е.К. Иванова, О.П. Проскуро-Сушинская, Л.Х. Тарабукина. Кроме того, в Булуне работала наблюдателем на метеорологической станции С.Т. Шипицына.

В основном женщины привлекались к экономическим (6 чел.), а также к медицинским (2 чел.), агрономическим (1 чел.) и животноводческим (1 чел.) исследованиям. Это были первые попытки женщин сделать науку своей профессией. В этот период начало формироваться мнение о том, что женщины могут профессионально заниматься гуманитарными, социальными, экономическими, медицинскими и педагогическими науками [Ермолаева, 2010, с. 178–179, 181].

Об относительной свободе в условиях нэпа свидетельствовала деятельность культурно-просветительного общества «Саха омук» («Якутская нация»), объединившего национальную интеллигенцию. В 1922 г. среди 316 его членов было 82 женщины (26%). В 1923 г. было принято решение о создании особой «Секции по работе среди якутских женщин», которая должна была организовывать доклады её сотрудников по вопросам распространения образования среди женщин, воспитания детей, привития населению санитарно-гигиенических норм, по домоводству и т.д. Театральная секция «Саха омук», в которой состояли А.С. Дьяконова, Л.Д. Неустроева, Е.Д. Семенова, Е.А. Шарборина и др., приобщила женщин к драматургическим постановкам и стала основой якутской национальной труппы. В литературном кружке «Саха омук» из 72 чел. было 20 женщин (В.Д. Давыдова, Е.П. Заболоцкая, Е.И. Антипина, З.Е. Егасова и др.). Кружок сыграл определенную роль в приобщении населения к чтению, что ускорило в будущем подготовку прозаиков и поэтов [Антонов, 1995, с. 83–84].

В 1927 г. женотделы страны организовали и провели II Всесоюзный съезд работниц и крестьянок в Москве, в работе которого приняли участие представительницы народов Севера и Сибири. Делегатки рассказывали о трудных условиях жизни и осудили сохранившиеся формы дискриминации на работе. Съезд стимулировал своих участников на продолжение борьбы за интересы женщин [Голдман, 2010, с. 56–57]. 18–21 июня 1927 г. I съезд эвенкийских женщин рассмотрел вопрос о переходе эвенков на оседлый образ жизни. Делегатки подчеркнули пагубность бродячей жизни для здоровья женщин, обсудили вопросы оздоровления быта, расширения сети медицинских пунктов, повышения уровня санитарно-гигиенического просвещения

масс. По существу получилось так, что мыло, баня, полотенца в этих условиях приобрели политическое звучание [Иванова, 1974, с. 85–86].

Под влиянием социально-экономических и политических процессов происходили изменения форм брака, гендерное разделение труда и т.д. Для нового советского строя были характерны практики мобильности и межнационального общения; изменение позиции мужчин; ослабление внутрисемейного и общинного контроля; вовлечение женщин в публичную деятельность [Темкина, 2008, с. 248, 267]. В результате этих мероприятий ранее робкие и пассивные женщины стали учиться отстаивать свои интересы в семье и обществе, проявлять заинтересованность в решении экономических, общественно-политических и социальных вопросов [Иванова, 1974, с. 118].

Межнациональные браки поддерживались и продвигались в русле интернациональной политики государства. Женами многих партийно-советских руководителей Якутской АССР становились представительницы русского, еврейского, украинского и других народов. К примеру, женой М.К. Аммосова была Раиса Израилевна Цугель, И.Н. Барахова – Александра Андреевна Черепанова, С.В. Васильева – Марфа Васильевна Соболева и т.д. В семьях советской элиты формировалось русифицированное поколение детей, которое отказывалось от патриархальных традиций и искренне верило в ценности коммунизма. Принадлежность к высшим, наиболее образованным советским слоям служила оправданием для отклонений от сложившихся в обществе традиционных стереотипов. Высокий уровень социально-территориальной мобильности в СССР (переезды, обучение в вузах, распределение после учебы, командировки, жизнь в полиэтнических поселениях и др.) создал условия для разрушения межродовых обменов, для межнационального общения и браков. В полиэтнических территориальных образованиях представители разных национальностей оказывались с детства в русскоязычной среде, их родители жили в нуклеарных семьях, общались с друзьями разных национальностей и пр.

В Якутии проводилась работа по расширению социальной базы женского движения. В

округах, улусах и наслегах открывались женотделы, женбюро, избирались женорганизаторы, проводились делегатские собрания. В рамках советской модернизации происходила подготовка новых квалифицированных кадров. Так, с 1924 по 1929 г. было направлено из Якутии в центр на учебу 1895 чел., в том числе 1100 женщин [Иванова, 1974, с. 150; 2004, с. 37]. В 1928–1929 гг. Якутская АССР командировала в центр 117 чел., из них 92 (78,6%) мужчин и 25 (21,4%) женщин*.

Значительное число женщин было занято в здравоохранении и образовании – в массовых профессиях советского времени, которые образовывали прослойку среднего класса, интеллигенции. К концу 1920-х гг. количество женщин-врачей сравнялось с числом врачей-мужчин, и в дальнейшем удельный вес первых увеличивался. Они внесли весомый вклад в становление целого ряда медицинских служб, в том числе фтизиатрической, санитарно-гигиенической, педиатрической и др. Женщины заняли ведущее место в составе медицинских работников средней квалификации [Иванова, 1974, с. 167].

Советские модернизированные, русифицированные практики и идентичности выступали основой отклонения от традиционализма. В такой модернизированный сценарий вписывались различные элементы традиции. Советская идентичность могла выступать дополнительным моральным основанием для самоконтроля и соблюдения традиционных норм. Отношения в супружестве начинали приобретать некоторые формы социального партнерства, хотя ответственность за домашнее хозяйство и воспитание детей по-прежнему лежала на женщинах.

Политика государства была направлена на формирование и активизацию женского движения как модернизационного инструмента. Советское государство, с одной стороны, продвигало эгалитарные публичные роли женщин, а с другой – игнорировало гендерное неравенство в приватной сфере, оставляя широкое пространство для воспроизводства гендерных норм [Темкина, 2008, с. 271, 276, 282]. В 20-е гг. XX в. изменился социальный статус в первую очередь городских женщин. Власть призывала их к активной жизни в семье и обществе, учила грамо-

* Филиал Национального архива Республики Саха (Якутия). Ф. 3. Оп. 3. Д. 965. Л. 32–33.

те, привлекала к общественно полезному труду, давала возможность получать образование, развивать свой творческий и духовный потенциал [Иванова, 2004, с. 34]. Женское движение в Якутии, сформировавшееся на традициях хозяйственно-бытового и культурного партнерства, отныне было ориентировано на диалог с мужчинами и, скорее, на защиту, чем на «нападение» [Винокурова, 2004, с. 7].

В 20-е гг. XX в. Политпросвет ЯАССР сформировал сеть политико-просветительных учреждений, работавших в основном среди женщин: красные юрты (повозки), женские уголки, кочевые волостные организаторы. Это были своеобразные формы клубной работы в условиях кочевого и полукочевого быта Севера [Иванова, 1974, с. 71]. С конца 1920-х гг. женотделы в стране отходили все дальше и дальше от первоначального стремления отстаивать интересы женщин, превращаясь в инструмент подготовки советских административных женских кадров. Женотделы становились орудием партийной политики, а не защитником интересов женщин. Политбюро упразднило 5 января 1930 г. женотдел ЦК ВКП(б). Местные партийные руководители и женский актив оказались в растерянности и истолковали это решение как прекращение массовой работы среди женщин. В отсутствие женских организаций женщины потеряли возможность эффективно защищать свои интересы и оказывать влияние на политику [Голдман, 2010, с. 56, 68, 74, 88, 89].

Таким образом, революция 1917 г. пробудила активность женского движения, инициированного женскими общественными и национальными объединениями. После установления советской власти женские организации развернули активную работу за успешную социализацию и интеграцию городских, улусных и деревенских женщин в новое политическое, экономическое и культурное пространство и за повышение их социального статуса в обществе. Женские объединения организовали Всеякутские съезды женщин, на которых были приняты конкретные меры по реализации политики их «раскрепощения». Этими же решениями женщины широко вовлекались в сельскохозяйственное и кооперативное производство, в социальную работу по открытию школьных и дошкольных, медицинских, культурно-просветительных, соци-

альных учреждений. Были сделаны попытки привлечь женщин к научно-исследовательской деятельности. Партийно-советское руководство использовало их творческий и духовный потенциал для реконструкции и модернизации в сталинском варианте экономики и культуры региона. В этом отношении женское движение сыграло свою роль в формировании и воспитании нового советского человека. Политика власти по поощрению деятельности женских организаций сменилась начавшимся в 1930-е гг. XX в. «закрепощением» ее статуса в рамках укрепления тоталитарной системы.

Литература

Антонов Е.П. Из истории участия женщин в деятельности культурно-просветительного общества «Саха омук» (1920–1928 гг.) // Женщина Севера: семья и общество: мат-лы респ. науч.-практ. конф. – Якутск: ООО «Литограф», 1995. – 100 с. – С. 83–85.

Антонов Е.П. Культурно-просветительное общество «Саха омук» (1920–1928 гг.). – Новосибирск, 1998а. – 105 с.

Антонов Е.П. Интеллигенция Якутии (1922–1938 гг.). – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1998б. – 136 с.

Антонов Е.П. Женское движение 1920-х гг. как модернизационный инструмент // Женский мир в научном дискурсе: исследовательские стратегии: мат-лы регион. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Наука, 2010. – 202 с. – С. 164–169.

Бурнашева Н.И. Женщины в истории кооперативного движения Якутии // Якутский архив. – 2004. – № 3. – С. 13–17.

Бурнашева Н.И. Участие женщин Якутии в решении экономических задач 1920–1930-х годов // Женский мир в научном дискурсе: исследовательские стратегии: мат-лы регион. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Наука, 2010. – 202 с. – С. 170–176.

Винокурова Л.И. Женщина Якутии: диалог со Временем // Якутский архив. – 2004. – №3. – С. 3–9.

Голдман Венди З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). – М.: РОССПЭН, 2010. – 358 с.

Ермолаева Ю.Н. «Женское лицо» академической Якутской экспедиции 1925–1930 гг. // Женский мир в научном дискурсе: исследовательские стратегии: мат-лы регион. научно-практ. конф. – Новосибирск: Наука, 2010. – 202 с. – С. 177–181.

Иванова Л.Т. Раскрепощение женщин Якутии и их роль в социалистическом строительстве (1917–1937 гг.). – Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 184 с.

Иванова Л.Т. Организаторы женского движения в Якутии в 20–30-е гг. // Женщина Севера: семья и об-

щество: мат-лы респ. научно-практ. конф. –Якутск: ООО «Литограф», 1995. – 100 с. – С. 79–82.

Иванова Л.Т. Зарождение женского движения в Якутии: постановка вопроса // Якутский архив. – 2004. – №3. – С. 10–12.

Иванова Л.Т. Первый форум якутянок // Там же. – С. 34–98.

Макарова А.И. История женского образования в Якутии (конец XIX–XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 2002. – 22 с.

Радченко Н.Н. Гендерный подход к истории политических партий и организаций Якутии // Женский мир в научном дискурсе: исследовательские стратегии: мат-лы регион. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Наука, 2010. – 202 с. – С. 159–163.

Темкина А. Гендерная модернизация по-советски – традиционные сценарии сексуальной жизни // *Ab imperio*. – 2008. – № 3. – С. 243–287.

Ye.P. Antonov

The Integration of Women into the Public Space of the Autonomous Yakutia: Analysis of Women's Public Organizations in the 1920s of XX Century

The article deals with the revolution of 1917, which aroused the mass women's movement, when in Yakutia women's social and women's national associations emerged. The role of women's organizations is revealed after the establishment of Soviet power in the successful socialization and integration of urban, ulus and village women in a new political, economic and cultural space, and the increase of their social status in society. The contribution of women's associations on the organization of the All-Yakut women's congresses, which took concrete measures to implement the policy of their "emancipation", was revealed. The wide involvement of women in agricultural and cooperative production, in social work on the opening of school and preschool, medical, cultural and educational institutions, as well as in attracting women to research activities is shown. The conclusion is drawn about the use by party and soviet leadership of the creative and spiritual potential of women for reconstruction and modernization in the Stalinist version of the economy and culture of the Yakut ASSR. Also touched upon is the contribution of the women's movement in shaping and educating a new Soviet citizen. Data are given on the change in the policy of the authorities to encourage the activities of women's organizations, when in the 1930s the status of women began to "enslave" in the framework of strengthening the totalitarian system.

Keywords: emancipation of women, women's movement, women's public organizations, women's department, All-Yakut women's congress, cultural and educational society "Sakha Omuk" (Yakut nation), emancipation, emancipation of women, legal protection of women, family, upbringing, domestic work, research, interethnic marriages, modernization tools.

УДК 821.512.211(092)Тэки Одулок

М.В. Осипова

Н.И. Спиридонов-Тэки Одулок: забытые факты жизни (по материалам архива Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова)

В статье представлены ранее не публиковавшиеся материалы из архива Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, в которых отображены первые шаги на научном поприще выдающегося представителя одного из древнейших коренных малочисленных народов Севера – юкагиров, кандидата экономических наук, основоположника юкагирской литературы Николая Ивановича Спиридонова (Тэки Одулока). Начало его яркой, но та-

© *М.В. Осипова, 2017*

кой короткой научной деятельности было положено в стенах одного из старейших дальневосточных музеев – Хабаровского краеведческого музея, который в 20–30-х гг. прошлого столетия являлся базовым учреждением, куда для прохождения практики направлялись молодые этнографы из центральных регионов страны. Здесь они получали свои первые задания и отправлялись в экспедиции в отдаленные регионы для сбора информации о быте малоизученных этносов. В числе таких практикантов был студент Института народов Севера – юкагир Николай Иванович Спиридонов, благодаря которому сегодня имеются уникальные этнографические сведения очевидца о жизни юкагиров и чукчей Колымы.

Ключевые слова: Н.И. Спиридонов, юкагиры, этнографическая экспедиция, Хабаровский краевой музей, этнографические коллекции.

Одним из важнейших направлений в музейной деятельности является научно-исследовательская работа, посвященная изучению музейных фондов и введению в научный оборот новых сведений о культурном наследии этносов, представленных в виде вещных предметов, документальных и фотоколлекций. Объектом таких исследований становится, прежде всего, музейный предмет. Однако его изучение не ограничивается сбором справочного материала относительно самого предмета или фотоснимка. Исследовательский труд заключается в поиске новых сведений о том, каким образом тот или иной артефакт попал в коллекцию, кем был собиратель; в сборе информации о месте и времени поступления предмета в музейный фонд. Такой поиск позволяет открыть ранее неизвестные страницы истории учреждения в целом или же моменты жизни отдельной личности, принимавшей непосредственное участие в пополнении музейного собрания.

Личностью, чей путь в науку начался именно в Хабаровском краевом музее (далее – ХКМ), является Николай Иванович Спиридонов-Тэки Одулок (1906–1938) – первый юкагир, получивший ученую степень кандидата экономических наук, основоположник юкагирской литературы, общественный деятель. Истокам его научной и творческой деятельности, непростому жизненному пути посвящена эта статья, в основе которой лежат архивные материалы Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Побуждающим фактором к написанию этой работы явилась опубликованная в журнале «Исторические, философские, политические и юридические науки» статья А.А. Сулейманова «Этнографическое изучение юкагиров в первой половине XX в.».

В ней автор довольно подробно изложил историю исследований, связанных с юкагирами, уделив внимание деятельности Н.И. Спиридонова. Но при этом в работе прозвучала фраза о том, что, «вероятно, не удастся найти отчет об исследовательской работе внештатного участника Якутской комплексной экспедиции Н.И. Спиридонова (Тэки Одулок)» за 1927–1928 гг. [Сулейманов, 2014, с. 150]. Однако такой отчет, пусть краткий, имеется в архивах ХКМ им. Н.И. Гродекова (г. Хабаровск), откуда и начался путь исследователя в науку. Но прежде, чем перейти непосредственно к практически забытому эпизоду из биографии Н.И. Спиридонова, необходимо охарактеризовать ту обстановку, в которой началась его трудовая и научная деятельность.

С сожалением приходится констатировать тот факт, что исторические события, имевшие место в нашей стране в начале XX в. – Октябрьская революция, Гражданская война, оказывали порой негативное влияние на работу музеев, и Хабаровский краевой музей – не исключение. О его существовании в те непростые годы свидетельствуют архивные записи: «...за время революции и интервенции в музее разрушены были отделы ластроногих и исторический – коллекции свалены были на чердак, статуи художественного отдела были разбиты на куски»* [Архив ХКМ. Оп. 1. Д. 3. Л. 32]. Тяжелое материальное положение в 1918–1920 гг. привело к сокращению штата квалифицированных сотрудников, которые документировали поступающие артефакты. Ненадлежащее хранение документов и предметов привело к их порче и частичной утрате. В отчете о работе ХКМ за 1921–1923 гг. исполняющий обязанности директора А.Е. Трусов писал: «Музей уже несколько лет по зимам не отапли-

* Во всех цитируемых документах сохранена орфография первоисточника.

вается полностью <...>из-за неотапливания в прежние годы развилась сырость, и коллекции начали гнить. В общем положение музея в данный момент крайне плачевно и гибель коллекций можно предупредить только тщательной и полной консервацией, для которой в текущем году не было отпущено никаких средств, по той же причине не было возможности привлечь музей работников-специалистов, без которых обойтись невозможно». В первом полугодии 1922 г. ситуация не улучшилась: «Жалование служащим выплачивалось в 50%-ном размере от ставок. Сокращение штатов отражается не только на текущей работе, но и на коллекциях музея» [Там же. Д. 2. Л. 4, 4об., 6, 7].

Но, начиная с 1924 г., положение в стране и на Дальнем Востоке стабилизируется. Это сказалось и на работе ХКМ. Музей возглавил известный дальневосточный исследователь В.К. Арсеньев (1872–1930), а приглашенная им выпускница этнографического факультета Ленинградского Географического института Н.А. Богданова-Серк (1904–1966) стала заведующей этнографическим отделом. В Хабаровском краевом музее развернулась работа по инвентаризации имеющихся этнографических коллекций, к которым посетители всегда проявляли наибольший интерес. В это время в отделе этнографии музея или «отделе этнографии туземного населения», как он тогда назывался, начинали свою трудовую деятельность выпускники Ленинградского Географического института, а впоследствии известные ученые-североведы К.И. Бауэрман (1890–1941), Е.П. Орлова (1899–1976). Им оказывал помощь сотрудник Дальстатуправления Г.М. Мевзос. На этих людей была возложена обязанность проверки коллекций, сверки наличия предметов по инвентарной книге, их регистрации. К некоторым экспонатам членами этой комиссии сразу же составлялись пояснительные тексты [Там же. Д. 3. Л. 4]. Инвентаризация показала, что возникла настоятельная необходимость пополнения именно этнографических коллекций. В документах подчеркивалось, что это – одна из первоочередных задач в деятельности учреждения.

На 1927/28 г. был составлен краткий производственный план, где среди пунктов, касающихся хозяйственной деятельности музея, был пункт за номером 5, в котором говорилось о ко-

мандировках сотрудников «для сбора этнографических и естественно-исторических коллекций» [Там же. Л. 81]. На эти цели было выделено 1350 руб. Но, несмотря на внушительную по тем временам сумму, денег на поездки в отдаленные регионы не хватало. И тогда Ученым советом совместно с администрацией музея принимается решение воспользоваться услугами людей, которые командировались по служебным делам другими организациями. Это были сотрудники Статистического управления, студенты-этнографы, научные сотрудники, представители торговых организаций. Они обеспечивались небольшими денежными средствами для приобретения необходимых предметов, но главное – они получали подробные инструкции по сбору этнографических коллекций, а также научную литературу по культуре тех народов, к которым они ехали. Например, в протоколах заседаний Ученого совета музея за 1925–1927 гг. есть план работы этнографического отдела на полугодие 1926 г., подписанный зав. отделом Н.А. Серк, включавший следующие пункты: «1. Поручено т. Сторчаку (Дальгосторг) привезти к 1927 г. коллекции по алеутам о. Медного; 2. Сотруднику ЦСУ т. Шаврову дано 100 руб. для покупки по определенным заданиям этнографических коллекций на Камчатке; 3. Вошли в соглашение с ЦСУ т. Мевзос о предоставлении ими для камчатских снимков части пластинок и реактивов, заказанных ЦСУ в Шанхае, с оплатой музеем этих материалов по счету ЦСУ; 4. Выяснить к 10 июня у т. Мевзос окончательный срок начала переписи по всему району ДВК, исключая Камчатку, и список лиц, назначенных на перепись, в связи с покупкой коллекций для музея» [Там же. Д. 4. Л. 21].

В результате инвентаризации фондов также выяснилось, что в этнографической коллекции палеоазиатских народов, населявших территорию Дальневосточного края, в состав которого входили губернии, расположенные в бассейне реки Амур, Камчатка и север Сахалина, совершенно не представлен такой коренной народ, как юкагиры. Было принято решение, занесенное в протокол № 20 от 11 мая 1927 г., в котором впервые прозвучала фамилия Н.И. Спиридонова: «2. О поручении сбора коллекций для музея тов. Е.Я. Кавелину (докл. К.Я. Лукс)». В нем, в частности, говорилось о том, что представитель

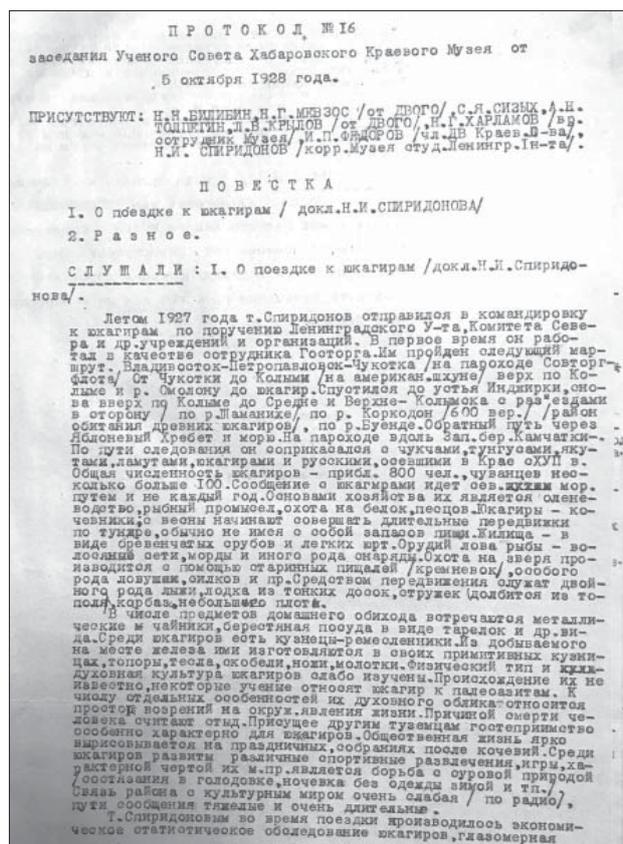
Госторга Е.Я. Кавелин направляется в районы рр. Колыма и Индигирка, где он проведет 3–4 года, и сопровождать его в этой поездке будет студент-юкагир Спиридонов. Им поручалось доставить в Колымский край небольшую библиотеку «для нужд населения», а на приобретение коллекций даже выдавались деньги в размере 50 руб. из музейных средств [Там же. Л. 42, 42об.].

Возникает вопрос, каким образом студент этнографического факультета Ленинградского университета оказался в Хабаровске? Ранее уже упоминалось, что Хабаровский краевой музей, основанный стараниями Общества изучения Амурского края, в годы становления советской власти под руководством таких директоров, как В.К. Арсеньев, К.Я. Лукс, Н.Н. Билибин, оставался центром научной жизни Дальневосточного региона. И более того, командированные из Ленинграда и Москвы этнографы использовали музей и его фонды в качестве исследовательской базы. Достаточно вспомнить экспедиции 1926–1927 гг. Н.К. Каргера и И.И. Козьминского к нанайцам и ульчам, В.А. Аврорина – к орочам, В.И. Цинциус и К.М. Мыльниковой-Форштейн – к негидальцам, Е.Р. Шнейдера – к удэгейцам, Б.А. Куфтина – к удэгейцам, ульчам и нивхам, С.В. Иванова – к нанайцам и ульчам, Е.А. Крейновича – к нивхам и т.д.

По словам С.А. Ратнер-Штернберг, следуя рекомендации известных североведов, отцов-основателей этого направления в советской этнографии, Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза, помимо теоретической подготовки, каждый студент, связанный с этнографическими и лингвистическими исследованиями, должен был провести какое-то время среди какой-либо народности из избранного им цикла. Студенты на практике должны были ознакомиться со всеми сторонами жизни и быта этноса [Ратнер-Штернберг, 1935, с. 146]. Поэтому неудивительно, что такие университеты, как Иркутский (студент Герасимов), Томский (преподаватель Иогансон, студенты-практиканты Якушевич и Красовский), Ленинградский (Спиридонов), Московский государственный университет (студенты Петровский и Хаустов), присылали на практику своих студентов, а также преподавателей в музей Хабаровска [Там же. Д. 7. Л. 50–51; 5. Л. 8–9].

Направленный в 1925 г. на учебу в Ленинград, Н.И. Спиридонов, как и большинство студентов-северян, активно сотрудничал с созданным при ВЦИК СССР в 1924 г. Комитетом Севера («Комитет содействия народностям северных окраин») и Комиссией по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (КИПС). Комитет Севера был призван содействовать «устройению жизни малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении» [ГАХК. Ф. 696. Оп. 1. Д. 110. Л. 21, 23]. Он собирал любые сведения об условиях жизни коренных народов России. Этнографические экспедиции студентов-практикантов давали богатый фактический материал, полученный из первых рук. Такой экспедицией стала поездка Н.И. Спиридонова к юкагирам Колымы. Согласно сведениям А.А. Сулейманова, Н.И. Спиридонов стал внештатным участником Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР 1927–1929 гг. под руководством Д.Д. Травина. Возможно, что это так, однако в протоколах Ученого совета ХКМ об этой академической экспедиции, к сожалению, не сказано ничего. Поездка Н.И. Спиридонова к юкагирам представлена как самостоятельная, организованная по инициативе Хабаровского краевого музея, который выделил средства на закупку экспонатов.

В научно-популярной и популярной литературе можно встретить информацию, объединяющую экспедиции Н.И. Спиридонова на Колыму и Чукотку. Однако эти сведения не точны. На Чукотке Спиридонов побывал, о чем сообщил в предисловии к повести «Жизнь Имтеургина-старшего» (1936): «По пути на Колыму я опять встретился с чукчами. Около месяца жил я в чукотских селениях Дежнев и Уэлене <...>. На Колыме я пробыл около года и вывез оттуда в 1928 году чукчу Имтеургина на учебу в Ленинград» [Одулок, 1936, с. 6]. Специально на Чукотку ученый вернулся, будучи уже аспирантом Института народов Севера в составе оргкомитета Дальневосточного крайисполкома. Целью этой поездки была организация на этой территории Чукотского национального округа. Но материал о народе, представителем которого являлся сам Спиридонов, был собран на другой территории. И это не Чукотка, а бассейн р. Колымы, ее притоки Коркодон, Буенда, Омолон.

Отчет Н.И. Спиридонова о поездке к юкагирам
(Протокол № 16 ХКМ)

Маршрут, пройденный молодым исследовате-
лем, указан в его отчете.

Состоявшееся 5 октября 1928 г. заседание Ученого совета музея было полностью посвящено отчету Н.И. Спиридонова о поездке к юкагирам. Для того, чтобы считаться полноправным членом экспедиции, Н.И. Спиридонов был принят на работу в Госторг, организацию, основанную в первые годы советской власти и осуществлявшую монопольную внешнюю торговлю. Кроме Хабаровского музея, свои поручения начинающему исследователю дали Ленинградский университет и упоминавшийся Комитет Севера. Молодой человек должен был собрать разнообразные сведения: о проживающих в труднодоступных районах коренных жителях, численности населения, образе жизни; статистические данные об их хозяйственной деятельности; выполнить картографирование проделанного пути, собрать этнографические коллекции, осуществить фотосъемку тех мест и людей, с кем ему доведется встретиться. Судя по его отчету, он блестяще справился со всеми задани-

ями, продемонстрировав аналитические способности и задатки будущего ученого.

Даже в XXI в. трудно себе представить, как юноша, которому исполнился 21 год, в те далекие времена смог преодолеть все тяготы такого пути. Несмотря на то, что регион был ему отчасти знаком, так как рожденный, по его словам, «в шатре из оленьей кожи», что стоял на берегу «темноводной и извилистой» северной реки Ясачной, и в детстве кочевавший со своей семьей по долинам и притокам этой реки, самостоятельную дорогу в отдаленные районы Севера он осваивал впервые. Чтобы попасть в места компактного проживания юкагиров, ему пришлось из Хабаровска отправиться во Владивосток, где он сел на пароход Совторгфлота, направлявшийся в Петропавловск-Камчатский и дальше на Чукотку. Уже оттуда американская шхуна северным морским путем доставила его до р. Колымы, где он поднялся вверх по ее течению и р. Омолону до юкагирских стойбищ. Подтверждением этому служат его собственные воспоминания: «...я сел на американскую шхуну Свенсона и вместе с экспедицией Дальгосторга побывал во всех чукотских селениях северного побережья, начиная от Уэлена и кончая Чаунской губой и устьем реки Колымы» [Одулок, 1936, с. 6].

Затем был спуск до устья Индигирки, потом снова в верховья Колымы до Средне- и Верхне-колымска. В пути он использует представившиеся возможности попасть в самые отдаленные поселения юкагиров, двигаясь речными путями по рр. Шаманиха, Коргодон и Буенда. Этот маршрут составил около 600 верст, или более 640 км. На обратном пути Н.И. Спиридонов пересек Яблоневый хребет. Добравшись до Камчатки, он отправляется пароходом вдоль ее западного побережья и прибывает во Владивосток. Согласно предоставленным Н.И. Спиридоновым данным, юкагиров на обследованных им территориях проживало около 800 человек, несколько больше – чуванцев. Северный морской путь был единственным средством сообщения с этим народом, причем тяжелым и длительным. Исследователь отмечал очень слабую связь этого района с «культурным миром».

Далее в отчете представлена хоть и краткая, но вполне исчерпывающая этнографическая информация, которую хотелось бы процитировать пол-

ностью: «Основами хозяйства их (юкагиров – М.О.) являются оленеводство, рыбный промысел, охота на белок, песцов. Юкагиры – кочевники; с весны начинают совершать длительные передвижки по тундре, обычно не имея с собой запасов пищи. Жилища – в виде бревенчатых срубов и легких юрт. Орудия лова рыбы – волосяные сети, морды и иного рода снаряды. Охота на зверя производится с помощью старинных пищалей (кремневок), особого рода ловушек, силков и пр. Средством передвижения служат двойного рода лыжи, лодка из тонких досок, стружек (долбится из тополя), корбазы, небольшие плоты. В числе предметов домашнего обихода встречаются металлические чайники, берестяная посуда в виде тарелок и др. вида. Среди юкагиров есть кузнецы-ремесленники. Из добываемого на месте железа ими изготавливаются в своих примитивных кузницах топоры, тесла, скобели, ножи, молотки.

Физический тип и духовная культура юкагиров слабо изучены. Происхождение их неизвестно, некоторые ученые относят юкагир к палеоазиатам. К числу отдельных особенностей их духовного облика относится простота воззрений на окружающие явления жизни. Причиной смерти человека считают стыд. Присущее другим туземцам гостеприимство особенно характерно для юкагиров. Общественная жизнь ярко вырисовывается на праздничных собраниях после кочевий. Среди юкагиров развиты различные спортивные развлечения, игры. Характерной чертой их между прочими является борьба с суровой природой, состязания в голодовке, ночевка без одежды зимой и т.п.» [Архив ХКМ. Оп.1. Д. 7. Л. 26–26об.].

Помимо этнографических записей, Н.И. Спиридонов во время этой экспедиции вел сбор лингвистического и фольклорного материала. Так, например, именно им была записана распространенная по всей Колыме и среди юкагиров, и среди чукчей, и среди якутов сказка о Канканке. Кроме этого для будущего юкагирско-русского словаря он записал более 2 тыс. юкагирских слов, а также слова одного из эвенских или, как указано в протоколе, ламутских диалектов. Он привез более 100 фотоснимков и предметов, отражавших особенности материальной и духовной культуры древнего народа. Во время своего долгого пути Спиридонов, кро-

ме юкагиров, встречал чукчей, тунгусов (эвенков), ламутов (эвенков), якутов и русских поселенцев, пришедших на эти земли в XVII в.

Необходимо отметить, что Н.И. Спиридоновым также была собрана ценная информация о похоронной обрядности чукчей. Он, в частности, писал, что, по представлениям народа, для того, чтобы умерший человек как можно быстрее попал в верхний мир, его тело заворачивали в оленью шкуру и оставляли в тундре на съедение собакам, песцам или волкам. Если же смерть случалась во время перекочевки, то тело сжигалось на костре. При этом люди внимательно следили за дымом от костра. Если тот поднимался вверх, то покойный шел в верхний мир, если же дым стлался по земле, то это означало, что он попадал в нижний мир, где ему будет очень трудно находиться. Как и многие коренные народы, чукчи снаряжали покойного в «иной мир», давая ему с собой оленя, нарту, одежду, посуду и оружие. Все предметы приводились в негодность, олень тоже должен был быть умерщвлен. Иногда вместо оленя на могилу клались оленьи рога. Им были зафиксированы чукотские названия всех бытовых предметов, даны к ним пояснения, подробно изложены сведения о роли и месте шамана в жизни чукчей [Одулок, 1936, с. 132–139].

Свой доклад Н.И. Спиридонов сопровождал демонстрацией выполненных им рисунков жилищ, орудий промыслов и т.д. Доклад вызвал неподдельный интерес присутствующих, которые задавали уточняющие вопросы, касавшиеся не только жизни юкагиров, но и условий работы на Крайнем Севере.

По результатам доклада было вынесено решение – заслушать тов. Спиридонова еще раз на предмет ознакомления Ученого совета музея с привезенными им из экспедиции предметами. К сожалению, неизвестно, состоялось ли это заседание, такого протокола в архиве музея нет, но есть упоминание, о том, что по поводу юкагирской коллекции, доставленной Н.И. Спиридоновым, собирались два раза.

Неизвестна судьба и самой коллекции. В фонде музея отсутствуют какие-либо снимки и рисунки, о которых упоминается в протоколе. Из вещных предметов, характеризующих материальную культуру юкагиров, в наличии была только одна модель лодки, на борту которой

имеется надпись, что привезена она была в Хабаровск для выставки 1913 г. Экспедиция Н.И. Спиридонова проходила в совершенно другой временной промежутке. Других документов не сохранилось.

За годы практики в полевых условиях студенты, отправляемые в Хабаровский краевой музей, становились не просто научными работниками, но и полевыми этнографами, которые могли передать увиденное ими, опубликовав научные статьи. Такие работы, в основе которых лежали изыскания упомянутой выше экспедиции, принадлежащие перу Н.И. Спиридонова, стали появляться в разных изданиях. Так, в общественно-научном журнале «Советский Север» (№ 9–10) за 1930 г., издаваемом Комитетом Севера, вышла его первая историко-этнографическая статья «Одулы (юкагиры) Колымского округа». Она была положительно оценена научной общественностью, и автор получил приглашение написать для первого издания Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) статьи «Юкагирский язык» и «Юкагиры». Обе статьи наряду с общей информацией, почерпнутой из разных литературных источников, содержали оценки и выводы, к которым пришел автор на основе собственных наблюдений, выполненных во время полевой работы среди юкагиров Колымы. Он, например, писал: «Жизнь юкагиров после революции в корне изменилась: они совершенно освободились от всяких платежей, как государству, так и частным купцам ростовщикам. Советская власть ликвидировала также захваты русскими и якутами юкагирских промысловых районов. Юкагирский язык прежде был в заго-не, теперь дети юкагиров получили доступ в советские школы и вузы. В связи с распространением образования и экономического подъема ликвидируются также элементы старого быта. В настоящее время Советская власть организовала Нижне-Колымский (юкагиро-, эвено-, чукотский) район, где обе народности получают полную возможность построить свою национальную культуру». О современном состоянии юкагирского языка он сообщил следующее: «До Октябрьской революции запрещалось употребление юкагирского языка в присутственных местах, вследствие чего юкагирам приходилось прибегать к услугам переводчиков, что создавало широкие возможности злоупотреблений и

вымогательств. Церковь в свою очередь стремилась к замене юкагирского языка якутским, на котором велось богослужение. Только лишь при Советской власти юкагирский язык получил все права гражданства. Создается особая культбаза (социалистический городок), выделяется специальный юкагиро-ламутский район. В Институте народов Севера студенты-юкагиры с 1930 г. под руководством лингвистов участвовали в подготовке к печати учебников на юкагирском языке (буквари, грамматики, словари)» [БСЭ, 1931, с. 166–169]. Несмотря на некоторую наивность взглядов в отношении роли советской власти в жизни коренных народов Севера, это были публикации, дававшие представление о прошлой и современной Н.И. Спиридонову жизни одного из древнейших народов Крайнего Северо-Востока.

Том с этими работами Н.И. Спиридонова был опубликован в 1931 г. А уже через два года из печати с предисловием В.Г. Богораза вышел сборник его очерков, созданных по материалам все той же экспедиции на Колыму, – «На Крайнем Севере» (1933 г.). Через год вышло из печати самое известное его художественное произведение, переведенное на иностранные языки, – повесть «Жизнь Имтеургина-старшего» (1934 г.), выдержавшее несколько переизданий.

После защиты диссертации в 1933 г., согласно биографическим данным, Н.И. Спиридонов вернулся в Дальневосточный край, где в 1934 г. занял пост первого секретаря Аяно-Майского райкома ВКП(б). Спустя год, в сентябре 1935 г. он вернулся в Хабаровск и уже 22 октября того же года на заседании Дальневосточного краевого правления ССП он был утвержден заведующим национальным сектором правления Союза писателей с предложением «немедленно приступить к работе» [ГАХК. Ф. 1738. Оп. 2. Д. 9. Л. 22]. Такое назначение тоже не было случайным. С 1934 г. Н.И. Спиридонов являлся членом ленинградской писательской организации и к тому времени, как было упомянуто выше, имел опыт литературной деятельности.

В самом начале 1936 г. на расширенном заседании редколлегии журнала «На рубеже» редактором журнала И.И. Шабановым был предложен тематический план выпусков на январь-февраль. В разделе журнала «Из прошлого» планировалась публикация статьи на знакомую

Н.И. Спиридонову тему, в которой он был специалистом, – «Торгово-колониальная эксплуатация юкагигов в дореволюционное время». Это было зафиксировано протоколом № 1 от 9 января 1936 г. [Там же. Оп. 2. Д. 15. 2. Л. 8]. В том же январе 1936 г. Н.И. Спиридонов уезжает из Хабаровска в Ленинград и, как оказалось впоследствии, навсегда.

Несмотря на то, что Н.И. Спиридонов покинул Хабаровск, писательская организация его не забыла. Дело в том, что приближалась великая дата – двадцатилетие Октябрьской революции. Известный дальневосточный писатель А.А. Фадеев, исполнявший в тот период должность заместителя председателя оргкомитета Союза писателей СССР, выступил с инициативой издания двухтомника о советском Дальнем Востоке. По замыслу Фадеева и редакции журнала «На рубеже», это должен был быть большой коллективный труд, осуществляемый силами московских, ленинградских и дальневосточных писателей. Информация об издании прозвучала даже по радио.

Среди тем, посвященных партийному и советскому строительству, индустриализации, образованию новых областей и строительству городов на территории края, была тема о его коренных и пришлых народах – тунгусах, юкагигах и корейцах. Авторами значились А.А. Фадеев, маршал В.К. Блюхер, Герой Советского Союза летчик М.В. Водопьянов и др. Статью о юкагигах поручено было написать Тэки Одулоку. Эта фамилия неоднократно повторялась в протоколах заседания Дальневосточного ССП в связи с изданием книг о народах Севера [Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 15]. Но этим планам, как и публикации статьи в журнале, не суждено было сбыться.

К сожалению, пребывание именно в Хабаровске стало причиной его ареста по ложному

обвинению в связях с японской разведкой и последовавшего в 1938 г. расстрела. Но память о неординарном молодом человеке, проявившем мужество, отправившись практически в одиночку в столь непростое путешествие, и выполнившем с честью все данные ему поручения, его научном подвиге, сохраняется.

Источники и литература

Архив ХКМ. Оп.1. Д. 2. Отчеты о работе музея за 1921–1923 гг. 50 л.; Д. 3. Отчеты о работе музея за 1924 – по октябрь 1925 г. 142 л.; Д. 4. Протоколы заседаний Ученого совета музея 1925–1927 гг. 47 л.; Д. 7. Протоколы заседаний Ученого совета музея 1928–1929 гг. 62 л.

Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. – 1-е изд. – Т. 65. – М.: Гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. энцикл.», 1931. – С. 165–169.

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края. Ф. 696. Оп. 1. Д. 110. 43 л.; Фонд С.Н. Оненко – к.ф.н., с.н.с. СО АН СССР, участника ВОВ. Начальный период строительства органов Советской власти. Социалистические преобразования экономики народностей Севера. Машинопись, 1983 г.; Ф. 741. Оп. 2. Д. 1. Отчеты музея за 1921 г. и за октябрь 1925 – октябрь 1926 гг. 31 л.; Ф. 1738. Оп. 1. Д. 2. Протоколы совещаний заседаний комиссии редколлегии журнала «На рубеже». 15 л.; Оп. 2. Д. 9. Протоколы заседания Дальневосточного ССП. Начато 2 января 1935 г. – окончено 22 октября 1935 г. 23 л. (л. 22); Д. 15. Планы и переписка по изданию сборников правления Союза писателей. 1936 г. 34 л.

Одулок Тэки. Жизнь Имтеургина-старшего / Т. Одулок. – М.; Л.: Гос. изд-во дет. лит., 1936. – 140 с.

Ратнер-Штернберг С.А. Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа // Сов. этнография. – 1935. – № 2. – С. 134–154.

Сулейманов А.А. Этнографическое изучение юкагигов в первой половине XX в. / А.А. Сулейманов // Исторические, философские, политические и юридические науки. – 2014. – № 11 (49). – Ч. 2. – С. 149–152.

М.В. Осипова

Forgotten Facts of N.I. Spiridonov's (Teki Odulok) Biography (on the materials of the archive of the Khabarovsk Regional History Museum named after N.I. Grodekov)

The article contains the unpublished documents from the archive of the Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov, in which the beginning of scientific work, one of the famous representative of the Yukaghirs – the eldest

indigenous peoples of the North, PhD in Economy, the founder of the Yukagir literature Nicolay Ivanovich Spiridonov (Teki Odulok) is shown. His scientific activity started in the one of the oldest Far Eastern museums – the Khabarovsk Regional Museum. In the 20-30's of the XX century it was the institution where young ethnographers from the central regions of the country had they practice. They received their first assignments and went on expeditions to the remote regions to collect information about the life of poorly studied ethnic groups. Among these young ethnographers was the student of the Institute of the Peoples of the North, the Yukagir – Nikolay Ivanovich Spiridonov, thanks to his researches, there are unique ethnographic information about the life of the Yukaghirs and the Chukchi of Kolyma.

Keywords: N.I. Spiridonov, the Yukaghirs, ethnographic expedition, Khabarovsk Regional Museum, ethnographical collections

УДК 94(470.41)

М.А. Ахметова

Голод в Татарской республике в начале 1920-х гг. (на примере Чистопольского кантона)

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме голода в Поволжье в 20-х гг. XX в., имеющей историко-политический и социально-экономический характер. Исходя из анализа документов делопроизводства, отчетов наркоматов, бюллетеней правительства автором обосновывается мысль, что массовый голод в хлеборобной стране был связан с волонтаристской политикой большевиков, направленной на изъятие сельскохозяйственных продуктов у крестьян. Целью статьи является раскрытие в результате исследования архивных документов и материалов периодической печати ужасающих размеров каждодневно обостряющегося голода. На примере Чистопольского кантона ТАССР, население которого, по приблизительным подсчетам, уменьшилось за голодный период на 200 тыс. чел., можно увидеть тяжелейшее положение республики во время страшного голода 1921 г. Критическое продовольственное положение крестьян во второй половине 1921 г. заставляло их прибегать к самым крайним мерам, когда они были вынуждены от безысходности питаться пищевыми суррогатами. Проблемы, порожденные голодом, такие, как эпидемии, «голодобеженцы», брошенные на произвол судьбы дети, беспризорники, трупоедство и каннибализм в Чистопольском кантоне, не могли быть разрешены только республиканской и местной кантональной властью.

Ключевые слова: голод 1921 г., Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика, Чистопольский кантон, Помгол, Американская администрация помощи (АРА), суррогаты пищи, людоедство, беспризорные дети, детдома.

Предваряя радиограмму [ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 101] от 9 июня 1921 г. из Чистополья, необходимо сказать о том, что в годы неурожая даже в таких хлебных местах, как черноземы Чистопольского кантона, голод обострился до колоссальных размеров, положение крестьян в деревнях было ужасающим. Сильная засуха привела к тому, что озимые и яровые поля выгорели, хлеб не уродился. В одной десятой части кантона урожайность не превышала 20–30 фунтов с десятины, т.е. 8–12 кг на 1,09 га земли. Местное население, отчаявшись, было вынуждено искать хлебные места, о чем и говорится в газете «Известия Всероссийского Исполнительного Комитета» (1921 г., 18 сентября): «В Чи-

стопольском кантоне голодающие крестьяне со своими семьями покидают насиженные места и бегут, куда глаза глядят».

Согласно данным из «Отчета о работе Народного Комиссариата продовольствия Татарской Республики в сотрудничестве с Помголом (Общественный Всероссийский комитет помощи голодающим. – М.А.) в борьбе с голодом за время от 1 октября 1921 года по 1 мая 1922 года» уход населения из пределов кантона составлял свыше 66 000 чел. [НА РТ. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 6]. Из материалов кантонного статистического отделения к 1 апреля 1922 г. следует, что за весь голодный период количество организованно и стихийно покинувших родные места составля-

ло 88 892 чел. (детей – 22 549, взрослых – 66 343 чел.), т.е. 29,44% [Там же. Д. 21].

Голодавшее население кантона употребляло в пищу разного рода суррогаты хлеба – корневища болотного камыша, лебеду, картофельную ботву, липовые опилки, различные травы, гороховую и ржаную солому и др. Документ «О положении Чистопольского кантона в связи с голодом на 10-е мая 1922 года» из Национального архива Республики Татарстан извещает нас, что в конце зимы и начале весны 1922 г. распространенными суррогатами в рационе крестьян стали солома с крыш, глина, древесная кора и конский помет [Там же]. Население, обезумев от голодных мучений, любыми способами цеплялось за жизнь. Не имея собственных запасов продовольствия, люди питались суррогатами хлеба, съели весь скот, без всякой надежды ожидая помощь со стороны, не дождавшись, стали есть мясо собак, кошек, падаль. Голодая неделями, месяцами, они переступали все пороги допустимого и начинали питаться трупами: убивали друг друга, своих детей, становясь людоедами. В те годы в Чистопольском кантоне была найдена т.н. «съедобная глина»: «собственники этих залежей питательной глины с осени даже торговали этим “продуктом” по 3 000 рублей за воз» [Очерки страшной..., 1922, с. 83].

В статье «В кантонах Татреспублики», опубликованной на страницах газеты «Известия Всетатарского Центрального Исполнительного комитета (ТатЦИКа)» (1921 г., 23 декабря), на примере Чистопольского кантона показываются ужасающие размеры каждодневно обострявшегося голода. Уделяется внимание проведенным в лаборатории Института народного образования в Чистополе исследованиям, которые дали понять, что глина – не хлебный суррогат и «представляет обыкновенную красную глину, ясно выраженного глянцевитого сложения, пропитанную нефтью (жидкими и газообразными углеводородами)», не имеет никакой питательной ценности и вследствие своей неудобоваримости крайне отягощает желудок.

Полное отсутствие суррогатов, вымирание скота и беспощадное уничтожение его, нерегулярная, незначительная помощь, оказываемая голодающему населению, скудное выполнение продовольственных нарядов сильно усугубили положение крестьян: «Помощь, оказываемая го-

лодающему населению кантона до настоящего времени была весьма ничтожная в сравнении с размерами достигшего населения голода и весьма нерегулярная, в смысле отпусков продовольствия подаваемым центром нарядам на эту помощь. Так что в течение всей зимы наряды получались лишь в конце месяца, а выполнялись очень скудно: в январе и феврале на 50–40%, в марте – на 10%, а в апреле и за май ни одного фунта получено не было. Кроме того, получение продовольствия в марте месяце осложнялось еще тем обстоятельством, что ввиду малочисленности конского состава и отсутствия фуража гужевой транспорт находился в весьма плохом состоянии и был не в состоянии сразу удовлетворять потребности всех учреждений и организаций в переброске продгрузов и семенного материала ввиду наступления распутицы» [НА РТ. Ф. Р.-4470. Оп. 1. Д. 21].

Бездарное руководство, которое не сумело наладить хозяйственную жизнь страны, разрушило основы сельского хозяйства, отняв весь семенной фонд, не поддержав население в посевную кампанию 1922 г., довело сотни тысяч крестьян до голодной смерти. Как сообщается в радиোগрамме, «какой-либо реальной помощи за малым количеством продовольствия и за отсутствием распоряжений на расходы имеющегося в запасе исполком дать не может, хотя бы по восьмой фунта (50 грамм) на умирающего. Народный комиссариат продовольствия из всего имеющегося количества (приблизительно 130 тысяч пудов овса) дает кантонному продовольственному комитету десятитысячные и более наряды, чем окончательно лишает возможности спасения хотя бы одной сотой малолетних детей» [ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 101].

Голодающее население, съевшее последние запасы суррогатов, истребило скот почти на 90%. Обратимся к цифрам о наличии и движении скота, приведенным в докладе «О положении Чистопольского кантона в связи с голодом на 10-е мая 1922 года», которые дают полную картину развала сельского хозяйства. Если к 1 января 1921 г. лошадей было 81 543 гол., то к 1 февраля 1922 г. осталось 23 177 гол.; крупного рогатого скота было 83 707, осталось 28 150 гол.; мелкого скота было 183 536, а осталось 30 185 гол. Таким образом, вся убыль скота составляет 267 272 гол. (лошадей – 58 366, крупного рогато-

го скота – 55 556, мелкого скота – 153 350 гол.), т.е. 76,62% от общего числа скота на 1 января 1921 г. [НА РТ. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 21].

В докладе «О пищевых и санитарных условиях в Татарской Республике», согласно наблюдениям Р. Чайльдса, произведенным во время поездки с представителем от Правительства, секретарем партии коммунистов Татарской Республики Скворцовым по 12 (из 13) кантонам с 9 по 23 декабря 1921 г., сообщается, что «число лошадей во многих деревнях настолько недостаточно и, кроме того, лошади настолько слабы, что во время моей поездки приходилось нанимать лошадей только в городе, т.к. в деревнях лошадей достать было невозможно». В Чистопольском кантоне убыль скота отражалась в следующих цифрах: «лошадей – 41%, коров – 48%, овец – 60%. Эти цифры подтверждаются сведениями из деревни Мурзихи, в которой погибло лошадей – 69%, коров – 60% и овец – 82%, а в Алексеевской волости: лошадей – 40%, коров – 20% и овец – 99%» [Там же. Д. 6].

Приведенные материалы свидетельствуют о стремительном падении поголовья лошадей и скота и о том, насколько было жутко голодающему населению, которое беспощадно уничтожало свой скот, страдающий от бескормицы и эпидемий, употребляло в пищу тощих, дохлых животных, даже их кости и кожу. Автор доклада указывает на угрожающий характер обстоятельств, когда, «проехав более 90% всей территории, я не смог найти куска хлеба или иного мяса, кроме конины».

В газете «Известия Чистопольского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Комитетов Российской коммунистической партии (большевиков)» (1922 г., 3 сентября) была опубликована радиотелеграмма о бесплатном проезде на закупку лошадей. Радиотелеграмма гласила, что, согласно распоряжению «главного начальника», предоставляется право бесплатного проезда для закупки лошадей лицам, лишившимся таковых в результате голода, за счет Центрального Комитета Помгола. Чистопольская кантонная комиссия Помгола призвала крестьян приобретать для своего разрушенного хозяйства лошадей, используя предоставляемую льготу,

чтобы быстро и успешно восстановить его. Для осуществления закупки крестьяне должны были получить в волостном исполнительном комитете удостоверение личности и удостоверение о том, что они действительно едут для закупки лошадей; с соответствующими документами они направлялись в Казань, в Центральный Комитет Помгола, для дальнейшего отправления в намеченные ими местности.

Приведем несколько цифр из страниц еженедельного журнала Народного комиссариата по делам национальностей «Жизнь национальностей» для определения степени голода в Чистопольском кантоне: «В одном Чистопольском кантоне за неделю вымерло от голода 13 184 человека и от тифа – 156 человек. Заболевают еженедельно 20–22 тысячи человек. За время с 1-го по 15-е февраля в кантоне обращено в пищу 14 мертвецов, зарезано и съедено 32 человека. Сплошь и рядом имеются деревни, где ежедневно умирает от голода по 6–7 человек. Хоронить некому. По 25–30 трупов складываются в холодные амбары, где и хранятся» [Хабиб, 1922, с. 11].

Множество случаев трупоедства и людоедства зарегистрировано начиная с января 1922 г. Подтверждением этого являются многочисленные телеграммы, рапорты, сведения из архива. Например, в телеграмме из Чистополя, подписанной Председателем кантонного исполкома Прохоровым, говорится, что «... случаев людоедства, которое происходит в закрытых формах и открывается лишь следствием, что дает право полагать, что это ужасное явление распространено по кантону в большом размере, кроме того по дорогам часто можно встретить трупы сгибших с голода людей»* [НА РТ. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 6]. Эти документы о людоедстве переносят нас в те страшные 20-е гг. XX в., когда голод заставлял людей забыть грань между человеком и животным:

«Сообщаю, татарском Утяшкине гражданка Закирова зарезала своего дитя и съела. После съеденного она же зарезала свою сестру, вынула из нее сердце и легкие, каковые варила, пришедший Председатель сельсовета и члены застали на месте действительности. 3 февраля 1922 года. Заведующий председателем волостного исполкома Дерстуганов» [Там же].

* Здесь и далее сохранены орфография и стиль без правки текстов цитируемых документов. – М.А.

«Старом Кадееве двух семействах Мухамадеева Нугуманова съедено четыре человека в возрастах 40, 25, 20 и 12 лет. Людоеды сознались сами. Предволисполком Сычев» [Там же].

«4 марта Сельгушах обнаружена у гражданки Афанасия Исаева голова 15-летнего мальчика Петра Исаева. По произведенному расследованию выяснилось, что Исаев сказанного мальчика зарубил живого и остальную часть трупа съел. Людоед, Исаев. 5 марта № сообщается для сведения. Предволисполком Кошурин» [Там же].

«Сегодня задержан на улице мальчик деревни Ново-Альметеево Аглетдин Нурутдинов 15 лет, несший половинную часть трупа гражданки деревни Ново-Альметеево для употребления в пищу, людоед Нурутдинов сознался, что часть трупа резал сам, дознание производится милицией. 11 марта № 393 Альметевский Предволисполком Кошурин» [Там же].

В рапорте от 6 февраля 1922 г. уголовного отдела советской милиции Чистопольского кантонного совета сообщается, что «в селе Акирееве Кутеминской волости гражданином Михаилом Семеновым зарезаны граждане Елена Ивановна Фомина 12 лет, Кузьма Иванович Фомин 16 лет, Кузьма Евдокимов 14 лет и Евдоким Романов 26 лет. Трое употреблены в пищу, туловище 4-го члена, пара ног, рук и два черепа преданы земле» [Там же].

Эти ужасающие факты действительности стали предметом публикации на страницах газеты «Известия ТатЦика». Так, в статье И. Казакова сообщается, что «жена какого-то кузнеца в Чистопольском кантоне систематически резала живых людей – взрослых и детей, и употребляла их в пищу... и хватало у ней спокойствия, хладнокровно резать трупы на куски, складывать их в кадки, очевидно, “про запас” и для засола...» [Казаков, 1922].

В статье «Людоедство началось – спешите с помощью!», опубликованной по материалам беседы с членом ВЦИК, ТЦИК и членом президиума Комиссии Помгола при Чистопольском кантоне Мухаметшиным на страницах газеты «Известия ТатЦика», возможно, речь идет о той же женщине: «22 января в деревне Тахтале обнаружен небывалый случай: жена кузнеца зарезала женщину, сняла с нее кожу и, изрубив труп на 39 кусков, сложила их в 2 кадки. Голову зарезан-

ной сварила и часть ее уже съела. При расследовании дела выяснилось, что эта людоедка зарезала раньше девушку 18 лет и двоих детей. Одежды и кости их найдены в ее квартире» [Казанец, 1922].

Отмечалось людоедство и в деревне Старо-Кадеево Чистопольского кантона, где «... отец зарезал своего сына 23 лет, часть трупа успели съесть; дальше, в том же Старо-Кадееве в двух семействах съедено четыре человека в возрастах: 40, 35, 20 и 12 лет. Людоеды сами сознались в своих поступках» [Хабиб, 1922, с. 11].

Людоедство, широко распространившееся в Чистопольском кантоне, стало принимать угрожающие размеры: с января по март 1922 г. лишь зарегистрированных случаев людоедства было 33, съедено 60 чел.

По сведениям Кантонного отделения здравоохранения, за последние три недели марта зарегистрировано 14 случаев людоедства и съедено 19 человек [НА РТ. Ф.Р-4470. Оп. 1. Д. 7].

Полученные в начале 1922 г. телеграммы с ужаснейшим содержанием о трупоедстве и людоедстве, как отмечается на страницах еженедельного журнала Народного комиссариата по делам национальностей «Жизнь национальностей», хранились, «как сомнительный документ, в портфеле ответственного работника Татарстанского представительства при Народном комиссариате Национальностей», и в дальнейшем телеграммы образовали целые дела.

Страшную картину голода в стране дополняли эпидемии, болезни и др. Как отмечается в радиোগрамме, городу и кантону угрожают заболевания холерой, сибязвой (сибирской язвой. – М.А.) и др. Среди чистопольцев усиливается сыпной тиф, и к ноябрю 1921 г. его жертвами стали 951 взрослый и 347 детей.

По сведениям Кантонного отделения здравоохранения, в марте 1922 г. количество больных на почве голода составило 168 123 чел., от тифа – 860 чел., количество зарегистрированных случаев смерти от голода – 26 062 чел., от тифа – 351 чел. Всего в 1921–1922 гг. умерло от голода 66 891 чел. [Там же. Д. 21].

По данным Наркомата здравоохранения ТАССР, число заболеваний на почве голода достигло 10%, смертность среди взрослого населения составила 20%, заболеваемость детей – 11%, среди них смертность – 35%.

В действительности, приведенные цифры нужно удвоить, утроить, так как имелось и множество незарегистрированных случаев. Местное население, обреченное на явный голод, сопровождаемый болезнями, переполняло больницы. Как отмечалось в радиограмме, большинство поступавших в больницы больных составляли татары с детьми. В деревнях, где проживали татары, голод принял ужасающие размеры. В «Очерках голодного быта. Голод среди мусульманского населения», опубликованных на страницах «Известий ТатЦИКа» (1921 г., 23 декабря), особо выделялись деревни Каргали, Муслюмкино, Аминово, Четыре двора, Кутлушкино Чистопольского кантона, так как в них количество больных и распухших от голода охватило целые улицы. У большинства населения не было даже суррогатов. Роясь под снегом, они собирали разные травы, листья, стебли, сушили, растирали их, но и они были в ограниченном количестве. Приведенные в статье примеры дают яркую картину вымирания татарского населения от голода: «Вот несколько семей из села Муслюмкина. Семья Х. Камаева: 6 душ, двое распухли с голода, двое лежат истощенные и две женщины, еле живые, готовят пищу: поджаривают небольшой кусок сухой лошадиной кожи. В доме никаких признаков пищи, нет даже суррогатов. Дальше, семья Гарифуллиных: 3 души. Приготавливается суп из мяса дохлой лошади, найденной в поле и разделенной между сельчанами. Еще ужаснее в семьях Сагатдинова: 11 душ и 4 из них распухли с голода, Садыкова – 6 душ – все распухли, Сахабутдинова – то же самое. Употребляют в пищу мясо собак и кошек» [Очерки голодного быта..., 1921].

Но почему именно татары? В чем причина того, что тяжелее всего голод отразился именно на татарском населении?

По объяснению публициста-этнографа, историка А.С. Пругавина, участвовавшего в деле организации помощи голодающим в 1898–1899 гг., в основе этого лежат «экономические причины – крайняя необеспеченность татарского населения в материальном отношении..., немалую роль играли здесь и некоторые бытовые условия и особенности склада татарской жизни, в числе которых, прежде всего, следует указать на семейное и общественное положение татарских женщин, их затворничество и приниженное,

почти рабское состояние» [Пругавин, 1906, с. 106–107].

В статье «Голод и экономическое состояние Татреспублики», опубликованной в литературно-научном сборнике «Бич народа», Р. Сабилов, анализируя бедствие, постигшее Татреспублику в 1921 г., указывает, что во время неурожая наиболее сильно пострадало мусульманское население. По мнению автора, большая «плотность населения, истощение земель, климатические условия Поволжья, слабое развитие побочных промыслов, устарелый метод обработки земли, а главное – культурная отсталость татар, составляющих большинство населения Татреспублики, от своих соседей – русских, создали особенно благоприятную почву для голода среди этой народности» [Сабилов, 1922, с. 14].

Официальные сведения Статистического управления Татреспублики о смертности населения за голодный 1921 г. подтверждают больший процент смертности и низкий процент рождаемости среди татар, чем среди русских. В Татреспублике по количеству умерших занимал первое место Челнинский кантон, где татар было значительно больше (14%), чем русских (5,3%). Всего по республике цифра смертности татарского населения достигла 6,6%, русского – 4,1% [Габидуллин, 1927, с. 27].

Последствия неурожая 1921 г. были колоссальны, голод практически уничтожил деревни. Число смертей в результате голода среди населения не было известно, и поэтому для выяснения точного количества были созданы комиссии, которые приступили к регистрации голодающих. Однако жертв голода было так много, что даже они не смогли дать реальные результаты.

Статистика о голодающих в Татреспублике дает возможность понять положение Чистопольского кантона. Обратимся к цифрам, приведенным в статье Исхака Казакова «Бейте в набат», в которой красноречиво описано тяжелое состояние населения Татреспублики в 1921 г.: «Питаются 442 678 человек, голодают 2 260 904 человек», «питаются – 360 536 детей, голодают – 570 275 детей. Вырождение (за 1921 год) – 326 106 детей (25% всего детского населения)» [Казаков, 1922].

Статистические сведения о голодающих Татреспублики, опубликованные в газете «Изве-

стия ТатЦИКа» (1922 г., 28 января), свидетельствуют, что на 1 января 1922 г. из 2 797 527 чел. взрослого населения голодают 2 260 904 чел., т.е. 81%; а из 969 908 детей без посторонней помощи могут существовать лишь 3% (30 097 чел.).

Согласно сведениям, взятым из газеты «Известия ТатЦИКа», в Чистопольском кантоне к концу января 1922 г. будет голодать поголовно все население, так как даже обеспеченная его часть в смысле питания может прокормить себя в течение лишь от одного до двух с половиной месяцев.

В докладе заместителя заведующего медицинским отделением АРА (Американская администрация помощи, далее – АРА, от American Relief Administration) доктора М.А. Иглицина сообщается, что количество взрослого населения – 405 161 чел., из них голодают 279 901 чел.; детей до 14 лет – 127 180, из них голодают 122 375, т.е. почти все [На борьбу с голодом..., 1921].

По данным Кантонного статистического отделения, к 1 апреля 1922 г. общее число населения 23 волостей определялось в 301 868 чел. (голодали 296 323 чел.), из них взрослых – 171 609 чел. (голодали 167 395) и детей – 130 259 чел. (голодали 128 928), таким образом, количество голодающих по кантону составляло 98,12% общего числа населения кантона [НА РТ. Ф.Р-4470. Оп. 1. Д. 21]. Об ужасающем положении Чистопольского кантона, понесшего большие человеческие потери вследствие смертности от голода и тифа, свидетельствует отчет о работе Народного Комиссариата продовольствия ТАССР: «... в одном только апреле месяце умерло от голода 12 799 и от тифа – 243; в мае умерло от голода 3 701 и от тифа – 328 человек» [Там же. Д. 6].

По статистике Кантонного отделения, всего населения (по городу и кантону) было 319 738 чел., из них голодали 305 078 чел., т.е. больше 95% населения. Из общего числа детей 140 832 чел. голодали 134 287, а из 178 908 взрослых – 170 791 [Там же. Д. 21].

Такому страшному бедствию сопутствовали не только эпидемии, болезни, но и осиротевшие дети.

Конец 1921 и начало 1922 г. характеризуются интенсивным наплывом детей из Чистопольского кантона в город. В «Отчете Комиссии по

улучшению жизни детей при Чистопольском Компомголе за время с 1 января по 1 февраля 1922 года» отмечается усиление потока беспризорных – в среднем до 50 чел. ежедневно являлись в Отдел образования и принимались в существующие, уже крайне перегруженные распределители, что повлекло за собой развитие разных эпидемических заболеваний [Там же]. Единственной действенной мерой, принятой Помголом в создавшемся безвыходном положении, как отмечается в упомянутом отчете, являлось оказание помощи на местах, т.е. скорейшая организация новых столовых в голодающих деревнях, что дало благоприятные результаты в борьбе с наплывом голодных детей.

Оказанная Комиссией фактическая помощь по улучшению жизни детей к 1 января 1922 г. выражалась в том, что число детей, получавших питание в Чистополе и кантоне, в целом равнялось 24 979 чел. Из них: в детских учреждениях Наркомпроса состояло 2 189 чел., в Наркомздраве – 140; получали питание от Комиссии Помгола 6 650 чел.; пользовались американским пайком 16 000 детей [Там же]. Согласно отчетным данным, представленным Комиссией по улучшению жизни детей при Чистопольском кантонном комитете помощи голодающим, с 1 января по 1 февраля 1922 г. общее количество детей в Чистополе и кантоне составляло 140 276 чел., голодающих детей – 123 972 чел. и из этого числа 81 319 не получали никакой помощи.

В Чистополе было 13 детских домов, где содержались 640 детей, с одним и тем же недостатком – «количество коек меньше числа детей, количество тюфяков меньше числа коек». Имелись и такие детские дома, где не было коек и дети спали на голых половицах, на тюфяках.

В Чистопольском кантоне на 1 000 детей имелось всего 20 детских домов, три дома ребенка и три распределителя. Как отмечалось в статье «Детские дома в Чистополе», именно в распределителях процент заболевания детей и смертности был наиболее велик, так как «дети подбираются с улиц и чуть ли не возами привозятся из деревень, одетые в невообразимо грязные и рваные рубища, в тряпье, [с] массой кишечных паразитов..., остаются в течение нескольких дней не переодетыми, грязными, без белья, поедаемыми вошью» [Детские дома в Чистополе, 1921].

В детских учреждениях, где свирепствовали болезни, эпидемии, была распространена и чешотка, которая, по словам заведующего распределителем, не лечилась только из-за отсутствия сала, являвшегося основным компонентом при приготовлении мази.

По данным здравоохранения, с октября по ноябрь 1921 г., т.е. в течение двух месяцев, количество заболевших детей в распределителях составило 398 чел., из них 77 случаев смерти.

На примере распределителя № 1, где содержалось 200 маленьких страдальцев, можно увидеть, в каких условиях им приходилось существовать до тех пор, пока какой-нибудь детский дом не открывал перед ними свои двери. Некоторым детям приходилось ждать этого «счастливого дня» по два месяца, своим ужасающим видом они производили душераздирающее впечатление: они «ни разу не меняют с себя белья, спят на полу и, чтобы сходить за отправлением естественных надобностей, держат на всех единственную пару лаптей, стоящую у входной двери..., одеты в рубища, без обуви» [Там же].

В августе 1921 г. была организована Чистопольская комиссия помощи голодающим, которая в течение месяца отправила 200 детей в г. Кинешму и 250 детей по нарядам в г. Казань. Был организован и врачебно-питательный пункт, который бездействовал из-за отсутствия продовольствия. В статье «Деятельность Чистопольской комиссии помощи голодающим», опубликованной в газете «Известия ТатЦИКа» (1921 г., № 231), обозначается основной недостаток в работе комиссии, который заключался в отсутствии тесной связи с центральной комиссией и денежных знаков. Последнее наблюдалось не только в работе данной комиссии, но являлось общим недостатком всех кантонных комиссий.

Как свидетельствует документ «О деятельности Комиссии Помгола при Чистопольском кантоне за март месяц 1922 г.», в марте 1922 г. за счет фонда Помгола в городе и в кантоне имелись: столовые для взрослых на 7 987 чел., для детей – на 23 105, 18 примитивных детских домов, четыре детских распределителя на 2 693 чел. На местные средства мусульманской организацией была организована смешанная столовая на 155 чел. Вся помощь, оказываемая голода-

ющему населению кантона, выражалась в 61 597 пайках, кроме государственного снабжения.

Следует отметить, что столовые Помгола снабжались с большими перерывами, а иногда оставались и без продовольствия. Затруднена была и переброска продовольственных грузов Помгола из Казани, предназначенных для Чистопольского кантона. Не были переданы в Чистополь 2 700 пудов груза в связи с наступлением распутицы, ничтожностью платы за провоз и занятостью волостей выполнением наряда Народного комиссариата земледелия по переброске семян за отсутствием других гужевого транспорта средств.

Из архивных документов, в которых отражена деятельность Комиссии Помгола при Чистопольском кантоне, видно, что «нерегулярное снабжение столовых продовольствием, связанных[ое] с транспортными затруднениями, сокращения[ем] нормы пайков до минимума, ... не могло спасти от голодной смерти и тех граждан, которые ими пользовались. Они, получая полагающуюся им по норме одну восьмую фунта хлеба (50 грамм) и несколько ложек мутной воды и не имея не только запасов продовольствия, но и запасов суррогатов для поддержания организма до следующего дня и в то же время ожидая усиленной продовольственной помощи, которая могла бы поддержать у них присутствие духа, медленно умирали, обессиленные от мук голода» [НА РТ. Ф.Р-4470. Оп. 1. Д. 21].

Сведения из кантонов Татарской Республики по циркулярной телеграмме (№ 475 от 14 декабря 1921 г.) показывают, что в Чистопольском кантоне на 22 января 1922 г. было всего «столовых общепитания для взрослых на 2 300 человек (когда количество голодающих составляет 279 901 человек), столовых АРА – 244 на 18 000 человек, столовых Помгола – на 6 650 человек» [ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 197]. В телеграмме от 3 апреля 1922 г., подписанной Предкантисполкома Прохоровым, сообщается, что на 1 апреля 1922 г. «питаются в столовых общественного питания взрослых – 7 987, столовых Помгола – 23 105, АРА – 26 000 человек» [НА РТ. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 7].

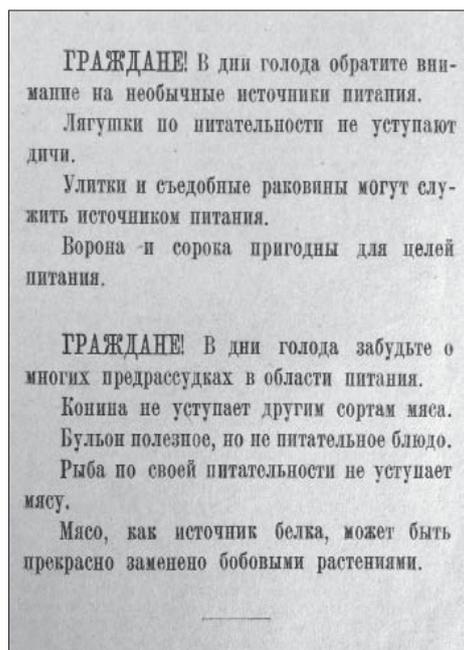
Следует отметить, что по степени продуктивности работы АРА и эффективности местных комиссий по продовольствию Чистополь-

Плакат из Музея Гражданской войны (Свияжск, Республика Татарстан)

ский кантон занимал 11-е место из 12. В наблюдениях Р. Чайльдса отмечается ряд недостатков, недоработанных моментов, которые усугубляли положение кантона. Например, в деревне Сахаровка дети получали только 20 золотников хлеба вместо 29 (золотник – 4,3 гр.); в пределах кантона питание получали только дети в возрасте от 3 до 8 лет, плохо было и то, что в деревне Мурзиха от родителей детей, питающихся в столовых АРА, потребовали оплату за транспорт в размере 2 000 руб. на ребенка. Основным поводом для критики являлись, по мнению Р. Чайльдса, «наклонность самостоятельно разрешать вопросы, которые могут быть основательно определены только ААП (Американская администрация помощи. – М.А.) в Казани, и недостаточное инструктирование волостных комитетов, представителей деревень и заведующих столовыми» [Там же. Д. 6]. Этот сложный период отражен в приведенных выше иллюстрациях.

В рубрике «На борьбу с голодом» на страницах газеты «Известия ТатЦИКа» была опубликована статья «В голодающих местах. В Чистопольском кантоне» (1921 г., 25 октября), где говорится о тяжелейшем положении детей города Чистополя. В детских домах дети из-за скудности пайков страдали недоеданием, а детская

Обращение к населению: «Граждане! В дни голода обратите внимание на необычные источники питания...» (из кн.: *Словцов Б.И.* О суррогатах мяса (Пг.: Госиздат, 1922))

больница, находящаяся в ужасном состоянии, переполнена детьми с разными болезнями, которые лежали по двое на одной кровати или валялись на полу. В городе было приостановлено питание детей из-за боязни изменить меню, составленное ААП, т.к. в нём отсутствовали бобовые и сало. Столовые, главной и основной задачей которых являлось питание голодающих детей, не имели права прекращать работу по причине отсутствия тех или иных продуктов.

В докладной записке «О поездке по Кантонам для организации Р.А.К.П.Д.» тов. Скворцова, уполномоченного ТАССР при ААП, говорилось о скверной деятельности организаций Русско-Американских Комитетов помощи детям (далее – Р.А.К.П.Д.) в Чистополе, главными недостатками работы которых являлись «прекращение работы уже функционирующих столовых за недостатком некоторых продуктов (3 из 9) и неправильное распределение продуктов между категориями детей по степени нуждаемости... главное это необыкновенная скученность детей в городе и их антисанитарные и другие ужасающие условия» [Там же. Д. 28].

В ходе проверки деятельности Р.А.К.П.Д. в Чистополе комиссией, состоявшей из председателя ААП Р. Чайльдса, уполномоченного ТАССР

при ААП Скворцова, представительницы отдела здравоохранения Татарской Республики Казаковой и др., было выяснено следующее: жизнь детей, обстановка, питание, антисанитарные условия в городских распределителях и больницах просто ужасают, а работающий в них медперсонал даже не знает, чем болеют дети. По словам Казаковой, обследовавшей жизнь детей почти во всей ТАССР, «она не находила более ужасающей картины жизни детей», когда голодные дети просили, «чтобы их совсем убрали из этого города, иначе они погибнут все с голоду».

Таким образом, из приведенных документов становится очевидным катастрофическое положение дел в Чистопольском кантоне в голодные 1921–1922 гг. Население кантона, по приблизительным подсчетам, уменьшилось на 200000 чел.

Множество проблем, порожденных голодом, не могло быть разрешено лишь местной республиканской и кантональной властью. Не хватало грамотных специалистов на местах, не было устойчивого порядка в стране. В результате хаос породил беду, с которой, как умели, пытались бороться и чистопольские власти. Ситуация в Чистопольском кантоне наглядно иллюстрирует общую обстановку в стране победившего пролетариата и в отдельно взятой республике. Даже при наличии знающих руководителей автономия, разумеется, не могла самостоятельно, без указаний и помощи центральной власти, разрешить проблему голода.

M.A. Akhmetova

Famine in the Republic of Tatarstan in the Early 1920's (on the example of the Chistopol canton)

The article is devoted to the urgent problem of famine in the Volga region of the 1920-ies, which has historical and political, social and economic character. On the basis of the analysis of historical materials, including periodicals and documents of office-work, the author proves the idea that mass famine in the farming country is connected with the dull policy of Bolsheviks based on withdrawal of agricultural products at peasants. On the example of the Chistopol canton of the TASSR, whose population, according to approximate estimates, decreased by 200,000 people during the famine period, one can see the hardest situation of the Republic of Tatarstan during the terrible famine of 1921. The purpose of article is to study archival documents and materials of periodicals which disclose the terrifying amount of everyday escalating famine. Critical food position of peasants in the second half of 1921 forces them to go to the extremities in livelihood, from hopelessness to eat any edible and inedible substitutes of food. The problems caused by hunger, such as epidemics, the "golodobezhenets" (hunger refugees), left children to the mercy of fate, street children, corpse-eating and a cannibalism in the Chistopolsky canton couldn't be resolved only by the republican and local cantonal government.

Keywords: famine of 1921, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, Chistopol, Chistopolsky canton, Pomgol, American Administration of the Help, food substitutes, cannibalism, street children, orphanages of Chistopol.

Литература и источники

Очерки страшной действительности // Бич народа: Лит.-науч. илл. сб. / под ред. И. Казакова. – Казань: ЦК Помгол при Татцике, 1922. – 112 с.

Габидуллин Х. Татарстан за семь лет (1920–1927). – Казань: Татиздат, 1927. – 92 с.

Детские дома в Чистополе // Известия ТатЦИКа. – 1921. – 23 дек. (№ 236).

Казаков И. Бейте в набат // Там же. – 1922. – 1 февр. (№ 24).

Казанец. Людоедство началось – спешите с помощью! // Там же. – 29 янв. (№ 22).

На борьбу с голодом. В кантонах Татарской Республики // Там же. – 1921. – 23 дек. (№ 286).

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 6; 7; 21; 28.

Очерки голодного быта. Голод среди мусульманского населения // Известия ТатЦИКа. – 1921. – 23 дек. (№ 236).

Пругавин А.С. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898–1899 года. – М.: Изд-во «Посредник», 1906. – 210 с.

Сабиров Р. Голод и экономическое состояние Татарской Республики. Очерки страшной действительности // Бич народа: лит.-науч. илл. сб. / под ред. И. Казакова. – Казань: ЦК Помгол при Татцике, – 1922. – С. 12–14.

Хабиб. В Татарской Республике // Жизнь национальностей. – 1922. – 14 апр. (№ 6/7). – С. 11–12.

ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 15. Оп. 1. Д. 101; 197.

Г.И. Спиридонов

Православные издания в истории русскоязычной прессы США

В статье анализируются первые православные периодические издания, печатавшиеся в США на русском языке приверженцами православия. Важнейшими предпосылками зарождения и формирования православной печати в США стали освоение Русской Америки, христианизация православными миссионерами аборигенов Аляски и Алеутских островов, массовая эмиграция из Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Возникновение русской диаспоры в Америке носило экономический, политический и религиозный характер. Большинство выходцев из России, преимущественно трудовые мигранты, не владели английским языком, более того, многие были неграмотны. Но в качестве культурного багажа они перенесли на американский континент свою религию – православие. Усилиями православной церкви были созданы приходы, велась активная миссионерская деятельность. Появилась необходимость в печатном органе, который поддерживал бы пастырским словом русских эмигрантов и удовлетворял их потребность в своем особом мировыражении, объединявшем российские корни и американскую реальность.

Ключевые слова: Русская Америка, православная печать в США, православные издательства, Александр Хотовицкий, Русская православная церковь.

Общественно-политические и экономические преобразования в России последних десятилетий кардинальным образом изменили место и роль СМИ в обществе, в т.ч. печати Русской православной церкви (далее – РПЦ). Процесс становления современной церковной журналистики базируется на богатом историческом опыте издательской деятельности РПЦ в прошлом.

В этой связи весьма актуальным становится изучение истории православной периодической печати в дореволюционный период. Зародившись в начале XIX в., к 1917 г. она насчитывала несколько тысяч изданий, диапазон которых был весьма широк – от публикаций религиозно-нравственного содержания до серьезных научных богословских журналов. Развитие системы церковной периодики происходило и в странственном измерении – в последней четверти XIX в. православные издания выпускались не только в Российской империи, но и далеко за её пределами.

Одна из наиболее интересных тем православной журналистики связана с историей изданий РПЦ в США, которая многие годы по идеологическим причинам замалчивалась, и лишь сравнительно недавно появилась возможность непредвзятого её изучения. Между тем, ее исследование позволяет воссоздать цельную и объектив-

ную картину жизни русской диаспоры, историю взаимоотношений русского, украинского и других славянских народов и пр. Газетные источники сами по себе представляют интерес, ибо содержат дополнительные сведения о событиях и людях той эпохи, и в то же время в них раскрываются сами авторы – в образе своих мыслей, стиле речи, языке. Именно поэтому американская православная печать добавляет новые важные строки в летопись Русской Америки.

В 1896 г. православная церковь в США насчитывала, по исповедным росписям и др. приходским документам, до 25 тыс. прихожан: «Сюда входили алеуты, эскимосы, кенайцы, колоши, креолы, русские, сербы, болгары, румыны, греки, арабы, несколько человек японцев, китайцев, природных американцев» [Американский Православный Вестник, 1896, №1]. Учитывая, что среди эмигрантов из Российской империи были люди, которые перемещались по США в поисках работы или жили в отдаленных уголках страны, а потому никогда не были записаны в приходские документы, можно заключить, что фактически приверженцев православной веры было существенно больше. Процесс растущей миграции из России стал одной из предпосылок создания православной печати в США, т.к. появилась более широкая аудитория ее читателей.

К концу XIX в. в США широко издавались газеты католиков, баптистов и других конфессий. В этих условиях служители РПЦ искали пути, методы, доступные средства для сохранения и расширения влияния православия. Опыт религиозных течений в США и других странах наталкивал на создание печатных органов для общения с имеющимся и потенциально верующим населением.

Пионером русскоязычной прессы в США стал беженец-священник А. Гончаренко (подлинная фамилия – Гумницкий), некоторое время служивший в российском посольстве в Греции, а затем работавший в Вольной типографии А.И. Герцена в Лондоне. Приехав в 1865 г. в Америку, он сотрудничал с нью-йоркскими газетами, пока не получил предложение правительства США создать в Калифорнии газету с целью быстрой американизации русских поселенцев и смешанного населения Аляски, только что купленной у России. Обосновавшись в Сан-Франциско, А. Гончаренко в 1868 г. начал издавать на русском и английском языках «Вестник Аляски», но переусердствовал в критике царизма и после протеста российского посольства лишился субсидий из Вашингтона. Дав газете новое название «Свобода», он продолжил в ней резкую критику царизма, пока в 1873 г. не отошел от политической борьбы. Спустя пять лет в Нью-Йорке был основан «Журнал православной церкви», выходящий в 1878–1880 гг. Начиная с этого времени периодика на русском языке в США разделилась на церковно-монархическую и светскую.

Собственно русская православная печать зародилась в конце XIX в., когда в 1896 г. в Нью-Йорке вышел первый номер газеты «Американский Православный Вестник» (далее – АПВ). Инициатива ее издания принадлежит епископу Алеутскому и Аляскинскому Николаю. Согласно бывшему в то время порядку выпускать газету можно было только с официального разрешения. В ответ на соответствующее его ходатайство был получен следующий ответ:

«...признавая необходимым с развитием миссионерского дела в Америке, особенно между униатами, издание печатного органа для Алеутской епархии, посредством которого можно было бы не только влиять на вновь присоединенных, но и отражать нападки враждебных православию униатов-католиков...»

Святейший Синод определяет: 1) Разрешить Вашему Преосвященству издавать во вверенной Вам епархии газету на русском языке с параллельным английским текстом под заглавием “Американский Православный Вестник” по программе “Духовного Вестника Санкт-Петербургской Епархии” под цензурой священника Балановича и с утверждением редактора сего издания протоиерея Алексея Товта, а священника Иоанна Недзельницкого – его помощником, поручив при этом Вашему Преосвященству донести Святейшему Синоду об успехе сего издания по истечении трех лет со времени выпуска его в свет. 2) На издержки по изданию означенной газеты отпускать в распоряжение Вашего Преосвященства ежегодно по 2000 руб. золотом, с отнесением сего расхода на счет капиталов американских церквей и миссий, о чем и послать Вашему Преосвященству Указ, а в Хозяйственное при Святейшем Синоде управление передать выписку из сего определения.

Сентябрь 27 дня 1895 года». [Архив славянской секции ...].

Первым редактором «Американского Православного Вестника» стал священник Александр Хотовицкий, настоятель православной церкви в Нью-Йорке. В течение 18 лет эта газета выходила под его редакцией два раза в месяц, каждого 1 и 15 числа; годовая цена с пересылкой составляла 3 доллара, в Россию – 6 руб. Поскольку «Вестник» распространялся не только среди русскоязычных эмигрантов, но и среди американцев, главным образом, представителей интеллигенции, наиболее важные материалы печатались параллельно на русском и английском языках.

Программа этой православной газеты была изложена в передовой статье первого номера, в которой о. Александр писал: *«Православное дело растет, но вместе растет и недоброжелательство тех вожаков унии, которым выпало держать народ в заблуждении. Через свои газеты они смущают народ, задевают его лучшие чувства. Он ждет нашего ответа и он услышит его, но не в борьбе с развязными выходками этих газет, а в спокойном разъяснении, где истина и где ложь. Правда даст нашему печатному слову доверие народа, в правде наша сила и слава!»* [АПВ, 1896, №1]. Таким образом, «Вестник» представлялся как инструмент защиты православия в борьбе с другими конфессиями в США.

Примечательно, что буквально через год в объявлении о подписке на газету А. Хотовицким были уточнены наиболее важные цели издания:

«1. *Возвещать в инославной среде “догматическую и историческую правду Православия” как путем раскрытия положительного учения церкви, так и путем разъяснения и опровержения заблуждений противников;*

2. *Защищать правоту русского православного дела от “неприятных выходов местных газет”, враждебно относящихся к успехам русских миссионеров в этой стране;*

3. *Внушать чувства любви и преданности своей вере и родине православным-переселенцам, воодушевившись которыми они могли бы не только противостоять неблагоприятному влиянию окружающей инославной среды, но и сами влиять на нее;*

4. *Приобщая путем печати душу и сердце этих людей к жизни родного народа», – одновременно и в читателях Старого Света вызывать участие к жизни и быту их далеких земляков;*

5. *Знакомить местных иностранных читателей-американцев с “действительным типом русского человека, с духом и обычаями русской страны, поселяя в американской среде – на место предубеждения – симпатии к нашему родному народу»* [АПВ, 1897, №17].

Во все время издания газеты редакция твердо следовала программе, утвержденной Святейшим Синодом и скрепленной печатью министра внутренних дел Российской империи [Якимов, 1998, с. 31]. Согласно ей публикации каждого номера делились на два отдела: официальный и неофициальный. В «Официальном отделе» публиковались высочайшие манифесты, указы Святейшего Синода, важные правительственные распоряжения в России и предписания местной епархиальной власти. Особое место занимали послания, поучения и наставления высших руководителей епархии, проповедников из России и местных пастырей православному клиру – священнослужителям и прихожанам. Послания представляли собой особый жанр, включавший элементы проповеди, извлечения из священных текстов и церковной истории. Они впоследствии зачитывались священниками в храмах, поэтому русский язык в них нередко сочетался с церковнославянским. Часто публиковались статьи полемического характера, направленные на борьбу с

религиозными противниками РПЦ. Судя по сообщениям в «Вестнике», борьба эта была достаточно острой, причем не только духовной, дело доходило и до кровавых столкновений с приверженцами католичества и униатами.

В «Неофициальном отделе» регулярно печатались статьи по истории Русской Америки, истории РПЦ в США, сообщения о памятных датах в истории России и др., призванные способствовать патриотическому воспитанию подрастающего поколения русских американцев [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2500. Л. 5]. Здесь же публиковались путевые заметки православных священников-миссионеров, в которых, наряду с описанием приходов и отчетами о своей работе, находили отражение этнографические и бытовые зарисовки местного населения, как, например, путевые заметки по Аляске священника А. Пантелеева [АПВ, 1912, №10].

Таким образом, «Американский Православный Вестник» вмещал в себя практически все, что относилось непосредственно к работе миссии и повседневным делам простых верующих: от освещения таких значительных для епархии событий, как архиерейское обозрение приходов или присоединение к православию инославных станов, до информации о пожертвованиях в различные церкви, результатах школьных экзаменов на Аляске и в Чикаго и пр.

В качестве примера рассмотрим один из номеров «Вестника», что поможет четче понять структуру и содержание издания. В «Официальном отделе» представлено наиболее важное событие в России – «Путешествие Их Императорских Величеств по некоторым западноевропейским державам» [АПВ, 1897, №16]. Также приведены хроника наградений, назначений, увольнений со службы в епархии, списки пожертвований в приходы с указанием имен жертвователей и перечисленной ими суммы. В «Неофициальном отделе» вниманию читателей предложен очерк о жизни и деятельности митрополита Московского Иннокентия, приуроченный к столетнему юбилею со дня его рождения. В статье подчеркивается его выдающаяся роль как просветителя народов Аляски и Северо-Востока Азии: *«На Аляске он служил миссионером 28 лет. Наряду с выполнением церковных служб среди местного населения – алеутов, эскимосов, колошей, кадьяков и др. – правосла-*

вия, грамотности, строил церкви, открыл школы, составил учебники и словари; изучил быт и нравы местных. Его научные труды по этнографии и лингвистике, географии и гидрографии до сих пор высоко оценены, он был избран членом-корреспондентом Академии наук» [Там же].

На последней полосе даны объявления о приеме подписки на «Вестник»; о продаже религиозной литературы на русском и английском языках, что косвенно указывает и на коммерческую деятельность редакции газеты.

С начала XX в. «Американский Православный Вестник» стал регулярно проводить сборы пожертвований для нуждающихся, на поддержку православных приходов в России и т.д. [Там же, 1912, № 1, с. 4]. Особенно часто сбор средств осуществлялся в годы Первой мировой войны. «Вестник» привлекал внимание читателей и к другим благотворительным акциям, проводившимся русскими организациями в Америке.

После поражения русской революции 1905–1907 гг. в США появилось большое количество политических эмигрантов, развернувших широкую антирелигиозную пропаганду, в т.ч. и посредством собственных периодических изданий. Православная церковь рассматривалась ими в качестве оплота самодержавия и консерватизма. Левая русскоязычная печать в Америке особенно активизировалась в предвоенные и военные годы. С этого времени ещё одним направлением деятельности «Американского Православного Вестника» стала борьба с революционной пропагандой и агитацией. Следует, однако, подчеркнуть, что главное острие церковной журналистики было направлено все же против радикальной прессы, а не собственно революционного движения. При этом православная печать чаще занимала оборонительную позицию, нежели наступательную [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2372. Л. 14–15].

Вместе с тем статус «Американского Православного Вестника» как официального печатного органа Алеутской и Северо-Американской епархии, выходившего еженедельно с 1915 г., определял основной его контент – вопросы богословия, церковной истории и др., рассчитанные в основном на образованную аудиторию. Между тем РПЦ в Америке остро нуждалась в массовом издании, которое и по языку, и по стилю изложения было бы ближе к простой пастве.

Именно поэтому в 1897 г. появился другой печатный орган епархии – «Світ» («Свет»), который, в отличие от выходившего два раза в месяц «Вестника», стал еженедельным. Эта газета издавалась на средства Русского общества взаимопомощи. Корреспонденции писались преимущественно на украинском или, как тогда его называли, малорусском языке. Это было связано с тем, что РПЦ не могла остаться в стороне от тех событий, которые происходили как в России, так и в США в конце XIX в. Именно в это время значительно увеличился приток российских эмигрантов, большей частью из бедных районов Западной Украины; людей, связанных с революционным движением в России и покинувших страну вследствие преследований; также других категорий населения.

Главной целью издания редактор «Світ», настоятель Олдфордского прихода в Пенсильвании Григорий Грушка считал просвещение аудитории:

«Цель нашей газеты есть: просвещати рабочий тут люд, вказати дорогу правды! А так получити щербату долю тих, котрых нужда, беда загнала в далекий край шукать куска насущного хлеба, котрый му ворот видерли з уст на родине». И далее: «...только и для того мы подписались до сей мозольной и тяжелой праце, щоб наш народ на вольной земле не був и дальше рабом, но щоб стер тую печать подлого рабства, якою ее назначили иезуиты. Му хочемо и будем старатися о сколько сил стане, щоб наш рабочий люд тут в Америке глубоко перенявся словами святой и православной веры» [Свет, 1897, № 1].

«Американский Православный Вестник» откликнулся на выход этого издания, напечатав заметку «Новая православная газета в Америке»:

«Пока вышло только два номера "Света". Составлены они прекрасно, и можно предсказать изданию несомненный успех, если оно и далее будет придерживаться принятого тона и направления. Униатские местные газеты – безжизненный "Вестник" Жатковича и украинофильская "Свобода" вовсе не милы народу и не понимают его интересов и нужд, и народ всегда отдаст предпочтение "Свету", рядом с поучительными нравственными статьями, предлагающими читателям и разнообразное чтение, разные полезные сведения и остроумную полемику с

униатскими изданиями. От души желаем изданию и издателю успеха. Цена “Света” очень доступная: два доллара в год» [АПВ, 1897, № 19].

Газета «Свет» стала вторым по значению в епархии изданием. В ежегодном отчете Святейшему Синоду о состоянии Алеутской и Северо-Американской епархии за 1913 г. архиепископ Платон сообщал: *«Выходя еженедельно, размером в 8 страниц, с иллюстрациями, “Свет” заменяет для православных ежедневную газету. Газета служит для широкого ознакомления народа с начинаниями миссии, средством литературного обмена мыслей и полем для столкновения с врагами миссии по чисто миссионерским побуждениям. Защита интересов миссии, ее организаций и учреждений, постоянное удерживание народного сознания в чистой атмосфере религиозных идей и добрых интересов оказываются возможными именно при сохранении за миссией руководства этой народной, печатающейся на местном наречии газетой»* [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2562. 1914 г. Л. 21–22].

Исходя из своей целевой аудитории, как указывалось выше, газета «Свет» носила более популярный характер. Это обеспечило быстрое увеличение тиража газеты: с 50 экз. в конце 90-х гг. XIX в. до 9000 экз. в 1912 г. [Там же. Д. 2500. Л. 6]. Росту популярности издания немало способствовал выпускаемый редакцией с 1896 г. ежегодный красочный календарь объемом в 300–400 стр. Рубрики календаря оставались неизменными на протяжении всего дореволюционного периода издания газеты. Так, календарь состоял из 12 разделов: «1. Календарь с перечнем богослужений и церковных праздников; 2. Общие сведения о книгах Ветхого и Нового Завета; 3. История Вселенских соборов; 4. Что такое истинное просвещение; 5. Важнейшие события в истории христианства; 6. Общие сведения о славянах; 7. Важнейшие события РПЦ в Америке; 8. Важнейшие события в России; 9. Важнейшие события в США; 10. Хроника Русского Православного Католического Общества Взаимопомощи в Америке (организация, занимавшаяся изданием газеты “Свет”. – Г.С.); 11. Алеутская и Северо-Американская епархия с перечнем приходов и духовенства, светские представители России в Америке; 12. Юмористический отдел “Звонок”». Например, календарь на 1917 г. имел 135 иллюстраций на 384 стр. Несмотря на качественную

полиграфию, календарь был достаточно дешев: стоимость его не превышала 65 центов с пересылкой [АПВ, 1917, № 6].

Растущая миграция в США русских и русин (карпато-русов, угро-русов, галичан), переход униатов в православие заставляли священнослужителей расширять церковную печать, чтобы оказывать влияние на переселенцев. РПЦ, создавшая здесь миссионерскую епархию, осуществляла каноническую юрисдикционную власть, если даже не всегда практически, то, во всяком случае, символически, среди всех православных иммигрантов разного национального и этнического происхождения [Григорьев, 1900, № 12, с. 60].

В этой ситуации, по мнению руководителей православной миссии, «Американский Православный Вестник» уже не вмещает всех тех духовных ресурсов, какими она обладает и какие она должна проявить, чтобы расширить, углубить и сделать более плодотворным необозримое поле миссийного делания в Америке [Нитобург, 2000, с. 31]. Православная церковь стала организацией, которая проявляла заботу о соотечественниках, не приспособленных к реалиям американской жизни. С участием священнослужителей возникали многочисленные братства, сестричества, общества взаимопомощи, курсы английского языка, газетные издания. Так, в 1912 г. в Нью-Йорке начал издаваться еженедельник «Русский Эмигрант». Как утверждал архиепископ Алеутский и Северо-Американский Платон: *«Хотя “Русский Эмигрант” и не был церковной газетой, но всегда держался духа православия, проповедовал горячую любовь к России, к ея Государю»*. Вполне вероятно, что церковь первоначально рассматривала эту газету как противовес многочисленным социал-демократическим, анархистским и другим русскоязычным изданиям, которые публиковались во многих американских городах, и *«можно предположить, что “Русский Эмигрант” несет столь же важную миссию в гражданском смысле, насколько необходимую несет газета “Свет” в смысле миссионерском против унии»* [Нитобург, 2001, с. 20].

Православная церковь испытывала необходимость в создании такого издания, которое защищало бы идеи православия от разных нападок оппонентов, главным образом униатов. Им стал появившийся в конце 1913 г. журнал «Ревнитель

Православия», выходивший в основной своей части на украинском языке, как орган «Общества ревнителей православия» и «Русского православного женского общества взаимопомощи». Как писал архиепископ Платон: *«Издание рассчитано на обращение между народами не только православным, но и неправославным, посему в нем нет никакой острой полемики, а самое простое, ясное и проникнутое светлым воодушевлением стойкое слово о Православии и его святости... Имеется в виду этим чистым изданием противодействовать миссионерским листкам, выпускаемым из униатского лагеря».*

В 1915 г. появились несколько новых изданий, которые по своему содержанию были близки к запросам православной миссии в США. В первую очередь это еженедельная, а впоследствии ежедневная газета «Русская Земля». Это издание заняло нишу «Русского Эмигранта», который, как выяснилось, *«неосторожно Миссией был передан некоему Доброву, сбежавшему с деньгами неизвестно куда и покрывшему позором многое русское в Америке на долгое время».* Основной целью этой газеты стало *«Служение... идее объединения всего славянства под покровом единственной заступницы славян державной Руси»* [Русская земля, 1915, № 1]. В передовой статье она сообщала: *«У нас нет центра, вокруг которого мы могли бы объединиться, а такими центрами у всех культурных народов являются газеты. Есть у нас несколько хороших изданий, но это или органы организаций, занятые своими делами, или же деловые газеты, преследующие бизнес... Нам нужна газета, которая являлась бы выразительницей настроений и мыслей русского народа, которая, как зеркало, отражала бы всю русскую жизнь во всех ее проявлениях, которая служила бы нам лучшим другом и советником в жизни и вокруг которой могли бы объединиться русские без различия партийных взглядов»* [Там же].

В первом номере «Русской Земли» редакция опубликовала программу издания: «1) Передовые статьи на злобу дня; 2) С поля войны; 3) По России и вести Червонной Руси; 4) Американские новости; 5) Со всего света; 6) Среди русских рабочих; 7) Голос народа (письма читателей); 8) Фельетон; 9) Образовательные статьи по разным отраслям труда и промышленности; 10) Летучие заметки на разные темы; 11) Среди

газет и журналов; 12) Золотые песчинки (мудрые изречения); 13) Не для забавы. Цена на год \$1.50. На полгода 75 ц.» [Там же].

Еще одним православным изданием стал еженедельный журнал «Святая Русь». По мнению архиепископа Алеутского и Северо-Американского Евдокима, назначение журнала – *«закреплять и внедрять в сердца людей глубокое содержание нашей веры и тем неразрывнее и внутренне теснее связывать всех с нашей Церковью...».* Являясь органом «Русского православного женского общества взаимопомощи», журнал не мог обойти вниманием и прихожанок церкви. Это делалось с определенной целью: *«Миссия многого достигнет, если ей удастся поставить в Америке просвещение женщины на большую высоту религиозную, чем на какой оно стояло здесь раньше».*

В 1915 г. в Питтсбурге начал выходить «Русско-Американский Православный Вестник», обязанный своим появлением в свет непрестанно борющейся с униатскими священниками. Вокруг этой газеты сплотилось православное духовенство Питтсбургского округа. Благодаря ей *«униатам не только не удалось выкинуть из своего общества “Соединение” наших православных, но и все общество, как и весь народ угорский становится православным, ищет у нас православного епископа»* [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2685.1915 г. Л. 87].

К числу миссионерских относится и «Правда» – газета Общества Русских братств, духовный правитель которого Феофан Обушкевич в 1915 г. из униатского лагеря перешел в православие [АПВ, 1915, № 6]. Эта газета *«всегда проводила твердо русские воззрения, не боясь никаких нападков со стороны других газет, обвиняющих “Правду” в “москвофильстве” и называющих читателей и издателей газеты “москалями”»* [Там же. Л. 90].

В 1916 г. появилось первое в США детское издание – ежемесячный журнал «Школьник», выходивший на русском и малорусском языках. В статье «К читателям» сообщалось, что здесь: *«... будут печататься статьи из русской истории, рассказы из русской и американской жизни, статьи русских писателей, стихи, театр, загадки и пословицы, дописи школьников и мн. др.»* [Школьник, 1916, № 1]. Журнал издавался Духовной семинарией православной миссии.

Отметим, что печать православной церкви включала в себя не только периодику в виде газет и журналов, но и издания непериодического характера. Это – справочники, календари, различные богослужебные брошюры, выходявшие в миссийной типографии в Нью-Йорке. Особой популярностью среди читателей на местах пользовались так называемые памятные листки, содержание которых передают их заголовки: «1) *Що треба знати кождому православному рускому человеку о католической вере*; 3) *Що такое уния?*; 8) *К бывшим униатам (предсмертное слово протоиерея А. Товта)*; 14) *Исповедание веры. Русским борцам за Православие в Америке и др.*» [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2685. 1915 г. Л. 88]. Они издавались на галицком, угорском наречиях, словенском, русском и украинском языках.

Судя по таким высказываниям, как: «*Народ наш с такой любовью относится к этим листкам, что собирает их бережно и переплетает в отдельные книжки. Духовенство почти все также высылает деньги за эти листки, что также свидетельствует о значении листков*», нужда в них была большая [АПВ, 1916, № 27]. Издание памятных листков позволяло миссии оперативно откликаться на происходящие события, в основном на борьбу православия с униатством. Например, в 1915 г. было напечатано «*свыше полмиллиона листков на различные темы, не исключая политических и патриотических. Каждый листок издавался самое меньшее в размере 10 тыс. и распространялся по тем приходам, которые больше всего нуждались в известное время в помощи и защите*» [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2685. 1915 г. Л. 87].

Таким образом, к 1915 г. сложилась система печатных изданий РПЦ, выходявших за счет

средств миссии и периодических дотаций Святейшего Правительствующего Синода в Санкт-Петербурге. Возникнув как ответ на общественную потребность в клерикальном слове, православные газеты и журналы стали первыми в ряду начинавшей складываться в начале XX в. русскоязычной прессы в США. Они сыграли важную роль в упрочении и развитии православия на североамериканском континенте; борьбе с униатской церковью, инославными общинами и атеистами. В то же время именно эти издания на протяжении почти 20 лет, вплоть до своего закрытия в 1918 г., несли консолидирующую миссию по объединению эмигрантов-славян, способствовали сохранению их языка и культурных традиций.

Литература

Американский Православный Вестник. – 1896. – № 1; 1897. – № 16–17; № 19; 1912. – № 1; 10; 1915. – № 6; 1916. – № 27; 1917. – № 6.

Архив славянской секции Библиотеки Конгресса США. Коллекция М.З. Винокурова. MSI. Box 22. Folder 23.

Григорьев Д. Русская Православная Миссия в Северной Америке. К 200-летию основания // Журнал Московской Патриархии. – 1990. – № 12. – С. 60.

Нитобург Э.Л. Русская Православная Церковь в США // Там же. – 2000. – № 3. – С. 31.

Нитобург Э.Л. Русская пресса в США // Там же. – 2001. – № 1. – С. 20.

РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2372. Л. 14–15; Д. 2500. Д. 2562. 1914 г. Л. 21–22; Д. 2685. 1915 г. Л. 87–90.

Русская Земля. – 1915. – № 1.

Свет. – 1897. – № 1.

Школьник. – 1916. – № 1.

Якимов О.Д. Очерки истории печати Якутии. – М., 1998.

G.I. Spiridonov

Orthodox Publications in the History of the Russian-Language Press in the USA

The article analyzes the first Orthodox periodicals printed in the USA in Russian by adherents of Orthodoxy. The most important prerequisites for the origin and formation of the Orthodox press in the United States were the development of Russian America, Christianization by Orthodox of the natives of Alaska and the Aleutian Islands, mass emigration from the Russian Empire in the late XIX and early XX centuries.

The emergence of the Russian Diaspora in America was economic, political and religious. Most of the immigrants from Russia, mostly labor migrants, who did not speak English, moreover, many were illiterate. But as cultural baggage,

they moved their religion to the American continent - Christianity. Through the efforts of the Orthodox Church was created parishes, active missionary activity was conducted. There was a need for a printed organ that would support the pastoral word of Russian emigrants and satisfy their need for a special expression of their own, uniting Russian roots and American reality.

Keywords: Russian America, Orthodox press in the USA, Orthodox publishing houses, Alexander Khotovitsky, Russian Orthodox Church.

УДК 811.512.157373.6

Р.И. Бравина

«Путь Омогоя»: якутские этнонимы монгольского происхождения

Статья посвящена исследованию якутских этнонимов монгольского происхождения хатылинской (ботурусской) и батулинской родоплеменных групп, что имеет немаловажное значение в изучении проблемы этногенеза и этнической истории якутов. Данная тема все еще остается недостаточно разработанной как в лингвистическом, так и в историко-этнографическом аспекте. Значительный пласт якутских этнонимов имеет в целом тюркское и монгольское происхождение, что указывает на наследие древних и средневековых этнических общностей Центральной Азии и Южной Сибири. Роды – носители монгольских этнонимов, расселены на территории центральных, виллойских и северных районов Якутии, что затрагивает и вопросы этнической истории якутов в XVII–XVIII вв. В работе предпринята попытка проследить этимологию и семантику якутских этнонимов монгольского происхождения на основе сопоставительного анализа с этнонимикой западных бурят и монголов. Предложено, исходя из историко-лингвистического анализа рассматриваемых микроэтнонимов с привлечением фольклорных и этнографических данных, авторское видение вопроса о месте и времени их появления.

Ключевые слова: этнонимы, якуты, хатылинцы (ботурусцы), батулинцы, расселение, монголоязычные народы.

Один из главных вопросов в разрешении проблемы этногенеза – это этимология (происхождение) имен родоплеменных групп, вошедших в состав изучаемого народа. К сожалению, в якутской этнографии, за исключением статей В.В. Ушницкого, нет специальных работ, посвященных рассматриваемой проблеме [Ушницкий, 2015, с. 41–44; 2016, с. 10–17]. Якутские этнонимы монгольского происхождения затрагиваются в работах, посвященных вопросам этимологии ономастики в монголоведении, и в бурятской этнонимии в частности, историографический обзор которых содержится в монографическом исследовании Б.З. Нанзатова [Нанзатов, 2005, с. 8–13].

А.П. Окладников, исследуя проблему происхождения якутов, переселение их предков из Прибайкалья образно обозначил как «путь Омогоя» [Окладников, 1949, с. 357]. Существуют предания о том, что якуты и буряты прежде составляли один народ. Я.И. Линденау, которому

принадлежат наиболее ранние их этнографические описания, отмечает, что древние поселения якутов он видел во время своего путешествия на Байкал в конце сентября 1743 г.: «Якуты имели свои поселения по возвышенному правому берегу р. Лены, ниже деревни Качег (Качуг. – Р.Б.). Это место называется... якутами и бурятами *Koboliur*... Первый род и его предводитель, который имел свое местожительство в вышеупомянутом месте, назывался *Omogon*, один из рода *Batulu*» [Линденау, 1983, с. 17]. Руководитель научного отряда II Камчатской экспедиции Г.Ф. Миллер также пишет о том, что у якутов имеется много слов, похожих на бурятские, что подтверждается преданием об их прежней совместной жизни с бурятами [Миллер, 1937, с. 183].

По мнению языковедов, в оформлении современного якутского языка особую роль сыграли монгольские языки. Монгольский пласт,

состоящий из 2,5 тыс. слов, достаточно изучен в лингвистической литературе по якутскому языку [Kaluzynski, 1961; Рассадин, 1980 и др.]. Г.В. Ксенофонтов обратил внимание на наличие в говоре северных – усть-янских и оленёкских – якутов «явно монгольских слов, которые абсолютно неизвестны южным якутам-скотоводам» [Ксенофонтов, 1992а, с. 315–316]. Более того, он указывает на сходство шаманской лексики северных и вилюйских якутов с «гимнами» бурятских шаманов, записанными им в Эхирит-Булагатском аймаке, в которых, в частности, говорится о сакральной чистоте воды р. Ангары «Дьэнкэрэ – Дьанхара – Анхара» [Там же, с. 334, 337, 338]. Исходя из того, что «в эпоху появления Чингис-хана якутов уже не было в Приангарском крае», он делает вывод, что ранняя прослойка «акающих» верхоянцев, абыйцев и колымчан (юсальцы, эгинцы и байдунцы) по своему первоначальному происхождению были монголами, «объякученные еще... в пределах Прибайкалья» [Ксенофонтов, 1992б, с. 171; 1992а, с. 335]. Это положение частично получило подтверждение в дальнейших исследованиях языковедов. С.А. Иванов не исключает того, что «основная масса монголизмов перенята в Прибайкалье и перенесена на Среднюю Лену» [Иванов, 1993, с. 7]. Е.И. Убрятова выдвинула предположение, что «акающий» диалект возник на Средней Лене в результате длительного двуязычия, а на базе тюркского – собственно якутского, образовался «окающий» диалект [Убрятова, 1960, с. 12]. Л.Е. Шамаева в своей работе, посвященной монгольским параллелям диалектной лексики якутского языка, делит их по хронологии на две группы. Первая из них состоит из параллелей, фонетические изменения которых могут быть датированы в пределах VII–XII вв., т.е. включая курыканский период, вторая же группа объединяет якутско-монгольские параллели среднего периода развития старописьменного монгольского языка, которые могли сформироваться уже на Средней Лене. При этом автор указывает, что почти половина всех монгольских параллелей диалектной лексики якутского языка встречается в северо-восточной группе говоров – 45,9% [Шамаева, 2012, с. 4, 9–11 и др.]. Н.К. Антонов, в результате изучения исторической лексики якутского языка, пришел к выводу о том, что первыми Якутию заселили и

освоили монгольские племена. Он заметил, что «якутские термины оседлого скотоводства являются почти целиком монгольскими» [Антонов, 1971, с. 37]. Данной точки зрения придерживается известный российский лингвист В.И. Рассадин: «Монгольские племена освоили местную природу давно, во всяком случае, гораздо раньше, чем тюркские предки якутов, переселившиеся в те места. Видимо, у этих монгольских племен прикочевавшиеся позднее тюркско-якуты заимствовали вместе с терминологией навыки сенокосения, стойлового животноводства, типы жилищ, наиболее приспособленные к местным суровым природным условиям» [Рассадин, 1980, с. 77]. Версия о том, что первыми скотоводами, освоившими Ленский край, являлись монгольские этнические общности, дополняется лексико-семантической характеристикой топонимов-монголизмов Якутии [Иванов, 2001, с. 168–170]. По подсчетам Г.В. Попова, 47% этимологизированных имен, внесенных Ф.Г. Сафроновым в якутский именник, относятся к тюркским словам, 37% – к монгольским, 5% – к тюрко-монгольским, 10% – к эвенкийским [Сафронов, 1985, с. 23]. Судя по приведенным данным, процесс взаимодействия и этнокультурных контактов предков якутов с монголоязычными племенами продолжался, видимо, в течение длительного времени, начиная, по всей вероятности, с середины I тыс. н.э., когда в Прибайкалье начала зарождаться культура курумчинских кузнецов.

По фольклорным данным, прародитель якутов Омогой являлся выходцем из батулинского рода, жившего около озера Байкал. Г.В. Ксенофонтов в своей работе «Ураангхай-сахалар» приводит предание, записанное у бурят: «В Кудинских степях (долина р. Куды, впадающей в Ангару справа ниже г. Иркутска), как и теперь, жили булагаты. В том же районе жили, согласно цитированным актам, и батулинцы. Кудинские буряты считают себя потомками Батлая, внука или правнука Булагата... Название “батулинцы” относится к предкам нынешних кудинских бурят, являющихся одной из ветвей булагатов» [Ксенофонтов, 1992б, с. 165]. Относительно происхождения этнонима *булагат* есть разные версии. По версии Б.Р. Зориктуева, данный этноним происходит от тюркских слов *була* + *ат*, т.е. лошадь светло-желтой масти, и относится к

легендарным «пеголошадникам» – бома-алатам курыканского времени [Зориктуев, 1989, с. 40–42]. Ряд исследователей основу бурятских *булагат* выводит от тюркского глагола *bulya* «перемешивать» (ср. як. *буулаа*) и «сеять смуту», т.е. «смешанные», либо «смутьяны». Похожий этноним существовал у тюрков Поволжья и донских степей средневековья – *булгар* [Нанзатов, 2005, с. 28]. По мнению известного монгольского исследователя А. Очир, название *булга* (*bulay-a*) «соболевщик» образовалось путем присоединения аффикса *-чин* (*-in*), указывающего на род занятия. По его данным, ныне в Монголии в состав *булагатов* входит более 20 самостоятельных родов, которые свое начало ведут от Буха-нойона [Очир, 2016, с. 50, 51]. При внимательном прочтении рассматриваемые версии не совсем исключают друг друга. По всей вероятности, в данном случае речь идет об обобщенном названии древнего этнически «смешанного» населения Предбайкалья, одной из главных отраслей хозяйственной деятельности которого, независимо от этнической принадлежности, являлась пушная охота. В западном диалекте бурятского языка исследователи видят исторически развившийся коренной язык, непосредственно связанный с тюркским миром, прежде всего с якутским языком. Отсюда возникает предположение, что булагаты в прошлом были тюркоязычными и входили в состав того племенного объединения, которое составило основное ядро *сахы* [Константинов, 2003, с. 35].

В якутских преданиях буряты часто называются «братскими». В обыденном восприятии данный термин воспроизводится от русского «брат». По мнению же бурятских ученых, в основе термина *брат* / *братский* лежит тюркский (хакасский, алтайский) экзоэтноним *пырат-пурат*, в котором корень *пыра-пура* – фонетический вариант слова «волк» [Нанзатов, 2005, с. 25]. По версии, выдвинутой Ц.Б. Цыдендамбаевым, этноним *бурят* происходит от тюркского слова *бёря* (*буре* или *бурю*) в значении «волк» [Цыдендамбаев, 1972, с. 274–279]. Появление данного этнонима связывается с курумчинской культурой Прибайкалья [История Бурятии, 2011, т. 1, с. 262, 263]. Очевидно, данный экзоэтноним был известен якутам еще со времени их проживания в Прибайкалье.

В свою очередь самоназвание якутов – *сахы*, также прослеживается среди бурятских и монгольских родов. Имя бурятского рода *саган*, *саганут* Б.З. Нанзатов считает древним по происхождению, известным еще у сяньбийцев [Нанзатов, 2005, с. 37]. Об обособленности саганутов говорит народный обычай хоринцев, согласно которому почетное угощение из сваренной конской головы преподносится только представителю саганского рода, тогда как представителей других хоринских родов угощают вареной бараньей головой [Зориктуев, 2011, с. 159–160]. Согласно булагатской генеалогии, среди внуков их первопредка Булагата больше всего детей было у Сагана, в т.ч. Батай, Онга и Обогон, ставшие прародителями ряда бурятских племен [История Бурятии, 2011, т. 1, с. 259]. Б.З. Нанзатов допускает возможную связь имени «Омогой» с бурятским этнонимом *обогон*, который происходит от монгольского «обог» – «род, племя» + «он / ой» (аффикс род. пад.). «Примечательно, что у западных бурят этот термин используется в разных фонетических вариантах – обог / омог, – пишет автор. – Очевидно, в основе образа Омогоя отражается персонифицированный этноним одного из прибайкальских племенных объединений средневековья» [Нанзатов, 2017, с. 148]. А. Очир название монгольского рода *соод* связывает с *сого*, *соко* или *сокы* кыпчакского происхождения, носителями которого являлись и хангаласские якуты [Очир, 2016, с. 145].

В XI–XII вв. в Забайкалье и Монголии существовало керейтское княжество, население которого было весьма многочисленным и состояло из восьми племен, в том числе джиркин, конкаит, сакаит, тумат, албат. П.А. Ойунский писал, что якуты нашли свою родину после того, как джунгары (ойраты) истребили керейтов *сахайт* [Ойунский, 1928]. Спустя более полувека схожую мысль высказал П.П. Карцев, автор ряда статей по этногенезу якутов. По его мнению, этнонимы племен, входивших в Керейтский союз, кроме собственно керейтов и албатов, могут быть сопоставлены с якутскими этнонимами: *сахайт*, *тумат*, *джиркин* (якут. *джаархан*) и *донгот* (долган). Основываясь на приведенных аргументах, он приходит к выводу о том, что «собственно монгольские этнонимы у якутов явно более редки,

пожалуй, однозначно лишь *хатыгын* (монг. *хатагин*), что, по-видимому, свидетельствует о большей близости предков якутов именно с керейтами, а не с собственно монголами» [Карцев, 2004, с. 124–127]. Г.О. Авляев – автор работ, посвященных происхождению керейтов, считает, что в сущности керейты были монголами, а *сакаиты* относились к тюрко-уйгурам [Авляев, 1984, с. 36].

Согласно генеалогической таблице под названием «Могуоллар (Монголы)», составленной С.И. Боло, Омогой являлся сыном буряты Хайаран. Среди его сыновей упоминаются Баатылы, Нам и Кэлтэгэй Тобук. Роды Баатылы, Бахсы и Багарах изначально составляли одно племя (*аймах*) и жили на р. Лене в местности Улуу Арыы [Боло, 1994, с. 348, 349]. Именно от них отделились люди Кэрэкээнэ, составившие позднее отдельный Таттинский улус. Часть рода Бахсы во главе с Куһагай Огонньор переселилась на правый берег р. Лены, составив там отдельный род Бахсы [Там же, с. 268–270]. В ясачной книге П. Бекетова за 1632 г. среди 16 других волостей зафиксированы Батулинская и Баксинская волости. Баксинская волость в дальнейшем числится в составе Мегинской волости и отдельно не выделяется [Долгих, 1960, с. 354]. Название батулинцев в якутском языке существует в «акающем» и «окающем» вариантах – Баатылы / Боотулу. В ранних источниках оно фиксируется в форме «батулинцы». В материалах участников II Камчатской экспедиции зафиксирован рассказ шамана Сотоя Трекина из Баксинской волости Мегинского улуса, где перечислены якутские роды, происхождение которых связывается с батулинцами: «1. Бахсынцы; 2. Батулинцы; 3. Сыланцы; 4. Игидейцы; 5. Джохсогонцы; 6. Тыарасынцы; 7. Оргеты; 8. Байагантайцы» [Ушницкий, 2015, с. 43]. Имена некоторых из них находят параллели среди названий монгольских и бурятских родов. Так, этноним *бахсы* может быть сопоставлен с названиями монгольских родов, производными от слова *багш*, основу которого составляет санскритское *бхикшу* – уважительное название буддийских лам [Очир, 2016, с. 21]. Имя *игидэй* нам представляется созвучным названию бурятских племен *эхирид*, *ихирит*, *икирес*, *икинат*. В семантике этого этнонима нет разночтений, он по своему морфемному составу может быть признан «тюркиз-

мом», образовавшимся от тюркского *ikire* – «близнецы, двойня» (ср. якут. *игирэ*). «Поэтому не исключено, что икересы – небольшое тюркское племя, задолго до XIII в. подвергшееся монголизации» [Санжеев, 1983, с. 50]. Ц.Б. Цыденданбаев также отмечал присутствие тюркского пласта в языке современных эхиритов: «Эхириты в целом с давних пор, не говоря уже о XVII веке, являлись двуязычными» [Цыденданбаев, 1972, с. 290]. Видимо, не вызывает сомнения тот факт, что эхириты и булагаты испытали сильное влияние тюркоязычного населения Предбайкалья. Относительно названия якутской волости *дьохсогон* надо отметить, что в Монголии есть небольшой род *цогчин*, этноним которого А. Очир связывает с тибетским словом *tshogs-chen*, означающим «большое собрание». Название *цогчин хурал*, *цогчин дуган* имеют монгольские храмы, специализирующиеся на чтении молитв. Впервые буддизм на территории Монголии появился во II в. н.э. Среди хуннов и сяньби эта религия распространилась через тибетских монахов – индусов и согдийцев [Гумилев, 1998, с. 86–87]. Этноним *тыарасын*, на наш взгляд, также сходен с монгольским *тариачин*. По мнению А. Очира, данный этноним происходит от глагола *тарь* (*tari*, *taria*), что означает «обработать, возделывать землю», к которому добавлен аффикс *-чин* (*-ч*), указывающий на род занятий [Очир, 2016, с. 159]. Согласно Э.К. Пекарскому, глагол «тараа» в якутском языке – тюркского происхождения, означающий «чесать, боронить» [Пекарский, 1959, стб. 2564].

Мы считаем, что название Баягантайской волости якутов имеет этнокультурную связь с уйгурским *баегу*. Монгольские исследователи происхождения монгольских и бурятских этнонимов *баяндур*, *байынде*, *баяндай* также связывают с *баегу*, входившим в состав племен теле [Очир, 2016, с. 24, 42]. По некоторым преданиям, сыланский род, куда входили мугудайцы, по своему происхождению не относился к батулинцам. Одним из прародителей этого рода считался Сылан – сын Кыпчаарахыя Суурук [Макарова, 2012, с. 12]. Исследователи этноним *сылан* связывают с кимакским *йылан* [Ушницкий, 2012, с. 353]. Таким образом, по данным этноимики, из упомянутых выше родов к батулинским могут быть отнесены, за исключением са-

мих *батулинцев, бахсинцы, игидейцы, джохсонцы и тыарасынцы*.

Согласно преданиям, предком-родоначальником Мегинского улуса являлся Мэнгэ (Мэнгэбил Бёгё) – сын Болотоя Оххона / Орхона, одного из сыновей Эллэя [Пекарский, 1959, стб. 494, 1882; Попов, 1998, с. 22–24 и др.]. Примечательно присутствие в имени его отца топонима – названия реки Орхон, правого притока р. Селенги. Сам антропоним Мэнгэ, возможно, был связан с названием монгольского племени *мянгад* (мянгаты) [Очир, 2016, с. 112, 114, 116]. Среди харганаевской, т.е. батулинской, группы родов хори-бурят существовал род *мэнгэй* [Цыдындамбаев, 1972, с. 227].

Согласно генеалогическим таблицам, составленным Г.В. Поповым и мегинскими краеведами, от Мэнгэбил Бёгё ведут свое происхождение отцовские роды Алтанский, Аласский, 1-й и 2-й Моорукские, 1-й Мэлдэхси, Ойун усковский, Джаккы, Сатагай, Тарагай, Чалгаа, Урчус, Ньургу, Сээник, входившие в Алтанский, Моорукский и Тарагайский наслеги [Попов, 1998, с. 22–71, таблицы]. Некоторые из них делились на «материнские роды» (*ийэ ууса*). Так, в Мойрутском наслеге до 1912 г. Аласский род (Алаас ага ууса) состоял из шести *ийэ ууса*: Ырыа, Ойякат, Джалтагах, Костякюн, Кутэр, Элэс и Сырбачех [Токарев, 2012, с. 360, 361]. Некоторые из этих микроэтнонимов обнаруживают монгольские параллели. Якутский род *элезинь* (видимо, речь идет о роде *элэс*, монгольское окончание *-ин* присутствует в якутском топониме *элэһин*) А. Очир сопоставляет с монгольским *элжигин*. В истории название этого монгольского племени (в начертании – *илицзинь*) впервые было отмечено в связи с событиями VIII–IX вв. В период киданьского государства Ляо под *илицзинь* подразумевали уполномоченных хана, управляющих провинциями. По вопросу происхождения *элжигин* существуют различные версии. Согласно одной из них, в основе этнонима лежит тюркское слово *эл* – «люди, население». В древности *элжигины* входили в состав коренных монголов. Они имели родственные связи с *кункиратами* (*хонхирад*), *баргутами* и *борджигинами*, у которых было одинаковое тавро (клеймо, печать) [Очир, 2016, с. 361–263]. В Жабыльский наслег Мегинского улуса также входил род *баргыдай* [Иванов, 2001, с. 140]. Согласно этни-

ческой генеалогии бурятов, в истоках истории народа лежит эпоним «Баргудай-мэргэн», олицетворяющий этноним «баргу» (мн. ч. «*баргуд/т*»), с которым связывается название «Баргуджин» [Коновалов, Цыбикдоржиев, 2017, с. 129–130].

По данным Я.И. Линденау, род Боотур ууса ранее был известен под названием Хатылы, его прародителем считается сын Эллия Хатан Хатамаллай [Линденау, 1983, с. 21]. Название этой волости, вероятно, связано с монгольским собирательным этнонимом *батуд / батут*, образованным от слова *баатар* – «богатырь». Из «Сокровенного сказания монголов» известно, что в связи с образованием Великого Монгольского государства и реорганизацией военно-государственного устройства Чингис-хан велел скомплектовать один минган *батуд* из отборных частей баатур-богатырей, в обязанности которых входила охрана ханского двора. Со временем их потомки образовали род *баатуд*, в который вошли люди разных родов и племен [Очир, 2016, с. 20]. В составе Батурусской (Хатылинской) волости зафиксированы следующие роды (наслега): Хатылинский, Бологурский (Балагурский), Жехсогонский и Тарасинский. Возможно, в нее входили и баюсцы, так как в начале XX в. Боетские роды входили в Батурусский улус [Токарев, 2012, с. 389]. В архивных документах XVII в. в качестве отдельной волости упоминаются батулинцы – каптуги и чакырцы. К потомкам каптугов можно отнести роды Амга – Хоптогинский и Тата – Хоптогинский Хадарского наслега Ботурусского улуса. Э.К. Пекарский выводит этот этноним от бурятского слова *хаптагай* 'плоский, клоп' [Пекарский, 1959, стб. 3323]. А. Очир, рассматривая монгольский этноним *хавчин*, отмечает, что в якутском языке имеется аналогичное в основе и смысловом значении слово *хапсыгыр / хапчыгыр*, и обращается к Ф. Кливзу, который относил *хавханас* к тюркским племенам [Очир, 2016, с. 183–184].

В начале XX в. в Ботурусском улусе находились 1-й и 2-й Чакырские наслеги, а в Намском улусе – Чакырский род 1-го Модутского наслега [Токарев, 2012, с. 393]. Якутские чакырцы, по всей видимости, связаны с монгольским родом *цахар* – *чахар*, происхождение которого связывается с военно-административной организацией монгольского общества. Слово *чахар* – пер-

сидское в основе, по мнению лингвистов, вошло в тюркские и монгольские языки через согдийский. Понятием *чахар* сначала обозначались ставки и орда монгольских ханов и нойонов, а затем – охранники и люди, исполняющие обязанности ханской стражи. После распада монгольского государства Юань *чахары* вместе с великим ханом вернулись на свои исконные земли. Со времени падения Юань, вплоть до 30-х гг. XVII в., чахарский тумен был политическим центром Восточной Монголии [Очир, 2016, с. 240]. Ныне существует чахарский диалект монгольского языка, на котором разговаривают преимущественно на территории Внутренней Монголии (автономный регион в Китае).

Предком батурусских наслегов считался Аан Ёрюёчей [Боло, 1994, с. 342, табл. 4]. По фольклорным данным, собранным краеведами Чурапчинского улуса, от него родился Аан Табытай, а у последнего – сын Юёчэй [Макарова, 2012, с. 22]. В первых ясачных документах упоминается имевший 255 голов скота Очей Табутаев, который фигурирует то как батурусский, то как «кытылинский» князец [Токарев, 2012, с. 44]. Он имел шестерых сыновей, которые славились как богатые скотоводы и деспотичные тойоны. Например, Нирагай Очеев «убил Мегинской волости якута Бертеня с сыном, а другого сына иво к себе захолопил», «казнил казнью Батурусской волости якута Жалыгана Сатакина, отрезал ему ухо и похолопил» [Токарев, 2012, с. 148]. В 1694 г. между его сыновьями-наследниками было распределено 13 «холопей» и 8 «женок», т.е. всего 21 чел. [Там же, с. 134].

Батурусцы, согласно историческим преданиям и рассказам якутов, делились на три группы: бологурскую (бывшие наслеги: Хамосский, Долуччинский, Сэсэнский, Сюпсюкский, Кугдинский), чакыро-хадарскую (бывшие наслеги: Чакырский, Хадарский, Хаяхсытский, Хоптогинский, Ожулунский) и хатылинскую (бывшие наслеги: Кытанахский, Болтогинский, Алчагарский, Уокинский, Ожулунский, Телейский, Чэппизэйдэй – IV Хатылинский) [Попов, 2001, с. 30]. Этого деления батурусских якутов придерживался и С.И. Боло. Из батурусских родов (впоследствии наслегов) в состав современных амгинцев вошли часть бологурцев, чакырцев и эмисцы. С.И. Боло не включал в состав коренных батурусцов население нынешних Сулгач-

чинского и Соморсунского наслегов Амгинского улуса и не указывал их происхождение. По преданиям, Сулгаччинская волость по своему происхождению не примыкала к ботурусцам, так как считалась хоринским родом [Павлов, 2005, с. 5]. В названии Соморсунского наслега лежит слово *samirsin* – «лиственница», которое в тюркских языках считается монгольским фитонимом [Иванов, 2001, с. 44]. По фольклорным данным, *эмисцы* были связаны родственными узами с батурусцами и мегинцами. Наверное, поэтому в XVIII–XIX вв. они отдельным наслегом входили то в состав Ботурусского улуса, то в Алтанский наслег Мегинского улуса [Попов, 2001, с. 30]. На наш взгляд, бетюнцы также не входили в состав коренных батурусцов. А. Очир, сопоставляя монгольский этноним *бидэгүн* с якутским родовым названием *бётюнг*, подчеркивает их безусловное тюркское происхождение. Тем более, что в монгольских источниках при упоминании аймаков и племен, подвластных Монгольской империи, *бидэгүн* считались инородными [Очир, 2016, с. 64].

В Амгинском улусе ныне сохранили свои древние родовые названия Абагинский, Алтанский, Болугурский и Чакырские наслеги. Среди монголов известны роды *авга* (*авгуты*), а среди бурят – *ашибагат* (*ашихават*). Часть *авга* смешалась не только с монголоязычными племенами – ойратами, халхами, внутренними монголами и калмыками, но и вошла в состав туркменов, теленгитов и эвенков. Слово *авга* по-монгольски означает «братья по отцовской линии» [Очир, 2016, с. 9, 10; Нанзатов, 2005, с. 40, 41], что сходно по смыслу с якутским *абага* – «старший брат отца». На территории Алтанского наслега, в верховьях р. Суолы, якуты с незапамятных времен находили железную руду и плавил ее в специальных печах. По мнению монгольских исследователей, именно пребывание мастеров-кузнецов в одном месте привело к возникновению монгольского этнонима *алтчины* (золотых дел мастера, златокузнецы) [Очир, 2016, с. 12]. Аффикс *-чин*, в монгольском языке обозначающий ремесло, занятие рода, присутствует в названии рода *сулгаччин*. Интересно отметить, что в этнонимике Монголии значится род *амгай(тан)*. *Амгай* в монгольском языке – существительное, образованное путем присоединения аффикса *-гай* к основе слова *ам* (рот)

[Там же, с. 13]. М.С. Иванов-Багдарыын Сюлбэ полагал, что *амга* – слово тунгусо-маньчжурского происхождения, означающее 'рот, уста; вход (в нору); устье реки' [Багдарыын Сюлбэ, 2004, с. 121].

Один из родовых тойонов батулинцев – предок жехсогонских якутов Кэрэкээн Ойуун, известен по архивным документам как Нарекан [Ушницкий, 2015, с. 42]. Ныне в состав Таттинского улуса входят наслеги, сохранившие древние названия: Жохсогонский, Жулейский, Игидейский и Тыарасинский. Внимание привлекают названия и отдельных «малых» родов таттинцев, влившихся в состав крупных батулинских племен. Например, микроэтноним *чоруос* можно идентифицировать с названием одного из господствующих родов ойратов *чорос*, которые делятся на *нойон* и *нохой чоросы*. К первым относится аристократическая часть *чоросов*, не потерявших до XX в. своего прежнего господствующего положения, а ко вторым – те, кто лишились своего состояния и стали простыми людьми [Очир, 2016, с. 242, 243].

В генеалогических таблицах, составленных С.И. Боло на основе якутских преданий, к потомкам Омогоя, кроме ботурусских, относятся 2-й Курбусахский, 2-й Ёлтёхский и 2-й Лёгёйский наслеги Усть-Алданского улуса [Боло, 1994, с. 326–328]. В Тюлэхском наслеге района некогда проживал богатый род Байды (*байдылар* = *байдунцы*). Видимо, этот род был многочисленным и имел обширную территорию, о чем свидетельствует, в частности, топонимика района: остров Байды, речка Байды (ныне Кёгёрёчю) и местность Байды Сайылык (букв.: летнее поселение Байды) [Иванов-Багдарыын Сулбэ, 1988, с. 116]. Лингвисты склонны отнести этнопоним *Чэриктэй* бывшего Дюпсинского улуса также к ряду монголизмов. С. Калужинский усматривает в названии этого наслега монгольское слово *cerig* «войско» [Иванов, 2001, с. 141]. Любопытно отметить, что в карте «Расселение якутских племен», включенной в книгу «Материалы по истории Якутии XVII в.», напротив владений дюпсинских родов и «игудейцев», на правом берегу р. Алдана, рядом с хоринцами отмечены дауры [Материалы..., 1970, т. 3, с. 1101]. Согласно отпискам ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова за 1641 г., в верховьях р. Витима жил даурский князец Бото-

га со своими конными людьми. «... юрты, у того князья Ботоги рубленые, и скота де ... всякого, и соболя много, и серебра... а язык... у них свой, с якутским и тунгусским языком не сходится» [История Бурятии, 2011, т. 1, с. 282]. Дауры бассейна р. Амура происходили от монгольской (шивэй-киданьской) общности. В.В. Ушницкий допускает их проникновение на территорию Якутии в раннем средневековье из районов Северного Забайкалья и Приамурья [Ушницкий, 2016, с. 15]. По некоторым преданиям, якуты до прихода русских и сами ходили к даурам через рр. Алдан и Амга. В челобитных XVII в. говорится об учащении случаев бегства якутов «на Дауры» и «в Китайскую сторону» [Токарев, 2012, с. 285].

Согласно Я.И. Линденау, род Энсиэли (намцы) также происходит от Омогоя, который принадлежал к роду Боотулу [Линденау, 1983, с. 18]. По данным генеалогической таблицы С.И. Боло, Нам являлся внуком Омогой Бая, сыном Баарагай Баатылы [Боло, 1994, с. 348, 350]. Относительно названия Намского улуса следует сказать, что топонимисты производят его от тунгусских слов *ламу* и *наму*: на эвенкийском языке *ламу* означает «море». Среди монгольских родов есть род *намиад*, *намят*, название которого монгольские исследователи также выводят от тунгусских слов *ламу* и *наму*, означающих «море» [Очир, 2016, с. 119].

В начале XX в. батулинские наслеги значились в составе Верхневиллоуского, Жиганского и Усть-Янского улусов, Батулинский род входил в Кильдемский наслег Западно-Кангаласского улуса [Токарев, 2012, с. 389]. По преданиям батулинских якутов ныне Верхневиллоуского улуса, на Виллой из Ботурусской волости, а по другим сведениям – из оспёхских земель прибыли трое якутов во главе с Урэн Бёгё. С ним в друзьях были Хара Могул и Оспёх [Боотулар, 2011, с. 44–45]. В преданиях предводителями виллоуских якутов предстают Оногосчут, который считался коренным батулинцем (як. *тёрют боотулу*), и Хахсыт Боотулу, являвшийся выходцем из кангаласских земель [Там же, с. 79]. Боотулу зафиксированы и среди якутов озера Ессей.

Якуты центральных улусов называли Байдунский род Верхоянья Катыйлинским [Долгих, 1960, с. 394]. В прошлом было три наслега Байды: 1-й Байды – ныне Боруулаах, 2-й Байды –

Адьяччы, 3-й Байды – Табалаах. Среди верхоянских якутов сохранилось выражение «Байды тыллаах» («Говорящий на языке Байды, т.е. иноязычный») [Бастаки Байдылар..., 2006, с. 27]. По всей вероятности, они были выходцами из Усть-Алданского улуса, в составе которого имелся род *Байды*. Ц.Б. Цыдендамбаев отмечал, что название бурятского рода *байтай* «перекликается с названием якутского рода Байды» [Цыдендамбаев, 1972, с. 202]. *Баяты* (*баяды*) представляют собой население одного из крупнейших монгольских аймаков, вышедшее на историческую арену в древние времена. Правитель хунну (III в. до н.э. – I в. н.э.) – шаньюй Модэ (Модун, Маодунь) в III в. до н.э. завоевал племя *баян*, жившее в местечке Баян-Уул [Очир, 2016, с. 32–33].

В 1632 г. енисейскими служилыми людьми из отряда П. Бекетова был взят ясак с «тунгусского князца с Каптогая» в Жиганском ясачном зимовье. В ясачный список 1677 г. попали и якуты, потомки которых в дальнейшем составили 1-й и 2-й Хатыгинские наслеги Жиганского улуса [Долгих, 1960, с. 453, 455]. По данным Г.В. Ксенофонтова, род *хатыгин* существовал также в Угулятском наслеге Западно-Виллойского улуса, кроме того, *хатыгины* входили в состав якутов Ессейского района [Ксенофонтов, 1992а, с. 400]. Б.О. Долгих данный этноним сопоставляет с бурятскими *хатаганами*, платившими ясак в Селенгутском присуде [Долгих, 1960, с. 315]. Этническая общность монголов *хатагин* имеет богатую и сложную историю. Как сказано в «Сокровенном сказании монголов», Алан-гоа – жена Добун-Мэргэна, потомка Борте Чино, после смерти мужа родила трех сыновей, один из которых – Бугу Хатаги – стал родоначальником рода *хатагин*. По мнению А. Очира, название это, видимо, возникло в результате соединения монгольского слова *хан / хад* с древнеалтайским словом *тегин* [Очир, 2016, с. 204, 205]. *Хатагины* примерно с X в. представляли собой один из главенствующих монгольских родов. С конца XII в. они, объединившись с другими племенами, боролись против Тэмучжина и в 1201 г. приняли участие в церемонии вступления Чжамухи в звание гур-хана. В 1204 г. *хатагины* были разбиты Чингис-ханом и часть их ушла на запад к Алтаю и дошла до Ирана [Рашид-ад-Дин, 1952, с. 203–205]. Считается,

что имеющийся ныне среди узбеков и киргизов род *катаган* – это потомки тех *хатагинов*, которые в XIII–XIV вв. пришли на эти места [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 530–533]. Оставшаяся на родине часть хатагинов откочевала на север – к нижнему течению р. Селенги и на близлежащие земли озера Байкал, где образовала один род среди селенгинских бурят; некоторые добрались и до Якутии [Очир, 2016, с. 206]. С рассматриваемым этнонимом ряд исследователей связывают название хатылинской группы якутов.

В предании, опубликованном в 1899 г. Н.С. Гороховым – уроженцем Верхоянского округа, говорится, что первые четыре якута, прибывшие с семьями на Яну, расселились следующим образом: Юсаль – по реке Дулгалах, Байду – на месте Елёрсюбют, по р. Биллях, Энгя – по р. Адыче и Хара – на месте Чогур, по р. Батынтай [Казарян, 2012, с. 79]. По замечанию Б.О. Долгих, верхоянские роды, за исключением юсальского, имели связи с центральными якутами. Так, *Байду*, по его мнению, были хатылинцами, а *эгинцы / энгинцы* считались подразделением батулинцев [Долгих, 1960, с. 394]. Батулинское происхождение *эгинцев* подтверждается наличием среди бурят этнонима *янгут* (*енгууд*, *ян гууд*), носители которого считаются либо булагатским племенем, либо пришлым. Причем это племя часто включается в родословную булагатов во втором или третьем поколении. По Б.З. Нанзатову, данный этноним также встречается в составе ордоских монголов [Нанзатов, 2005, с. 42]. Верхоянский род *хара*, возможно, имел хоринское происхождение. В одном из документов XVII в. упоминаются «коринцы во главе с Айбой» [Долгих, 1960, с. 395].

Г.В. Ксенофонтов в контексте своей теории вышерассмотренные виллойские и северные роды относит к ранним виллойчанам. Ссылаясь на предание о сыне Баарагай Баатылы по имени Кэлтэгэй Тобук, к батулинцам он также относит род *кэлтээки* виллойских тунгусов и отмечает, что данный род являлся одним из самых многочисленных среди оленёкских якутов [Ксенофонтов, 1992а, с. 400]. В 1641 г. Воин Шахов сообщил, что в Средневиллойское зимовье платят ясак некие калтакули. Позже тунгусский род «Калтанга» входил частично в Хатылинский наслег якутов-оленевонов [Долгих, 1960, с. 466]. Судя по всему, речь идет о Хатылинской

волости Намского улуса, на территории которого располагалось оз. Кобяй. В якутских преданиях племя *кэлтээки* упоминается наряду с туматами в числе аборигенного населения Якутии, которые, с приходом южных предков якутов на Среднюю Лену, перекочевали на север [Исторические предания..., 1960, ч. 1, с. 29]. Исследователи, учитывая распространение среди юкагиров имен Келтега, Килтега, Колтога, допускают, что калтагиры были в числе тех тунгусов, которые первыми переместились из Забайкалья и Приамурья в северные районы Сибири, где вступили в контакт с юкагирами [Туголуков, 1985, с. 187]. Относительно якутского этно-, антропонима можно сказать, что некоторое фонетическое сходство обнаруживает бурятское этническое название *кэнгэлдэр*. Этимология этнонима остается невыясненной, в то же время предполагается, что корень – тюркский. Как отметил Д.Д. Нимаев, *кэнгэлдэр* наряду с родами *шоно*, *абзай* является основным или коренным родом эхиритов [Нимаев, 2000, с. 151].

Ряд исследователей связывают этноним *угулэт*, бытующий у населения Вилюя и Оленька, с названием одного крупного отдела ойратов – *угэлэт-богатут*, занимавших Западную Монголию. По мнению А.И. Гоголева, эти контакты предков якутов с ойратами подтверждаются наличием общих якутско-калмыкских лексических параллелей [Гоголев, 1993, с. 58]. В то же время С.А. Токарев и Б.О. Долгих относили Угулятский род к тунгусским родам [Токарев, 2012, с. 227; Долгих, 1960, с. 472–473]. На наш взгляд, эта точка зрения представляется наиболее вероятной. То, что в этногенезе монголоязычных народов приняли самое непосредственное участие тунгусо-маньчжурские народы, подтверждается сохранением в их этнонимике тунгусских родовых имен. Например, в Монголии был известен род *хувэд*, который считается омонголившимся эвенкийским родом *куп* [Очир, 2016, с. 233]. Кюпский род тунгусов известен в Якутии еще по ясачным документам XVII в., ныне одноименный наслег входит в состав Усть-Майского района республики.

Таким образом, начало этногенеза предков саха связывается с Байкальским регионом. Предки якутов и бурят находились в тесном этнокультурном взаимодействии, начиная с хунно-сяньбийского времени, оставившего свой

след не только в их историко-культурном, но и генетическом наследстве. Это родство усиливается наличием общих предков в лице курыкан Прибайкалья VI–X вв. Одновременно в Западном Забайкалье, прилегающем к Восточной и Центральной Монголии, где формировалась культура плиточных могил, существовала хойцегорская культура, которая исследователями трактуется как уйгурская или байырку-баргутская [Коновалов, 1989, с. 17]. Однако появление телесских этнонимов в составе монголов некоторые авторы связывают с походом Джучи «в год Зайца (1207)» в Восточный Дашт-и Кыпчак, который завершился присоединением территорий современных Хакасии, Алтая и Прииртышья к монгольским владениям [Ускенбай, 2013]. По всей вероятности, в результате этого похода в этнонимии монголов и бурят стали появляться такие названия «лесных» народов, как урянхайцы, туматы, онхотой и др. В предмонгольское время в начале II тыс. н.э. под влиянием политической доминанты монголов в Прибайкалье, где прежде ведущую роль играл тюркский компонент, на ведущие позиции выходят монголоязычные группы. В верховьях р. Лены и р. Куды формируются территориальные общности *эхиритов* – *икиресов*, *булагатов* и *баргутов*, обладающие тюрко-монгольской билингвой. Совместное проживание этих племен с тюркоязычными предками якутов подтверждается сходством археологических и антропологических материалов Сэгэнутского (X–XI вв.), Тункинского и Усть-талькинского (XII–XIV вв.) могильников и якутских погребений XIV–XVII вв. [Бравина, Дьяконов, Николаев и др., 2016, с. 90–109; Бравина, Дьяконов, Петров и др., 2017]. Очевидно, в данный период отдельные группы из вышеназванных племен вместе с тюркоязычными предками якутов попадают в Ленский край. Косвенным подтверждением этому может служить отсутствие у якутов «гаплотипа Чигисхана», с высокой частотой встречающегося у народов, бывших под властью чингизидов. В то же время данный гаплотип обнаружен у эвенков Якутии, что указывает на относительно недавний мужской поток генов от монголов к эвенкам [Федорова, 2017, с. 61–62]. Распространение тунгусских этнонимов и этнотопонимов среди монголов, бурят и якутов в целом являет собой следы присутствия общего этнического суб-

страта байкальского типа. В этом контексте термин «плавильный котел» вполне применим в отношении средневекового Прибайкалья.

Литература

Авляев Г.О. К вопросу о происхождении керейтов и их участии в этногенезе средневековых ойратов Джунгарии и калмыков Поволжья // Проблемы этногенеза калмыков. – Элиста: Респ. тип. Гос. ком. КАССР, 1984. – С. 30–42.

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 175 с.

Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии. – Якутск: Бичик, 2004. – 192 с.

Бастакы Байдылар, Хаңаластар. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2006. – 229 с. – На якут. яз.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Бичик, 1994. – 352 с.

Боотулуулар. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2011. – 360 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М., Соловьева Е.Н., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 1(36). – С. 44–63.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Кузьмин Я.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Зубова А.В., Алексеева Е.А. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. // Там же. – 2016. – № 4 (35). – С. 90–109.

Гоголев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л.: Комитет Монгольской Народной Республики, 1926. – 896 с.

Гумилев Л.Н. История народа хунну. – М.: ДИ-ДИК, 1998. – 496 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.

Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. – М.: Вост. лит., 2011. – 278 с.

Зориктуев Б.Р. О происхождении и семантике этнонима булагат // Вопросы социально-экономического и культурного развития общества: историче-

ский опыт и современность. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1989. – С. 40–42.

Иванов М.С.-Багдарыын Сүлбэ. Ис исигэр киирдэххэ. – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – 242 с. – На якут. яз.

Иванов Н.М. Монголизмы в топонимии Якутии. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2001. – 204 с.

Иванов С.А. Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. – Новосибирск: Наука, 1993. – 352 с.

История Бурятии: в 3 т. – Т.1: Древность и средневековье. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 328 с.

Исторические личности Якутии: Мымах и его потомки. – Намцы: Кёмюёл, 2017. – 186 с.

Исторические предания и рассказы якутов. – Ч. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 322 с.

Казарян П.Л. Никита Семенович Горохов. Жизнь, дела, научное наследие. – Якутск: Издат. дом СВФУ, 2012. – 262 с.

Карцев П.П. К проблеме этногенеза саха (якутов) // Илин. – 2004. – № 4. – С. 59–61.

Коновалов П.Б. Корреляция средневековых культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 5–20.

Коновалов П.Б., Цыбикдоржиев Д.В. Исторический Баргуджин-Токум – исконная родина бурятского народа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – Т. 19. – С. 129–150.

Константинов И.В. Происхождение якутского народа и его культуры. – 2-е изд., испр. /Акад. наук Респ. Саха (Якутия). Институт гуманитарных исследований. – Якутск, 2003. – 92 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Т. I, кн. 1. – Якутск: Нац. кн. изд-во РС (Я), 1992а. – 415 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Т. I, кн. 2. – Якутск: Нац. кн. изд-во РС (Я), 1992б. – 317 с.

Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.) // Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Макарова К.Г. Сырдыгынан сыдыаайар Сьлангмыт. – Якутск: Компания «Дани Алмас», 2012. – 728 с. – На якут. яз.

Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора). – Т. 3. – М.: Наука, 1970. – 1268 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.

Нанзатов Б.З. Идинские буряты в XIX в.: этнический состав и расселение // Изв. Иркут. гос. ун-та.

Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – Т. 20. – С. 136–156.

Назатов Б.З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). – Иркутск: Изд-во «Радиян», 2005. – 160 с.

Нимаев Д.Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2000. – 190 с.

Ойунский П.А. О происхождении якутов // Чолбон. – 1928. – № 5. – С. 30–44.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутии. – Т. 1. – Якутск: Якутгосиздат, 1949. – 440 с.

Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – 286 с.

Павлов П.М. Сулбаччы түөлбэтигэр. – Якутск: Якутия, 2005. – 204 с. – На якут. яз.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Т. I–III. – М., 1958, 1959.

Попов Г.В. Алтан, Моорук, Тарабай нэһилиэктерин төрүттэрэ. – Якутск: Кудук, 1998. – 88 с. – На якут. яз.

Попов Г.В. Древняя Амга // Амгинский улус: История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2001. – С. 24–31.

Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 114 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – Т. I, кн. 1–2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 221 с.

Санжеев Г.Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. – С. 47–69.

Сафронов Ф.Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири (Историко-этнографический обзор и именник). – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 200 с.

Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. – 2-е изд. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 416 с. (Академия фундаментальных исследований: этнология).

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 284 с.

Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 151 с.

Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. – 288 с.

Ушницкий В.В. Средневековые кимаки и народ саха // Кадырбаевские чтения – 2012: мат-лы III Междунар. науч. конф. – Актобе, 2012. – С. 351–355.

Ушницкий В.В. Батулинская проблема в этногенезе саха и бурятов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 2 (11). – С. 41–44.

Ушницкий В.В. Этногония Батурусского улуса: родовые названия и якутские волости XVII в. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 2(15). – С. 10–17.

Федорова С.А. Происхождение якутов: молекулярно-генетические реконструкции в сравнении с гипотезами историков // Якутский медицинский журнал. – 2017. – № 3. – С. 60–64.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ: Изд-во Респ. тип., 1972. – 256 с.

Шамаева Л.Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2012. – 22 с.

Kaluzynski St. Mongolische Elemente im der jakutischen Sprache. – Warszawa: Panstwowe wydawnictwo, 1961. – 170 s.

R.I. Bravina

“Omogoy's Way”: Yakut Ethnonyms of Mongolian Origin

The article is devoted to the research of Yakut ethnonyms of Mongolian origin of hatylinsky (boturussky) and batulinsky tribal groups of Yakuts. We attempt to track etymology and semantics of the ancestral and tribal names from the point of view of traditional ethnography, imprinted mainly in historical memory of their carriers, and historical vocabulary of Yakut language on the basis of the comparative analysis with ethnonyms of Burayats and Mongols.

Keywords: ethnonyms, Yakuts, Hatylinty (Boturustsy), Batulinty, the Mongolian peoples.

УДК 821.512.157:001.891(571.56-17)

А.А. Сулейманов

Во имя сохранения родного языка: из истории академических экспедиций Е.И. Коркиной в арктические районы Якутии

В статье на основе архивных материалов, хранящихся в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН, а также научной литературы анализируется деятельность Евдокии Иннокентьевны Коркиной по исследованию якутского языка в арктических районах Якутии в 50–80-е гг. XX в. Рассмотрены инициативные проекты, в реализации которых принимала участие ученая: диалектологические экспедиции 1957–1959 гг. в Момский, Булунский и Оленекский районы; полевые работы по изучению северо-восточной диалектной зоны, проводившиеся на Колыме, Индигирке и Яне в течение 1985–1989 гг. Определены их проблематика и основные направления. Особое внимание уделено важнейшим результатам, полученным в ходе указанных изысканий. Отмечен вклад, внесенный Е.И. Коркиной в анализ региональной этнолингвистической ситуации; изучение лексических, морфологических и фонетических особенностей местных говоров якутского языка; в целом на формирование объективной картины его функционирования в арктических районах Якутии, а также в подготовку профильных квалифицированных научных кадров в стенах Института языка, литературы и истории и его правопреемниках.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, якутский язык, история науки, научные исследования, экспедиции.

Одной из интересных и при этом малоисследованных страниц в научной жизни Евдокии Иннокентьевны Коркиной является ее деятельность по изучению диалектических особенностей якутского языка в арктических районах Якутии.

Вскоре после своего поступления в аспирантуру Е.И. Коркина была привлечена к развернувшейся в те годы в стенах Института языка, литературы и истории Якутского филиала Ака-

демии наук СССР (ИЯЛИ) планомерной работе по изучению на основе специально разработанной единой анкеты диалектных особенностей развития якутского языка, включая дифференциацию его носителей по фонетическим признакам (неогубленный вариант произношения слов – «аканье» и огубленный вариант – «оканье»). Если первоначально эта деятельность была сфокусирована на проведении изысканий в центральных, западных и южных районах Якутии –

Сунтарском, Усть-Алданском, Орджоникидзевском (Хангаласском), Ленском, Олекминском и др., то начиная с 1956 г. исследования распространились и на север республики, где речь якутов имела свою специфику.

Так, в марте 1956 г. в Верхоянском районе сбором полевого материала занимались аспиранты ИЯЛИ П.С. Афанасьев и Н.В. Емельянов [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 388. Л. 1–5]. Практически одновременно исследования якутского языка в Среднеколымском районе проводили сотрудники института Н.К. Антонов и Е.Н. Аммосова [Там же. Л. 6–9].

В 1957 г. изучение говоров якутского языка было продолжено в Абыйском, Аллаиховском и Момском районах.

Именно на территории последнего района свои первые полевые исследования в Арктике провела Е.И. Коркина. С 9 марта по 27 апреля она работала в Индигирском, Тебюлехском, Догдо-Чыбагалахском и Улахан-Чистайском наслегах, совершив маршруты общей протяженностью свыше 1000 км.

В результате беседы с информантами и заполнения 30 анкет Е.И. Коркина выявила существенные лексические, морфологические и фонетические отклонения местного говора от литературного якутского языка. В частности, она записала слова, которые не встречались в последнем, относились к архаизмам или имели иное значение. Е.И. Коркина отметила лучшее владение литературным языком молодежью и устойчивость самобытного момского говора у людей старшего и среднего возрастов. Исследованный говор ею был отнесен к «акающим». Кроме того, Е.И. Коркина рассмотрела проблему влияния эвенов на язык якутского населения Момского района. Его степень она оценила как «незначительное»: были выявлены только четыре слова, прочно вошедшие в речь якутов, а также ряд географических названий и имена людей [Там же. Оп. 5. Д. 387. Л. 1–7; Оп. 6. Д. 232. Л. 1–152].

В 1958 г. Е.И. Коркина, уже поступившая на работу в ИЯЛИ, руководила исследованиями в Булунском районе. Вместе с ней в изысканиях принимали участие лаборант А.А. Билюкина, а также приглашенный для сбора полевого материала А.А. Кузьмин. В течение 12 марта – 8 мая исследователи заполнили 72 анкеты по говору и

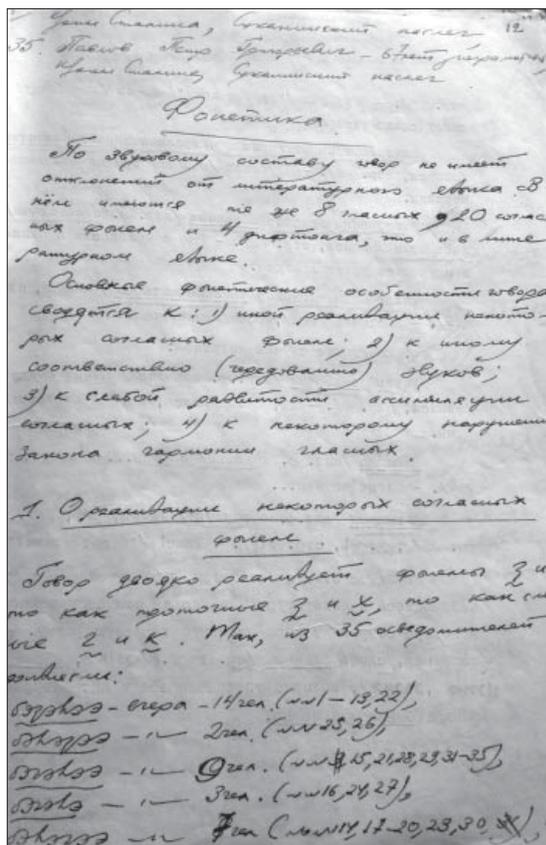
записали около 600 страниц иных лингвистических материалов [Там же. Оп. 5. Д. 495. Л. 1].

Представляется любопытной этнолингвистическая ситуация, выявленная Е.И. Коркиной в Булунском районе. 4000 чел. коренного населения, проживающего в нем, в официальных документах относились к эвенкам. Однако было установлено, что ни один из местных жителей не говорил ни на эвенкийском, ни на эвенском языках. Лишь в Хараулахском наслеге «сохранились единичные старики, которые помнят отдельные эвенские слова, но не способны в целом разговаривать на эвенском языке». При этом, как отметила ученая, «даже глубокие старцы (80–90 лет)» утверждали, что «исконным языком, на котором говорили их родители, родители их родителей, был этот же самый язык, на котором они говорят сегодня (т.е. якутский. – А.С.)». Более того, некоторые из опрошенных «диву давались», что их родной язык «является не эвенкийским, как они все время полагали, а якутским» [Там же. Оп. 6. Д. 279. Л. 1–144].

Говор населения Булунского района был отнесен Е.И. Коркиной к «окающим». Исключениями являлись жители Борогонского и Хараулахского наслегов, что ученая объяснила принадлежностью этих административно-территориальных единиц до 1930 г. к «акающему» Верхоянскому району. Сравнивая литературный якутский язык и местный говор, Е.И. Коркина отметила ряд особенностей последнего, характерных, прежде всего, для его лексического состава. В частности, исследователи выявили около 100 слов, «неизвестных» литературному языку, большинство из которых было эвенского происхождения, а часть – архаизмами. Распространение получили и русизмы – слова, заимствованные из русского языка. Также было зафиксировано употребление ряда понятий в ином значении, чем это принято в литературных нормах [Там же. Оп. 5. Д. 495. Л. 2–8; Оп. 6. Д. 279. Л. 5–140].

В 1959 г. Е.И. Коркина продолжила научное изучение говоров якутского языка в арктических районах Якутии исследованиями в Кирбейском, Оленекском, Жилиндинском и Шологонском наслегах Оленекского района (см. фото).

Собранный ученой диалектологический материал (35 специальных анкет, 200 страниц различных текстов) «показывал большую близость,

Из отчета Е.И. Коркиной по результатам
 экспедиции в Оленекский район. 1959 г.

если не общность оленекского говора с говором булунских якутов». Также, как и последний, говор якутоязычного населения Оленекского района не имел отличий от литературного якутского языка в звуковом составе, а его основные особенности сводились, главным образом, к лексике: Е.И. Коркина установила ряд специфических терминов, заимствованных из эвенкийского языка, и наличие «общеякутских архаизмов» [Там же. Оп. 6. Д. 282. Л. 2–9].

Аналогия с Булунским районом прослеживалась и в плане этнолингвистической ситуации. Так, по замечанию ученой, несмотря на то, что коренное население Оленька в официальных документах относилось к эвенкам, в реальности оно было практически на 100% якутоязычным («могут разговаривать на эвенкийском менее десяти человек и то, лица, приехавшие в последние годы из Эвенкийского национального округа»). Продолжая, таким образом, дискуссию, которая развернулась в начале 50-х гг. XX в. на страницах журнала «Советская этнография» [Гурвич, 1950; 1952; Долгих, 1950; Терлецкий,

1951 и др.] и касалась проблемы национальной принадлежности коренного населения Северо-Западной Якутии, Е.И. Коркина разделила взгляды И.С. Гурвича и Б.О. Долгих, скептически относившихся к официальным данным переписей населения в этом ареале и позиции одного из составителей этнографических карт П.Е. Терлецкого. В связи с этим исследовательница отметила, что, по мнению опрошенных ею местных жителей в Булунском и Оленекском районах, «население именует себя эвенкийским далеко не для выражения своего национального самосознания, а “скорее всего потому что так нас записали, когда составляли списки”». Вместе с этим не существовало и грани в материальной и духовной культуре, хозяйственной деятельности, обычаях и нравах, которая «позволила бы разделить эвенков и якутов», так как местное население представляло в этом отношении «единое целое» [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 282. Л. 2–9].

Как известно, в 1963 г. Е.И. Коркина была назначена директором Института языка, литературы и истории, вошедшего к тому времени в состав созданного Сибирского отделения Академии наук СССР. Очевидно, в связи с большой загруженностью на этом трудном поприще, она была вынуждена значительно сократить время, уделяемое на собственную научно-исследовательскую деятельность. В таких условиях, конечно же, было тяжело продолжать работу по сбору полевого материала в арктических районах Якутии. Вместе с тем в годы руководства институтом Евдокией Иннокентьевной его сотрудники сделали серьезный шаг вперед в плане научного познания якутского языка.

Если на протяжении 50-х и большей части 60-х гг. XX в. фактически велась работа по сбору первичных сведений, касающихся диалектных различий, то с конца 60-х гг. исследователи приступили к изысканиям, характеризовавшимся принципиально иным уровнем анализа и обобщения аккумулированного материала.

В частности, в 1969 г. языковеды ИЯЛИ приступили к составлению лингвистического атласа говоров и диалектов якутского языка. На основе проведенной, в том числе и в арктических районах, полевой работы в 1973 г. П.П. Барашков и С.А. Иванов подготовили научный отчет «Лингвистическая карта распространения ока-

ющих и акающих говоров якутского языка», на страницах которого была уточнена география диалектов [Там же. Оп. 12. Д. 154. Л. 2–9].

В 1976 г. вышел свет «Диалектологический словарь якутского языка» [1976], а в 1980 г. – «Очерк диалектологии якутов. Фонетика и морфология» [Воронкин, Алексеев, 1980].

В процессе подготовки названных и других работ была произведена классификация диалектов якутского языка. Всего ученые ИЯЛИ выделили четыре диалектные зоны: центральную, виллойскую, северо-западную и северо-восточную [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 192. Л. 3]. Две последние имеют непосредственное отношение к теме представленной работы. Так, к территории распространения северо-восточной диалектной зоны были отнесены все янские, индигирские и колымские районы Якутии, к северо-западной – Оленекский, Анабарский, Булунский, Жиганский, а также районы озера Ессей в Эвенкийском национальном округе и в Таймырском (Долгано-Ненецком автономном округе), где сотрудник ИЯЛИ М.С. Воронкин проводил полевые изыскания в 1959 и 1964 гг. [Там же. Оп. 5. Д. 441. Л. 2–9; Оп. 12. Д. 50а. Л. 1–7]. Четыре названных северо-западных района Якутии исследовались специалистами ИЯЛИ первыми среди всех четырех диалектных зон. В результате обработки полученных в ходе этих изысканий диалектологических материалов М.С. Воронкин в 1975 г. подготовил капитальный научный отчет «Северо-западная группа говоров якутского языка» [Там же. Оп. 12. Д. 192], а еще через 9 лет опубликовал одноименную монографию [Воронкин, 1984].

Изучением же северо-восточной диалектной зоны, уже после своего ухода с должности директора ИЯЛИ, занялась Е.И. Коркина. В полевых исследованиях вместе с ученой принимали участие ее более молодые коллеги по институту: будущие доктор и кандидаты наук Н.Н. Ефремов, Н.И. Попова и Р.Р. Жиркова [Коркина, 1992, с. 11].

В апреле 1985 г. изыскания проводились в Средне- и Верхнеколымском районах Якутии, а в ноябре–декабре того же года – на Нижней Колыме. В населенных пунктах Алеко-Кюэль, Аргахта, Арылах, Колымское, Ойусардах, Свагай, Походск, Среднеколымск, Хатынгнах и Черский был осуществлен подробный опрос старожи-

лов, в ходе которого предпринималась попытка выяснить существующие истории о происхождении исследуемых населенных пунктов; миграционные и этнические связи предков информантов; особенности разговорной речи и др. Одновременно исследователи заполняли специальные диалектологические вопросники якутского языка, которые позволяли определить распространенные в ареале изысканий термины родства и оленеводства, названия жилища и его частей, пищевых продуктов, предметов быта, одежды, животных, рыб, растений и др.; выявить фонетические и морфологические особенности местной речи. Всего в ходе колымских экспедиций был заполнен 31 такой вопросник [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 12. Д. 269. Л. 1–58; Д. 272–275].

В марте–апреле следующего года аналогичную работу Е.И. Коркина и Н.И. Попова провели в населенных пунктах индигирских – Аллаиховского, Абыйского, Момского и Оймяконского районов Якутии – в Чокурдахе, Оленегорске, Кебергене, Белой Горе, Буор-Сысы, Томторе и Оймяконе [Там же. Д. 281а. Л. 1–80]. Исследователи заполнили 42 вопросника, а также собрали дополнительные материалы по разговорной речи якутоязычных местных жителей [Там же. Д. 276–280. Л. 1–47].

Еще 22 вопросника были заполнены во время полевых исследований среди населения Верхоянского и Усть-Янского районов, проводившихся в 1987 г. [Там же. Д. 287; 289]. Одновременно осуществлялись и письменные записи образцов якутской речи [Там же. Д. 288. Л. 1–89; Д. 290. Л. 1–59].

В 1988 г. Е.И. Коркина работала среди носителей якутского языка, проживающих в Магаданской области [Там же. Д. 302. Л. 1–23].

Наконец, в июне 1989 г. были повторно проведены диалектологические исследования в Среднеколымском районе – в селах Алеко-Кюэль, Ойусардах, Сылгы-Ытар, Свагай, Налимск. Сохранившийся архивный материал позволяет предположить, что вопросники здесь больше не заполнялись, а изыскания ограничились беседами со старожилами и письменными записями их ключевых в исследовательском плане моментов [Там же. Д. 313. Л. 1–10].

Отчет Е.И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» за 1990 г., а так-

же опубликованная на его основе двумя годами позднее монография содержали анализ лексического состава, фонетический, морфологический и синтаксический разбор выделенных в составе зоны говоров: колымского (все три колымских района), индигирского (Абыйский и Момский районы), оймьяконского (Оймьяконский район и Магаданская область), усть-янского (Усть-Янский и Аллаиховский районы), а также саккырырского подговора верхоянского говора – относительно самого этого говора автор дала отсылку к исследованиям П.С. Афанасьева 1956 и 1959 гг. Саккырырский подговор был выделен в связи с имеющимися отличиями, которые были связаны, по мнению Е.И. Коркиной, с активными контактами якутов, проживающих на территории бывшего Саккырырского района (с 1989 г. – Эвено-Бытантайский район), и эвенов. Ученая отметила специфические черты, характерные для названных выше говоров и подговора, в частности, и для всей рассматриваемой диалектной зоны в целом. Одновременно было выявлено 471 слово, неизвестное литературному якутскому языку, из которых 174 встречались во всех говорах зоны. Названные отличия были обусловлены сохранением «многих архаических тюркских черт», а также наличием «большого количества элементов, заимствованных из той ино-язычной среды, в которой они формировались» [Там же. Д. 315. Л. 1–289; Коркина, 1992].

Таким образом, Е.И. Коркина, как исследователь и организатор науки, внесла значительный вклад в формирование объективной картины функционирования якутского языка в Заполярной Якутии. Целеустремленность и ответственное отношение к делу позволили ученой полу-

чить большой и зачастую уникальный массив данных, касающийся лексики, фонетики и морфологии, этнолингвистической ситуации в большинстве арктических районов республики, а также способствовали развитию в стенах родного для Евдокии Иннокентьевны института школы лингвистов-якутоведов высокого уровня.

Литература и источники

Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1984. – 222 с.

Воронкин М.С., Алексеев М.П. Очерк диалектологии якутов. Фонетика и морфология. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. – 244 с.

Гурвич И.С. К вопросу об этнической принадлежности населения Северо-Запада Якутской АССР // Сов. этнография. – 1950. – № 4. – С. 150–168.

Гурвич И.С. По поводу определения этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабара // Там же. – 1952. – № 2. – С. 73–85.

Диалектологический словарь якутского языка / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1976. – 390 с.

Долгих Б.О. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары // Сов. этнография. – 1950. – № 4. – С. 169–173.

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 270 с.

Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (РФ Архива ЯНЦ СО РАН). Ф. 5. Оп. 5. Д. 387, 388, 442, 495; Оп. 6. Д. 232, 279, 282; Оп. 12. Д. 50 а, 154, 192, 269–270, 272–280, 281 а, 287, 288, 290, 302, 313, 315.

Терлецкий П.Е. Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР // Сов. этнография. – 1951. – № 1. – С. 88–99.

А.А. Suleymanov

In the Name of Saving the Native Language, from the History of Academic Expeditions E.I. Korkina in the Arctic Regions of Yakutia

In the article, based on the analysis of archival materials kept in the Manuscript Fund, the Archive of the Yakut Scientific Center SB RAS and as well as the scientific literature deals with the activity of Evdokiya Innokentievna Korkina on the study of the Yakut language in the Arctic regions of Yakutia in the 50–80-ies of XX century. In this regard, the initiatives identified in the implementation of which the scientist participated: dialectological expedition in 1957–1959 in Mомsky, Bulunsky and Olenek districts; the field work for the study of North-East dialect areas carried out on the Kolyma, Indigirka and Yana during 1985–1989. Their problems and main directions are determined. Special

attention is given to the most important results obtained during the considered survey. The contribution made by E.I. Korkina in the analysis of regional ethno-linguistic situation; the study of lexical, morphological and phonetic peculiarities of the local dialects of the Yakut language, on the whole, in the formation of an objective picture of its functioning in the Arctic regions of Yakutia, and also in the preparation of specialized qualified scientific personnel in the Institute for Language, Literature and History and its successors.

Keywords: Arctic, Yakutia, the Yakut language, history of science, scientific research, expeditions.

УДК 008:81'21(571.56)

Е.Н. Романова

Этнодиалектология культуры: от научных традиций к инновационным проектам*

Статья посвящена комплексному изучению географии традиционной культуры народа саха в пространстве ее периферийного континуума. Описание культурно-языкового пространства субэтнических групп саха, где языковой материал, собранный в диалектологических экспедициях под руководством Е.И. Коркиной, рассматривается на уровне этнологии, мифологии и ритуала, позволяет расширить исследовательскую междисциплинарную стратегию в рамках актуальных направлений когнитивной лингвистики, гуманитарной географии, культурной / социальной антропологии. Изучение этнокультурного пограничья в периферийных ареалах связано в первую очередь с общими закономерностями формирования и развития этнотерриториальных и субэтнических групп в пространстве и времени. На основе специальной программы-вопросника, анкет и результатов экспедиций анализируется ареальная картина «культурных диалектов» периферийных групп якутов в области духовных реконструкций. Субэтнические группы якутов, являясь важным элементом структуры этноса, придают ему такие адаптивные характеристики, как гибкость и пластичность. Проведенный анализ показывает, что этнодиалектный текст в территориальном пространстве культурного пограничья сохраняет «генетический» код степного наследия Юга. Символические и магические функции архаичной лексики интерпретируются в разных культурных контекстах

Ключевые слова: экспедиционный проект, место памяти, культурные диалекты, мифологическая и ритуальная семантика, архаичная лексика, периферия, субэтнические группы якутов, этнодиалектный текст, брендинг территорий.

С именем Евдокии Иннокентьевны Коркиной связано развитие в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР таких научных направлений, как этнология, археология, диалектология, искусствоведение, североведение. Создание сектора этнографии народов Северо-Востока России уже в ИГиИПМНС СО РАН стало возможным благодаря плечу тех ученых, в которых когда-то Евдокия Иннокентьевна сумела рассмотреть исследователь-

ский талант и беззаветное служение науке: это Н.В. Емельянов, П.Е. Ефремов, Н.А. Алексеев, Ф.М. Зыков, И.А. Потапов, В.Х. Иванов, Р.С. Гаврильева. Лингвогеографический опыт этнодиалектологических экспедиций ИЯЛИ (1957–1988), теоретические и практические результаты экспедиционных проектов того периода еще ждут своего исследователя.

В настоящей статье развивается идея о вариативности этнической культуры в пространстве

* Статья подготовлена в рамках проекта «Республика Саха (Якутия): места памяти и многообразие идентичностей в истории и современности» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

периферийного континуума, где происходили сложные процессы взаимодействия исторических, языковых и культурных традиций. В этом контексте при разработке фундаментального направления *этнодиалектология культуры* собранный Е.И. Коркиной полевой материал, посвященный ареальной характеристике языковой картины народа саха, имеет непреходящую ценность. Тематические блоки, разработанные в экспедиционных программах и анкетах, предполагают анализ диалектных особенностей лексики и фразеологии в разных природно-культурных ландшафтах Якутии. Создание ареальной картины этнодиалектного текста якутской культуры охватывает разновременные мифологические и этнографические контексты. «Диалект (равно как и макро- и микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую, территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, культурологическую, если народную культуру не выделять из этнографических рамок» [Толстой, 1995, с. 21]. Введение в междисциплинарную среду понятия «территориальный культурный диалект» необходимо в первую очередь при реконструкции архаичного слоя духовной культуры и его лексического фонда.

В диалектологических экспедициях Института, начиная с 1953 г., активно проводится масштабное анкетирование этнокультурных провинций Вилюя, Оленька, Индигирки, Колымы, Таймыра. В основе «Анкеты по изучению говоров якутского языка», изданной под редакцией Г.А. Никифорова в 1953 г., лежит «Диалектологический вопросник якутского языка», разработанный еще в 1940 г. сотрудниками Института языка, литературы и истории П. Барашковым и И. Барашковым, который и стал первым опытом в области изучения этногеографии языка. В «Памятке собирателю» отмечается важность работы по изучению местных различий в языке «для выяснения истории якутского языка, его взаимоотношений с языками других народов, с которыми он приходил в соприкосновение в далеком прошлом» [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 259; Анкета по изучению..., 1953, с. 4]. Настоящий вопросник можно рассматривать как своего рода комплексную программу для сбора диалектологических материалов. Так, особое значение

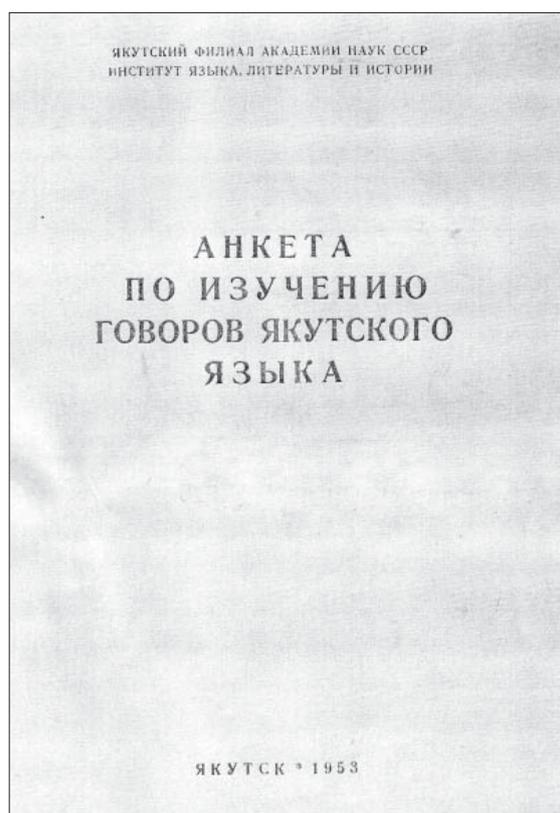

Рис. 1

при сборе материалов обращалось на следующее: «нужно записать историю данного населенного пункта, наслег, давно ли оно существует, откуда пришло сюда местное население в прошлом; изучить язык возможно большего количества людей, относящихся к разным группам местного населения, – старых и молодых, мужчин и женщин, грамотных и малограмотных, разных профессий; нужно записывать связную речь (рассказы, сказки, пословицы, поговорки и т.д.) максимально точно отражая при записи произношение слов и предложений» [Анкета по изучению..., 1953, с. 4–5]. Одним из важных критериев анкеты стал сбор языкового материала как по традиционной, так и по советской культуре. В этом контексте становится оправданным построение блоков анкеты по хронологическому принципу. Такой социокультурный подход позволил выделить процессы трансформации в традиционном образе жизни народа саха, отразившиеся в языковой картине периферийных групп якутов.

В методологическом плане исследовательский интерес представляют тематические блоки, связанные с лексикой якутского языка. Раз-

дел «Лексика» включает основополагающие категории описания и явления природного и культурного: I. Названия месяцев. II. Времена года. III. Части человеческого тела. IV. О Человеке. V. Болезнь. VI. Завтрак. Обед. Ужин. VII. Части юрты. VIII. Домашняя утварь, одежда и пища. IX. Инструменты кузнеца. X. Инструменты плотника. XI. Земля. XII. Ягоды. XIII. Домашние животные. XIV. Домашний олень. XV. Звери. XVI. Птицы и средства ловли. XVII. Рыбы и средства ловли. XVIII. Насекомые, пресмыкающиеся и др.

По существу, все «сюжеты» раздела «Лексика» соотносятся с основными фрагментами традиционной культуры: календарь, природа и человек, жилище, пища, одежда, хозяйство и промыслы, сакральные ремесла (кузнец и плотник).

В «Диалектологическом вопроснике», подготовленном П.П. Барашковым и Н.Е. Петровым в 1978 г., тематические блоки носят более структурированный характер и проецируют морфологические, фонетические и лексические характеристики территориальных диалектов якутского языка.

Анализ устойчивых элементов традиционной культуры в разных диалектных зонах предполагает изучение региональных традиций у периферийных групп якутов. Как известно, пространственные представления якутов сопряжены с концептами «Центр» и «Периферия», где этнотерриториальные группы центральных якутов (*дойду дьоно*) составляют ее центральное ядро, вилюйские и северные якуты (*бюлюю сахалара, хотулар*) – периферию. Следует подчеркнуть, что диалектная репрезентация природных и культурных объектов в языковой картине реализуется на уровне реальных и символических значений.

Функционирование архаичного слоя традиционного фонда культуры народа саха в вилюйской зоне. «Описание говора якутов Нюрбинского района ЯАССР» – диалектологический проект Л.Н. Харитоновой и Е.И. Коркиной, реализованный в 1960 г., раскрывает методологические принципы комплексных лингвогеографических исследований [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 316]. В отчете раздел «Лексика» с приложением списка местных слов был составлен и написан Е.И. Коркиной. Написание отчета было основано на солидной ис-

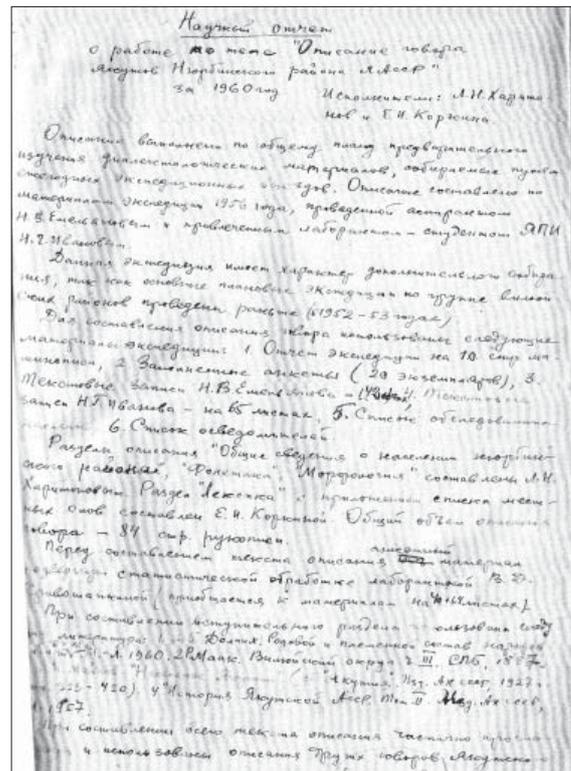

Рис. 2

точниковой базе: на исторической литературе, выписках из работ Б.О. Долгих [1960], Р.К. Маака [1886], И.И. Майнова [1927], из академического издания «История Якутской АССР» [1957]; на анкетах, ареальных (сравнительных) исследованиях с другими говорами якутского языка [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 316]. В ходе анализа была выделена архаичная обрядовая лексика: *алыастаа* 'очищать, предохранять от скверны, нечистого духа что-либо, кого-либо, размахивая перед горящим огнем' [Там же. Л. 68]. В словаре Э.К. Пекарского значение слова «алыас» относится к сакральному языку шамана и обозначает восклицание, которое шаман произносит при заклинании с целью удаления или очищения от всяческих бед с помощью огня [Пекарский, 2008, стб. 85].

Исключительный интерес представляет слово *аннахтас*, архаичное значение которого так и не было уточнено собирателями. В «Словаре диалектных слов по говору Нюрбинского района», составленном Е.И. Коркиной, слово «аннахтас» имеет значение «вступать в единоборство», «меряться силами» (о противнике) [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 316. Л. 76].

В самом отчете приводятся следующие языковые иллюстрации: *Аннахтаһар аакка кэлбит буоллаххына, табыс! Аннахтаһар буоллаххына аннах таһабын* [Там же]. Семантика слова *аннах* восходит к ритуальной лексике и связана со свадебным обрядом якутов. В Словаре Э.К. Пекарского упоминается слово «*андах*» – «наличник, покрывало, коим невестки в старину закрывали лицо» [Пекарский, 2008, стб. 107]. Исследователь традиционной одежды народа саха Р.С. Гаврильева отмечала, что в старину невеста у якутов закрывала лицо покрывалом (*аннах*), которое шили из мехов, украшали бисером и подвесками из металлов [Гаврильева, 1998, с. 20]. Такое лицевое покрытие выполняло магико-охранную функцию и являлось обязательным атрибутом свадебного комплекса одежды невесты. Самые богатые невесты шили его из шкуры соболя, среднего достатка – из рыси, беднее – из бобра, самые бедные невесты – из лоскутков кобыльей кожи. Бывали покрывала из ровдуги и, как сетки для глаз, в виде очков, сплетенных из темных волос, срезанных с кончиков ушей лисьей шкуры [Якуты..., 2012, с. 298].

В «Толковом словаре якутского языка» это слово имеет следующие значения: *амнах*: «1) покрывало для лица невесты; 2) покрывало для лица мертвеца; 3) посмертная одежда» [Толковый словарь..., 2004, с. 450]. Обращает на себя внимание пересечение пространства невесты и мира «умерших». Мотив перехода невесты из «своего» пространства в «чужое», смены её социального статуса рассматривался как символическое «умирание» и подчеркивал амбивалентный характер персонажа невесты (живой / мертвый). Переходное состояние невесты было представлено серией погребальных действий, одним из которых был обряд одевания невесты в меховую дорожную одежду и покрывания ее лица покрывалом *аннах* (уход в иномирье). Семантическое пространство свадебного обряда связывало сакральные границы мира живых и мира мертвых. Якутская свадьба как переходный обряд состояла из трех основных блоков: изоляция объекта («временная смерть»), трансформация («возрождение») и возвращение объекта в коллектив в новом статусе [Слепцов, 2017, с. 66].

По-видимому, в диалектной лексике, обслуживающей свадебную обрядность, сохранился

глагол *аннахтаһар*, включающий социальные функции якутской свадьбы – состязания между родами невесты и жениха. Иносказательные разговоры при сватовстве кодировали коммуникативно-обменные связи двух соперничающих групп. Партия жениха и невесты разыгрывали ритуальные игрища, часто носившие военнизированный характер (стрельба из лука, поединки борцов, конные скачки). Обращение к наиболее архаичным текстам обнаруживает общие черты, связывающие эти игрища с мифологией и идеологией войны. На наш взгляд, языковая формула – *Аннахтаһар буоллаххына аннах таһабын* (ср.: «око за око, зуб за зуб») – восходит к архаичной ритуальной лексике, связанной с единоборством воинов на Ысыахе. Во времена кыргыс (время битв и межродовых столкновений) если на Ысыахе встречались два якута из различных родов, то, соперничая, они состязались в стрельбе из лука, стреляя друг в друга. Во время таких состязаний одни погибали, а другие получали ранения [Романова, 1994, с. 140]. В данном случае иносказательное выражение – *Аннахтаһар аакка кэлбит буоллаххына, табыс!* (совершение определенного действия – *прийти с забралом*). «Если пришел с забралом, выходи (уходи)!» – позволяет выделить ритуально-мифологический контекст, связанный с обрядом перехода (свадебный, воинские обряды, похоронный). Возможно, в приведенных диалектных формулах с основой *аннах* в иносказательной форме речь идет и о погребальной маске, как метафоры, «побежденного в бою воина». Этот сюжет представляется тем более важным, что в диалектной лексике нюрбинских якутов было зафиксировано слово «*добуу*», означающее татуировку на коже [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 316]. В Словаре Э.К. Пекарского слово «*добуу*» производно от слова «зазубрина», «зубчик» [Пекарский, 2008, стб. 729]. Фрагментарные воспоминания о племенах с татуированными лицами сохранились в основном в вилюйской провинции. По мнению исследователей, традиция татуирования у якутов могла быть заимствована от тунгусов или быть частью культурного фонда раннего этапа этнокультурогенеза народа саха. Речь идет о древнем военном обряде, существовавшем у древних тюрков, в частности кыргызов [Ермолова, 2000, с. 117–

118; Николаев, 2014, с. 4676]. В якутском фольклоре встречаются упоминания о нанесении татуировки прошедшему обучению воину [Васильев, 1995, с. 137–138]. Ритуальное состязание «*аннахтас*» у вилюйских якутов отсылает к древнему обычаю единоборств со смертельным исходом в военной обрядности [Там же, с. 172–173]. Приведенный материал может служить основанием для реконструкции существовавшего когда-то у якутов специального обряда захоронения воина с погребальной маской, возможно, разукрашенной (ср. *аннах* 'посмертная одежда'). Как известно, в формировании южного компонента в культуругенезе якутов активную роль сыграли древние тюрки. В этом контексте обычай погребальной маски с нанесенными татуировками, относящийся к наследию таштыкской культуры (II в. до н. э. – V в. н. э.), мог быть творчески «переработан» на периферии тюркского мира и сохранен в ритуальной лексике вилюйской группы якутов.

Другая группа архаичной лексики у нюрбинских якутов связана с особым «дорожным» языком, где отдельные собственные обозначения слов в пути строго запрещалось использовать. Это слова-эвфемизмы: *киргил* – 'топор' («ястреб»), *хоруо* – 'горячая пища' («черный уголек»), *кырыылаах* – 'нож' («с лезвием», «с острием»), *кытарар* – 'огонь' («краснеющий», «красный»), *кыһыл* – 'кровь' («красный»), *кытаанах* – 'дрова' («твердый»), *далаһа* – 'подводы, упряжной скот («мостки»)'. Важно подчеркнуть, что многие «дорожные» слова, используемые нюрбинскими якутами, коррелируют с материалами Ричарда Маака, записанными им на Вилюе в конце XIX в. «... во время пути они не употребляют в разговоре даже названий некоторых предметов, заменяя такие названия другими, собственно *дорожными*. Так, например, топор в дороге называют не собственным именем (*сүгэ*), но *киргил*, что означает черный дятел, лошадь называют *таласа*, что значит мост, вместо обыкновенного названия ножа (*быһах*) употребляется слово *кырыылаах* (острие с острием)... и т.д. Такой обычай соблюдается очень строго и если молодой якут попросит в дороге у опытного якута топора или чего-нибудь другого и назовет вещь собственным именем, то последний всегда заметит, что они теперь не дома и должны беречь не

только необходимые в дороге вещи, но и самые названия их, не употребляя без нужды» [Маак, 1886, с. 112].

Приведенный материал показывает, что вилюйская архаичная зона как особый культурный ландшафт сохранила устойчивые фрагменты традиционной картины мира, где диалектные языковые явления сопряжены с системой этнографических знаков.

Степная Арктика: место памяти и язык.

Материалы северной зоны Якутии представляют уникальный этнодиалектный текст, манифестирующий яркие черты степного номуадизма. Освоение арктического ландшафта степными кочевниками-скотоводами включало экологический опыт предков, систему представлений и кодов культурной памяти. Впечатляет, что скотоводы Булуна обнаруживают подробную и тонкую осведомленность в разнообразии мастей конного скота, отразившуюся в языке.

В диалектологической экспедиции в Булунский район (1958 г.) Е.И. Коркиной был собран богатый материал по обозначению мастей лошади. Для выражения белизны масти в говоре употреблялись следующие слова: *Чыскыл маҕан*, *Кылыа маҕан*, *Кырса маҕан*, *Туус маҕан*, *Хаар маҕан*, *Куба маҕан*, *Кылба кэрэ* [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 279. Л. 101]. Особый интерес вызывает архаичная лексема *кылба кэрэ*. Так, гнездо значений слова «кэрэ» имеет широкий семантический спектр: «1. о масти конской; белый, серый, светло-желтый; 2. белая конная скотина; 3. пригожий, красивый; кэрэ – весь народ от мала до велика» [Пекарский, 2008, стб. 1040]. Итак, выделяется устойчивая смысловая доминанта: конная масть – белый – красивый – народ, сопряженная с мифологическим образом белой лошади – первопредком народа саха.

Согласно традиционным представлениям, божество-покровитель коневодства *Грозный Дьөһөгөй Айыы*, именуемый в олонхо Күн Дьөһөгөй тойон («Солнечный господин Дьөһөгөй»), дарует людям ретивых коней и отважных мужчин. Данный эпитет указывает на тесную связь покровителя коневодства с культом солнца. В эпической традиции якутов «кони посылаются из верхнего мира, с небесной стороны, страны солнца». Якуты сравнивали лучи солнца с хвостом белой кобылицы.

В этом плане сохранившееся у северных коневодов обозначение белой масти *кылба кэрэ*, как «блестяще-белый», обусловлено ее этнокультурным контекстом. Культ белой лошади, восходящий к ранним этапам формирования культуры народа саха, является одной из важных «фигур воспоминаний» степного нomaдизма. Адаптация к новому ландшафту предполагала ментальное освоение пространства путем вербальной сакрализации – «наречения» доминантных символов пространства: *Ат Хайа* (Лошадь-Гора), *Ат Өрүс* (Лошадь-Река), *Ат Көлүйэ* (Лошадь-Озеро), *Ат Үрэх* (Лошадь-Ручей), *Ат Балабан* (Лошадь-Дом). Ритуальные действия по закреплению «своего» ландшафта, маркерами которого выступали части лошади, оформлялись в карту топонимов с мифоритуальным контекстом: *Ат Баһа* (Голова Лошади), в северных районах – *Ат Мэйиитэ*, где слово *мэйи*, кроме значения «голова», указывает на зооантропоморфную природу почитаемого животного. Топонимический след архаических ритуалов прослеживается в названиях местностей: *Сизл ыйаабыт* (обряд развешивания конской гривы на дерево), *Сизл тарпыт* (обряд привязывания жеребят к волосяной конской нити), *Ыһыах ыспыт* (обряд приношения кумыса небесным божествам и духам природы), *Ат аранҕаһа* (обряд захоронения лошади на воздушном помосте) [Романова, Игнатьева, Дьяконов, 2016, с. 14].

В одном семантическом ряду и глубокое различие конских мастей на Севере: 1. Серая масть – *сур*; 2. Светло-гнедая масть – *сиэх*; 3. Рыжая масть – *кугас*, *арабас*; 4. Каряя масть – *турабас*; 5. Пеганая масть – *элэмэс*; 6. Белая масть – *мабан*, *кэрэ*; 7. Черная масть – *хара*; 8. Темно-серая масть – *борон*; 9. Пепельного цвета – *улан*; 10. Буланая масть – *дьабыллаах*; 11. Сивожелезная масть – *көбөччөр*; 12. Чалая масть – *буурул*; 13. С большим клинообразным белым пятном, проходящим по морде сверху вниз, беломордая – *ураанньыктаах*, с маленьким пятном на лбу – *туһахталаах*; 14. С белыми ногами – *чуккулаах*; 15. С белым пятном над носом – *мэлдьэннээх*; 16. Ярко-рыжая масть называется *кыҕыл*; 17. Бело(светло)глазая лошадь называется *чанкыр*, *чакырыас* [РФ Архива ЯНЦ СО РАН. Оп. 6. Д. 279. Л. 101]. Реми-нисценции древних представлений степных кочевников об определении конных соединений

по цветовой масти сохраняются в современной лексике северных коневодов.

Как известно, масть коней у хуннов выступала определителем воинских соединений: так, «...конница у гуннов на западной стороне имела белых, на восточной – серых, на северной – вороных, на южной – рыжих лошадей...» [Потапов, 1977, с. 167].

Безусловно, языковые свидетельства, собранные на периферии мира «конных всадников», отсылают к «генетическим» истокам якутской культуры. Так, изолированные от внешних заимствований полярные якуты, как самые северные скотоводы, сумели сохранить «степной» код культуры в языковом диалектном континууме.

Изучение ментального пространства и этнокультурного ландшафта в контексте диалектных вариаций, в основе которого лежат научные традиции диалектологической школы Евдокии Иннокентьевны Коркиной, сегодня представляют геокультурные исследования сектора этнографии народов Северо-Востока России.

Следует отметить, что такие современные исследования призваны решить не только фундаментальные проблемы междисциплинарного гуманитарного знания – они выступают и важным прикладным ресурсом в развитии региона. Исследования по геокультуре северных регионов (образ территорий), интерпретирующие локальные геокультурные пространства, включают когнитивный анализ их этнодиалектных характеристик. Этнодиалектология культуры является одним из основных компонентов геокультурного брендинга как инновационного ресурса развития территории. Разработка культурных брендов и образов территорий в рамках гуманитарной географии сохраняет историко-культурное наследие, раскрывает многообразие моделей этнокультурного пространства Севера и Арктики, формирует ценности региональной идентичности.

Литература и источники

Анкета по изучению говоров якутского языка / под ред. Г.А. Никифорова. – Якутск, 1953.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.

Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. – Новосибирск: Наука, 1998. – 141 с.

- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- Ермолова Н.В. Татуировка в культурной традиции эвенков (к проблеме этногенеза) // Культурное наследие народов Сибири и Севера: матер-лы Четвертых Сибирских чтений, 12–14 окт. 1998 г., Санкт-Петербург. – СПб., 2000. – С. 113–118.
- История Якутской АССР. – Т. II. – М., 1957.
- Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области. – Ч. III. – СПб.: изд. «Типография и хромофотография А. Траншеля», 1886. – 115 с.
- Майнов И.И. Население Якутии // Якутия / под ред. П.В. Виттенбурга: сб. ст. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – С. 323–420.
- Николаев Н.А. Происхождение татуировки у позднесредневековых племен Якутии // В мире научных открытий. – 2014. – № 11.12 (59). – С. 4669–4681.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Т. 1. – СПб.: Наука, 2008. – 1280 с.
- Потанов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л., 1977. – С. 164–178.
- Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах: Истоки и представления. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издат. фирма, 1994. – 160 с.
- Романова Е.Н., Игнатъева В.Б., Дьяконов В.М. Степная сага коневодов Арктики: от древности до недавних событий // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 9–19.
- РФ Архива ЯНЦ СО РАН Ф. 5. Оп. 6. Д. 259; Д. 279; Д. 316.
- Слепцов П.А. Научные труды. Публикации / сост. Н.К. Данилова. – Якутск: Издат. дом СВФУ, 2017. – 332 с.
- Толковый словарь якутского языка / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с. (Буква А).
- Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
- Якуты (Саха) / Сер.: Народы и культуры. – М.: Наука, 2012. – 599 с.

E.N. Romanova

Ethnodialectology of Culture: from Scientific Traditions to Innovative Projects

The article is devoted to the comprehensive study of the geography of the traditional culture of the Sakha people in the space of its peripheral continuum. Description of the cultural-linguistic space of the sub-ethnic groups of Sakha, where the language material collected in the dialectological expeditions under the leadership of E.I. Korkina, is considered at the level of Ethnology, mythology and ritual allows to expand interdisciplinary research strategy in the contemporary areas of cognitive linguistics, humanitarian geography, cultural/social anthropology. The study of ethno-cultural borderlands in the peripheral areas is primarily linked with the general patterns of formation and development of ethno-territorial and sub-ethnic groups in space and time. On the basis of special application program, questionnaire and results of the expeditions is analyzed the areal picture of the “cultural dialects” of peripheral groups of the Yakuts in the field of spiritual reconstruction. Sub-ethnic groups of the Yakuts, are an important element of the structure of the ethnos, give it such adaptive characteristics such as flexibility and ductility. The analysis shows that ethnodialect text in the territorial space of cultural borderland saves the “genetic” code of the steppe heritage of the South. The symbolic and magical function of archaic vocabulary is interpreted in different cultural contexts

Keywords: the expedition project, cultural dialects, mythological and ritual semantics, archaic vocabulary, peripherals, sub-ethnic groups of Yakutia, ethno dialect text.

Н.И. Иванова

Дистрибуция языков в лингвистическом ландшафте г. Якутска: социолингвистический аспект

Сбалансированное функционирование визуальной информации в полиэтническом сообществе, будучи частью общего этнолингвоинформационного пространства, является инструментом для сохранения стабильности ситуации на основе толерантного отношения и объектом языкового планирования. В контексте данных осмыслений интересно было проанализировать реальную дистрибуцию языков в лингвистическом ландшафте города, в т.ч. с точки зрения соблюдения в их оформлении закона о языках республики и норм литературного языка, на материале текстов городской эпиграфики. Представлена оценка экспертного сообщества проблем в данной сфере и сформированы рекомендации по ее корректированию.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, визуальная информация, двуязычие, якутский язык, русский язык, литературные нормы.

Изучение языка города – урбанолингвистика – направление языкознания, возникшее вследствие взаимодействия социальной и региональной лингвистики с целью исследования городского лингвистического пространства. В качестве социолингвистического объекта рассматриваются его различные аспекты в диахронии и синхронии, проводится анализ его структуры, выделяются основные признаки коммуникативного средства – языка современного города.

Динамичное развитие и междисциплинарный характер социолингвистической науки, интегрированная природа ее терминов, зависимость задач социолингвистики от различных экстралингвистических обстоятельств, представляют собой разнообразный выбор эмпирического поля. В данной работе автор счел целесообразным ввести в оборот письменный материал городского лингвистического пространства – визуальную информацию, окружающую жителей г. Якутска. Следовательно, используется новый термин, обозначающий метод и подход, – *лингвистический ландшафт*. Он отражает «использование письменного языка в городской сфере» [Gorter, 2006, р. 2], или представленность разных языков в общественных пространствах многоязычных городов или регионов мира, понимаемую как соотношение языков, на которых оформляются вывески, надписи на общественных зданиях, уличная реклама,

дорожные знаки, указатели, таблички и т.д. П. Бэкхаус обозначил лингвистический ландшафт, как один из способов описания повседневного существования языка, состоящий из письменных знаков в публичном пространстве [Backhaus, 2007, р. 154].

В условиях полиэтничности функционирование языков в визуальной информации, являясь частью общего этнолингвоинформационного пространства, отражает уровень языковой лояльности населения и государственной поддержки развития и сохранения языков, выступает инструментом для поддержания стабильности языковой ситуации. Лингвистический ландшафт можно определить как «присутствие языков в общественных местах». В пределах данной статьи нам важно провести его социолингвистический анализ с точки зрения соблюдения в их оформлении закона о языках республики и норм литературного якутского языка, а также установить функциональную дистрибуцию языков на небольшом массиве употребления языковых средств, используемых в официальных названиях улиц, вариантах наружной рекламы, эргонимах и в любых других, заметных горожанину местах.

Эмпирическую базу исследования составляют: итоги социолингвистического опроса «Социолингвистический портрет носителя якутского языка в контексте лингвистического ланд-

шафта г. Якутска», проведенного в 2014 г. с охватом 467 респондентов – этнических якутов; материалы 23 экспертных интервью на тему «Использование современного якутского языка в г. Якутске», в которых приняли участие ученые, преподаватели вузов, школ, журналисты и т.д.; а также фотографии и тексты городской эпиграфики (60 наименований).

Лингвистический облик города по итогам опроса 2014 г. вызывает немалые нарекания у жителей, однако они признают, что он становится лучше (19,8%); из предложенных вариантов ответов большинство отметили недостаточность номинаций на якутском языке (24,9%). Оформление текстов вывесок регулируется статьями 34 и 35 Закона «О языках в Республике Саха (Якутия). Статья 34 гласит: «Тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на саха и русском языках, а при необходимости также на местных официальных языках» (в ред. Закона Республики Саха (Якутия) от 17.06.2015 1479-3 N 515-V) [<http://docs.cntd.ru>].

В статье 35 в редакции от 01.10.2014 1346-3 N 245-V читаем: «Тексты вывесок с наименованиями органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций оформляются на государственных языках Республики Саха (Якутия), а в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера – и на местных официальных языках. Тексты вывесок, объявлений, рекламы и иных информационных средств, содержащих информацию в наглядной форме, оформляются на государственных языках Республики Саха (Якутия) и на местных официальных языках. Оформление текстов вывесок, указанных в настоящей статье, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и государственным стандартом» [<http://base.garant.ru>].

Так, фотоматериалы 60 номинаций-эргонимов (в их написании сохранено оригинальное оформление), собранных в основном в Октябрьском и Центральном округах города, дают представление о языках-компонентах лингвистического ландшафта в г. Якутске:

– преобладающая часть эргонимической системы оформлена на русском языке, в ней задействованы номинации как славянского, так и неславянского происхождения (Детское питание, Твой малыш, Айсберг Торговый центр, Викуша, Мир спорта, Антошка, Социальная аптека, Метрология, Мясной, Салон обуви Классика*, Техноград, Ванильное небо, Посуда-маркет, АЗБУКА, КАРНИЗЫ, ЗООТОВАРЫ, Книжный маркет, БАХУС алкогольный маркет, Империя, ШТОРЫ & КАРНИЗЫ, Товары для здоровья, Универсам В десятку, СТРОЙ ЭКОНОМ, Презентуй, Искушение, Электромир, Торговый центр, Алмаз Алкогольный маркет, Товары для детей Одуванчик, Хобби центр, СТРОЙ МАРКЕТ, ОСАГО – здесь!, Стерх Центр продаж Страхование на все случаи жизни!, Два сердца, На Горке, Сибирский деликатес, Скиф колбасы, БУЛЬВАР, Спектр, КОРОНА, Мир пряжи и шитья, Мир спорта, Автоломбард «Золотой», Респект, Бистро, Итальянская пицца, Бытовая химия хозтовары посуда автоаксессуары сувениры, Джинсовый рай, Русская механика, Буран центр и т.д.);

– на втором месте названия на якутском языке (если считать эргонимами как якутизмы, так и сложные слова, образованные путем соединения целых слов, одно из которых является заимствованием из якутского языка, аббревиатур): НТК–Саха, Сахамедстрах, СахаАгроПродукт, Астык мини-маркет, Чороон XXI век, Туйаара Куо Сувениры и подарки, Манньыаттаах, Сэрбэкэ, Мясной двор МПЦ СХПК «Түмэн», Камелёк (встречается также Көмүлүөк), Алмазэргиэнбанк, Олонхо, Киэргэ Ювелирный салон, Книжный магазин Бичик, Свадебный салон Сүктэр Кыыс, Күндү, Чолбон плавательный бассейн, Спортивный комплекс Модун, СААРБА, Сахапроект, СахаАгроПродукт, Муус Хайа, СОЛНЕЧНАЯ ТУЙМААДА, Эгэлгэ, Сахабулт, Хаарчаана, Долгунча и т.д.;

– спорадично якутские названия дублируются калькой на английском языке, например: УР-ГЭЛ URGEL;

– также иногда используются регионализмы: Якутск ресторан, ЯКУТСКЭНЕРГО, Торговая компания Дзу Лена, Чороон XXI век и др.;

– встречаются различные варианты названий с оформлением на английском языке, а также с

* В названиях сохранены орфография, пунктуация и стиль написания.

Рис. 1. Вывеска над входом в Счетную палату РС (Я)

использованием транслитерации из кириллицы в латиницу, из латиницы в кириллицу: MOTOR, ECCO, MANGO, REGGIO, ITALICA, PALLADIUM, Магазин колготок Charmante, Галерея GOобуви, Naomi, Tornado, Korea Moda, WESTLAND, GLOSS Пуховики, Tescoma посуда из Чехии, Товары от IKEA, GREKOFF, Литтл Фут, Shizgara, Camelot, Garderob Пижонки, FOOTSTEP обувной магазин, Balcan, BRAVO, K+S Обувь из Европы, Made in German TOPSTAR; SALAMANDER, JANITA и др.;

– появились названия на языках стран СНГ: Санам (в пер. с перс. «красавица»), Умед (с тадж. – «надежда»), Озода (с тадж. – «чистая»), Арарат (библейская (масоретская) огласовка названия государства Урарту, а также мужское армянское имя), Азэт Универсам (Азэт – возможно, с адыгейского), Айгуль (тюркско-перс. происхождение – «прекрасная, как цветок»);

– на языке др. субъектов РФ: Баян гол, Наран, кафе Ага, Буузы (бур.);

– практически не используются слова из языков коренных малочисленных народов Севера РС (Я): мы нашли единственную номинацию – Туюн.

Таким образом, на состав лингвистического ландшафта значительно влияет языковая ситуация – конкурентное сосуществование якутского и русского языков, активное вторжение английских (латинских) букв, чему способствовало и проведение в республике международных детских спортивных игр «Дети Азии». Новшеством последних лет стало появление указателей на

трех языках в центре города, например: Музей мамонта, Сэлии түмэлэ, Mammoth Museum.

В эргонимии присутствуют и имеют тенденцию к расширению номинации представителей других языковых сообществ субъектов РФ и среднеазиатских республик, чья доля в структуре населения растет.

Анализ материалов визуальной информации в нормативном аспекте выявляет несоблюдение статей 34, 35 Закона «О языках РС (Я)» [<http://docs.cntd.ru>]. В целом, вывески официальных учреждений республиканского ведения оформляются на двух языках, но не соблюдается стандарт выполнения, т.е. сорасположение якутского и русского текстов, размер шрифтов (рис. 1). Регламентировано расположение якутского текста слева или сверху, русского текста – справа или снизу.

Недавние новшества в виде названий автобусных остановок оформлены на обоих языках лишь в административном центре города, но, например, таблички на улицах Кулаковского, Октябрьской отсутствуют. В зале заседаний Госсобрания (Ил Тумэн) РС (Я) панельный стенд также оформлен на одном языке.

Вследствие языкового нигилизма либо по незнанию законов о языках в г. Якутске установилась вариативная практика. В учреждениях федерального ведения в основном практикуется русский язык, видимо, согласно ст. 11. ФЗ «О языках народов РФ»: «Язык работы федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. 1. Работа в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления осуществляется на государственном языке Российской Федерации. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации могут употребляться государственные языки республик» [<http://base.garant.ru>]. Однако п. 2. ст. 16, регламентирующий использование языков в официальном делопроизводстве ФЗ, гласит: «2. Тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприя-

Рис. 2. Вывеска на входе в ресторан «Квартира на проспекте» (по проспекту Ленина)

Рис. 3. Вывеска на здании ТЦ «ОЛОНХО» по ул. П. Алексеева

тий и учреждений оформляются на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик и иных языках народов Российской Федерации, определяемых законодательством республик» [Там же]. Следовательно, на территориях республик РФ все вывески, независимо от статуса и принадлежности, должны оформляться на двух государственных языках, поскольку они предназначены для информации людей в двуязычном сообществе, а не для презентации отношений центр – периферия или статуса федеральный центр – регион.

В студгородке СВФУ им. М.К. Аммосова как внешнее оформление на фасадах зданий общежитий, так и внутреннее (таблички на кабинетах) – на русском языке. Исключение составляют лишь две вывески, установленные на кафедрах якутского языка и лаборатории экспериментальной филологии в ИЯКН СВ РФ, и две вывески с якутскими номинациями в исконном варианте – на здании плавательного бассейна «Долгун» и комбината питания «Сэргэлээх». В федеральном вузе с 10-тысячным контингентом студентов, которые в будущем пополнят класс якутской интеллигенции и станут проводить в жизнь демократические преобразования, направленные, в том числе, на стабильность и консолидацию общества, софункционирование языков в визуальной информации формировало бы лишь позитивную установку на двуязычие. Вывески на входе общежития представлены также на русском языке. К сравнению: вывески на зданиях общежи-

тий Бурятского госуниверситета оформлены на обоих (русском и бурятском) языках, что нами было зафиксировано в 2013 г.

Следующая проблема состоит в нарушении норм литературного языка, как русского (например, «пер. Энэргетиков» (пер. Энергетиков), «ул. Каландарашвили») (ул. Каландаришвили), так и якутского. Например, ошибки в написании дней недели на якутском языке: сиридэ вместо сэрэдэ, бэтинисэ вместо бээтинсэ (рис. 2). Параллельно с днями недели время работы заведения написано на русском языке, т.е. текст на вывеске оформлен смешанно: название заведения на русском – «Квартира на проспекте», приглашение – на якутском – ҮӨРЭ КҮҮТЭБИТ, дни работы заведения – на якутском и время работы – на русском языках, что, безусловно, нежелательно, тем более на одной панели.

Однако сам факт включения якутского компонента отражает стремление пополнить им лингвистический ландшафт. На вывеске магазина «Уйгулана» по ул. Орджоникидзе отмечен пропуск сдвоенной гласной *aa*. Законом строго не регламентируется исконное написание якутских номинаций, однако еще с советских времен существует практика именно исконного написания якутских номинаций, как-то: Туйаара, Туймаада, Ньургуйаана. Следовательно, в этом случае целесообразнее было бы написать: Уйгулаана, т.е. с соблюдением норм литературного якутского языка. В написании торгового центра ОЛОНХО якутская буква Н заменена буквой H, ошибка в данное время очень распространенная (рис. 3).

В последних двух случаях номинации оформлены в русской графике с соблюдением норм русского языка, и данная тенденция является примером того, как общество влияет на язык, оформляя исконно якутские слова в русском варианте, и, наоборот, как язык может воздействовать на общество, – под влиянием русифицированных вариантов, все более распространяющихся как в письме, так и в речи, из обихода молодежи стали исчезать якутские буквы и звуки.

Таким образом, в визуальной информации закон «О языках в РС (Я)» соблюдается не в полной мере, отмечаются нарушения норм литературного якутского языка. Значимость данной сферы в этноязыковой ситуации города отмечает один из экспертов: *«Мне кажется, что тот рубеж, который помог бы “вернуться” к истокам и возродить язык, уже пройден. Однако важным шагом на пути к болезненному исцелению якутского языка может быть путь визуализации. Человек 70–80% информации воспринимает визуально (внешняя реклама, оформление, вывески, объявления, названия улиц, организаций и т.п.). Если визуально якутского языка нет – значит и языка, по всей вероятности, не существует».*

Эксперты на вопрос «Каковы Ваши предложения по дальнейшему развитию двуязычной информации в транспорте, аэропорту?» получили следующие ответы о развитии двуязычия, совершенствовании культуры речи, о грамотном переводе в данной сфере: *«Комитет по реализации закона “О языках РС (Я)” обязан контролировать дублирование всех надписей на двух государственных языках, включая все сферы. Также комитет должен проводить экспертизу правильности перевода и применения названия с учетом традиционных понятий русского и якутского общества»; «Создатели визуальной и аудиоинформации должны обладать хотя бы элементарными познаниями в области русского и якутского языков или иметь смелость (и средства) получить консультацию у специалистов. В объявлениях, я думаю, якутский аудиотекст должен предшествовать русскому (кто не понял, тот слушает дальше текст по-русски), а в нынешней ситуации, например, при объявлении автобусных остановок якутский текст воспринимается как избыточный, так как все владеют русским языком»; «Над качеством пере-*

вода следует поработать крепко»; «Все правильно, а также надо всецело поддерживать и направлять работу в сфере интернета, социальных сетях»; «Необходимо доработать объявление остановок, привлекая экспертов по якутскому языку»; «Требовать исполнения закона о языках – двуязычные вывески, названия учреждений, улиц, афиш мероприятий», «Тенденцию развивать дальше. Например, в сфере наружной рекламы и т.д.», «Например, в общественном транспорте ввели двуязычное оповещение, это хорошо. Но перевод на якутском языке оставляет желать лучшего. И голос диктора на якутском языке неприятен на слух, что в свою очередь играет негативную роль в восприятии новшества»; «В учреждениях, обслуживающих население (банки, почты, поликлиники, больницы), приветствовать общение с клиентами на родном языке»; «Во всех учреждениях, предприятиях население должно получать информацию на двух государственных языках, а если понадобится и на официальных языках», «Всеми мерами улучшать качество перевода, больше внимания обращать на языковой узус, правила устной разговорной речи. Чрезмерное увлечение грамматическими нормами приводит к отчуждению от родного языка и к смешным казусам, унижающим чувство национального достоинства носителей языка», «Думаю, языковой облик города во многом зависит от деловой жизни города, поэтому двуязычие в облике – прямое следствие двуязычия в документообороте и официальных мероприятиях (в первую очередь публичных). Повышение требований к соблюдению закона о языках. Возможно, стоило бы изменить систему штрафов (чтобы взимала не административная комиссия, а какой-то другой орган, и чтобы штрафы шли целевым образом – на улучшение ситуации по двуязычию); «Городское коммуникативное пространство до сих пор не всегда имеет двуязычный характер. До сих пор имеются только русская или русско-английская информация. Нужно строго соблюдать “Закон о языках в РС (Я)”» и т.д.

Таким образом, языковое разнообразие в лингвистическом ландшафте расширяется. Соблюдение закона о языках в части двуязычного оформления визуальной информации в городском пространстве, как и соблюдение норм якутского и русского языков становятся акту-

альной задачей на сегодняшний день, поскольку, будучи компонентом языковой ситуации в городе, непосредственно влияют на развитие или деградацию языка.

Литература

Backhaus P. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo / P. Backhaus //

Multilingual Matters. – New York; Ontario; Clevelon, 2007. – 158 p.

Gorter D. Introduction. The Study of Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism // International Journal of Multilingualism. – 2006. – Vol. 3. – P. 1–6.

<http://base.garant.ru> (дата обращения: 20.06.2017).

[http:// \[docs.cntd.ru\]](http://docs.cntd.ru) (дата обращения: 20.06.2017).

N.I. Ivanova

Distribution of Languages in the Linguistic Landscape of Yakutsk: Sociolinguistic Aspect

Balanced functioning of the visual information in a multi-ethnic community, being a part of the common ethno-linguistic information space is a tool to preserve the stability of the situation on the basis of tolerant relations and the object of language planning. In the context of this study, it was interesting to analyze the real distribution of languages in the linguistic landscape of the city, including from the point of view of compliance in their design of the law on languages of the Republic and of the norms of the literary language based on the texts of the urban epigraphy. The expert community assesses the problems in this area and makes recommendations for its correction.

Keywords: linguistic landscape, visual information, bilingualism, the Yakut language, the Russian language, literary standards.

УДК 94-055.2(=1.571.56-81)

А.Г. Томаска, Е.К. Алексеева

Пространственная эмансипация женщин коренных малочисленных народов Севера: история и современность

Статья посвящена рассмотрению процесса пространственной эмансипации женщин коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в исторической ретроспективе. Анализируется воздействие экономических, политических, институциональных факторов на состояние территорий традиционного проживания коренных народов Севера, формирующих пространственную мобильность. Отмечается влияние ресурсных ограничений на характер мобильности современных северных женщин в промежуточных условиях перехода из одного пространства в другое. Рассматривается роль самоидентификации в формировании пространственной эмансипации женщин коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: женская пространственная эмансипация, северные женщины, пространственная мобильность, женское пространство культуры, гендерный сдвиг, ресурсы мобильности, миграция, возвратная миграция, социально-пространственный контекст.

Женские исследования в современной культурной антропологии, социологии, в области историко-этнологических и культурологических знаний занимают одно из научных направ-

лений. Этнографические женские исследования получили свое развитие с начала 60-х гг. прошлого века и были в известной степени инициированы дискуссиями женщин-историков. Со-

© А.Г. Томаска, Е.К. Алексеева, 2017

временные женские и гендерные исследования тесным образом взаимосвязаны с женской повседневностью ввиду сближения понятий «повседневность» и «жизненное пространство женщины», что нашло особое отражение в новейших работах женщин-этнографов (Н.Л. Пушкаревой, Е.Р. Ярской-Смирновой, Е.В. Фадеевой, Д.А. Николаевой и др.), в которых центральное место занимает изучение «женской повседневности»: жизненного опыта, эмоций женщин разных народов и культур, а также роли женщины в системе жизнеобеспечения социума.

Специфика места и роли женщины коренных малочисленных народов Севера во всех сферах жизнедеятельности – от традиционной до современности, женское пространство и его сакральный аспект, пространственная эмансипация женщин-северянок относятся к числу наименее изученных компонентов этнических культур аборигенных этносов Якутии, хотя существует ряд исследований отдельных аспектов и тем, связанных с женщинами (семья, брак, одежда, украшения и т.д.). Между тем сегодняшние реалии ставят перед научным сообществом новые подходы и задачи в изучении женской проблематики, что связано с изменением положения мужчин и женщин в обществе и семье, семейных и социальных статусов женщин в связи с экономическими и социально-культурными преобразованиями, происходившими в течение XX в.

XXI век внёс значительные коррективы в российское общество: продолжающаяся трансформация ценностной системы и ценностных ориентаций привела к мощнейшим переменам в повседневной жизни северных сообществ, в том числе в разделении и распределении гендерных ролей. Гендерная составляющая проблемы – своеобразие стратегий выживания в условиях радикальных социально-экономических преобразований, жизненных стратегий; образы мужчин и женщин в современном обществе; их статус и роль; социальные взаимодействия мужчин и женщин в различных отраслях жизнедеятельности; реальная жизненная модель поведения женщин и др. – сегодня приобретает наибольшую актуальность и дает новые перспективы в научных исследованиях. В социокультурном аспекте актуальной остается и проблема пространственной женской эмансипации, независимой пространственной мобильно-

сти северных женщин с исторической точки зрения и с позиций гендерного анализа. Обозначенная научная проблема рассматривается через призму концепта «пространственной эмансипации». При этом данное понятие предлагается понимать как расширение социально-пространственного контекста жизнедеятельности женщин как гендерной группы для достижения пространственной свободы в традиционном и современном обществе.

Сохраняющиеся в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока этносоциумы и традиционные культуры, сформировавшиеся в экстремальных природных условиях, продолжают вести жизнедеятельность в самых периферийных окраинах. Так, коренные малочисленные народы в Республике Саха (Якутия) занимают в основном северные и арктические районы, отличающиеся суровыми климатическими условиями. Испокон веков они вели кочевой и полукочевой образ жизни, совершая перекочевки в поисках оленьих пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий. Для этих народов тайга и тундра были естественной средой обитания, повседневной реальностью, пространством, где протекало практически все их существование. В этих условиях, как показывает история, северная женщина, подвергшаяся в XXI в. серьезным трансформациям, играла важную социальную роль в традиционном обществе, прежде всего, как хранительница «Очага-Семьи-Социума».

Исследование и анализ различных сторон семейного быта коренных малочисленных этносов (формы и структуры семьи, семейно-брачных отношений) позволяют реконструировать картину жизни северной женщины, её правового статуса в традиционном обществе, где ядром ценностной системы женщин всех сословий и статусов являются семья, дети, домашнее хозяйство.

В традиционной жизни северных сообществ распределение ролей было предельно ясным – мужчина являлся кормильцем, добытчиком и, прежде всего, отцом семейства, женщине отводилась роль матери и домохозяйки. Бытовые сферы женщин и мужчин, т.е. полорольевые установки в традиционном разделении труда были четко разграничены, что обуславливалось разным пространством их деятельности (дом / тайга). Мужчины были ориентированы на до-

Рис 1. Из этнографической коллекции В.И. Иохельсона (Архив МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

бычу продуктов питания и сохранение поголовья оленей для обеспечения семейного благополучия. Глава семьи, отправляясь на промысел, оставлял всю заботу о хозяйстве и детях женщине (рис. 1). Помимо ухода за детьми и приготовления пищи, она выделывала шкуры, шила одежду, заготавливала дрова и дикоросы, обрабатывала бересту и изготавливала из неё посуду. На ней лежали обязанности по уходу за оленями. Во время перекочевок она, собрав весь домашний скарб, разбирала чум, навьючивала это на оленей и вела караван в указанное мужем место, где, установив чум с помощью детей-подростков, ментально и физически готовила пространство для дальнейшей жизнедеятельности семьи.

Многие женщины и девушки славились как удачливые охотники. Некогда Я.И. Линденау писал о тунгусских женщинах: «Женщины ходят на охоту со своими мужьями, так как последние не могут обойтись на охоте без жены, которая им во всём помогает» [Из глубины веков... , 2009, с. 37]. Наряду с этим исследователи не раз отмечали независимый характер северной женщины, её высокое чувство ответственности [История и культура..., 2010, с. 111]. Таким образом, для женщины, прежде всего, была характерна большая доля моральной и физической нагрузки, что обуславливалось необходимостью совмещения хозяйственной и семейной функций. Здесь мы видим тесную взаимосвязь между женской и мужской ролями в семье, которые взаимодополняют друг друга, в самом прямом смысле слова

Рис. 2. Из этнографической коллекции В.И. Иохельсона (Архив МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

женщины не могли существовать в тайге / тундре без мужчин, а мужчины – без женщин. Это яркий пример комплиментарного распределения ролей, без которого невозможно было выжить семье, кочевавшей по бескрайним просторам северных широт в экстремальных природно-климатических условиях.

Положение женщины в семье у народов Севера было регламентировано вековыми традициями и зависело от ее семейной роли — дочери, жены, матери. Девочек с малых лет начинали готовить к роли хозяйки и хранительницы домашнего очага – они во всём помогали матери в хозяйстве. До замужества они полностью подчинялись родителям, которые по собственному желанию выдавали их замуж, определяя размер калыма (рис. 2).

Патриархальные традиции, господствовавшие у северных народов в XIX – начале XX в., регулировали весь уклад жизни, быт семьи и взаимоотношения её членов. Несмотря на огромную роль в хозяйстве, женщина в домашнем быту должна была всячески подчеркивать своими поступками, что муж в семье – глава и хозяин. Выдержанность в эмоциях и поведении, немногословие, осознание собственного достоинства – та краткая характеристика этнопсихологического типа северных женщин, от которых зависели культура взаимоотношения полов, поведенческий этикет и ориентация в окружающем пространстве. Поэтому женщина большое значение придавала привитию детям этических и поведенческих норм – уважение к пожилым,

уважение к отцу, как к главе семьи, и к матери, как к хранительнице очага. Климат этикетных взаимоотношений в семье во многом зависел от мудрости женщины, которая играла важную роль в установлении коммуникации между её членами (взаимопонимание, доверительные отношения).

Взаимоотношения между супругами обычно были дружественными и заботливыми. Женщина принимала активное участие в обсуждении всех семейных дел, муж всегда советовался с женой. Как отмечает С.И. Николаев: «Во многих вопросах, касающихся житейских проблем, муж и жена действовали всегда сообща. Например, ни мать, ни отец никогда не решали единолично такие дела, как женитьба сына и выход замуж дочери» [Николаев, 1964, с. 139].

Необходимо отметить, что положение женщин-северянок (например, у эвенков и эвенов) отличалось достаточной свободой по сравнению с женщинами других народов. Вместе с тем в течение всей своей жизни она была окружена массой разного рода запретов – *табу*, например, жене, тем более беременной, запрещалось перешагивать через охотничьи принадлежности мужа, через топор, веревку и т.д. Эти запреты были в основном обусловлены религиозными воззрениями.

Анализ истории дореволюционного общества с классовых позиций, предпринимаемый советскими историками, обрисовывал образ женщины-северянки как безграмотной и бесправной. Между тем анализ традиционного семейного быта народов Севера показывает, что при кажущемся «приниженном» положении женщины она занимала особое «местоположение» в семье. Мужчина, занимающийся большее время года охотничьим и рыболовным промыслом, в основном отсутствовал дома, и все это время, несмотря на патриархальный уклад, фактически «господствовала» женщина. Большим почетом и уважением пользовалась старшая по возрасту женщина – мать главы семьи. Традиционное уважение к старшему поколению поднимало статус матери, за ней признавали мудрость и жизненный опыт, она доминировала в семейной обрядности и обрядах жизненного цикла, ее слово в матримониальных делах детей часто было решающим. Ее несогласие с мнением мужа, если только оно

было разумным и обоснованным, могло иногда определить конечный итог обсуждения [Фадеева, 2013, с. 70]

Хотя старшие женщины обладали ненавязчивой, внешне незаметной властью в семье, высоким авторитетом в обществе, они были лишены каких-либо имущественных привилегий: их собственностью являлись только личные вещи, в случае развода они не получали доли общесемейного имущества. Неравноправие женщин проявлялось как в области экономических, так и юридических отношений – в ограничении в правах наследования (за женщиной в случае смерти мужа или развода оставалось только её приданое); также в случае развода по инициативе женщины с её родичей взыскивался весь уплаченный за неё калым, что было невыгодно для несостоятельных родителей.

Как показывает гендерный анализ положения северных женщин в традиционном обществе, основными способами достижения ими пространственной эмансипации являлись географическая мобильность и пространственная коммуникация, что особенно ярко проявляется у кочевых народов – эвенов и эвенков. Руководство перекочевкой с места на место, выполнение мужских обязанностей и решение некоторых семейных вопросов во время отсутствия мужчин определяется нами как процесс становления их независимой пространственной мобильности, хотя это входило в обязанности жены кочевника. Тем самым «пространственная эмансипация» северных женщин в той или иной мере повлияла на их участие в пространстве кочевого общества.

Изменения, произошедшие за годы советской власти, затронули все стороны жизнедеятельности народов Севера, в том числе и семейно-брачные отношения, хотя в силу ряда причин (природно-географического и исторического характера) семьи коренных народов характеризовались сохранением и устойчивостью бытовых традиций. С первых дней советского строительства особое внимание обращалось на архаичность семейно-брачных отношений у этих народов, на изживание пережитков прошлого (вступление в брак в раннем возрасте и без согласия на то девушек, уплата калыма и др.). Созданные на местах органы советской власти призывали к перестройке семейных отношений,

проведению в жизнь новых законов о браке и семье, к активному участию женщин в общественной жизни и труде.

В начале 20-х гг. прошлого столетия были предприняты попытки уравнять женщин с мужчинами и в социальном отношении. В родовых

Рис. 3. Эвенки-общественницы с детьми в п. Себян-Кюель. 1958 г.

и туземных советах с женщинами проводились беседы, их вовлекали в различные кружки и женсоветы [Фадеева, 2013, с. 73].

С 30-х гг. XX в. началась эпоха коллективизации, приведшая к дальнейшим изменениям традиционного уклада жизни (рис. 3). Важными факторами освобождения или отхода женщин от старых традиций стали переход от бытового кочевания к производственному, появление поселков с школами-интернатами, медицинскими учреждениями, детскими садами и яслями. Постепенно оленеводческие хозяйства полностью превратились из семей в производственные коллективы. Традиционные брачные отношения к середине 1950-х гг., практически повсеместно были забыты, тем самым верховенство мужчины в семье сменилось равенством между полами [История и культура..., 2010, с. 114].

Женщины северных народов всё чаще стали принимать активное участие в общественной жизни. Это, скорее всего, объясняется тем, что у оленеводов и промысловиков они характеризуются большей мобильностью и адаптивностью в новых условиях в силу кочевого образа жизни. Кроме того, женщины в традиционном обществе и семье не являлись пассивными членами, а активно участвовали в социальной и произ-

водственной жизни, что в свою очередь не могло не повлиять на их быструю социализацию в советском обществе.

Женщины в советское время были «главной пружиной, через которую» [Слезкин, 2017, с. 61] произошли многие изменения в северном обществе и на территориях исконного проживания малочисленных народов Севера. Политические и экономические изменения современности также оказывают серьезное воздействие на территории традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера в арктических и субарктических районах РС (Я). Развитие добывающей промышленности, деградация окружающей среды, меняющийся климат, чрезвычайные ситуации в связи с природными стихиями способствуют росту вынужденной пространственной мобильности коренного населения Якутии.

Наводнения, сопровождающиеся огромным ущербом, нанесенным объектам жизнеобеспечения отдаленных и труднодоступных населенных пунктов республики, потерями крупного рогатого скота, лошадей, оленей, сенокосных, охотничьих, рыболовных угодий; деградация территорий традиционного природопользования; выход грязевых масс, сели; оттайка грунта, аварии – обвалы и прорыв воды в шахтах, ухудшают социально-экономическую ситуацию на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера. Кроме того усиливается дефицит рабочих мест: в 2000–2015 гг. среднегодовая численность работников организаций сократилась на 22,1% (см. рис. 4). За указанный период только в четырех из 20 районов проживания малочисленных народов Севера наблюдался незначительный рост среднегодовой численности работников организаций: в Эвено-Бытантайском – на 13,5%, в Анабарском – 12,2%, Оймяконском – 8,6% и Оленекском районах – на 5,6%. Вместе с тем, относительно 2010 г., к 2015 г. этот показатель был довольно высок в Оймяконском районе – на 24,1%, некоторый рост отмечался в Оленекском районе – на 4,2%, Томпонском – 2,8% и Мирнинском – на 1,6%.

Во всех остальных районах проживания коренных малочисленных народов Севера в 2000–2015 гг. фиксировалось значительное сокращение численности работников организаций, осо-

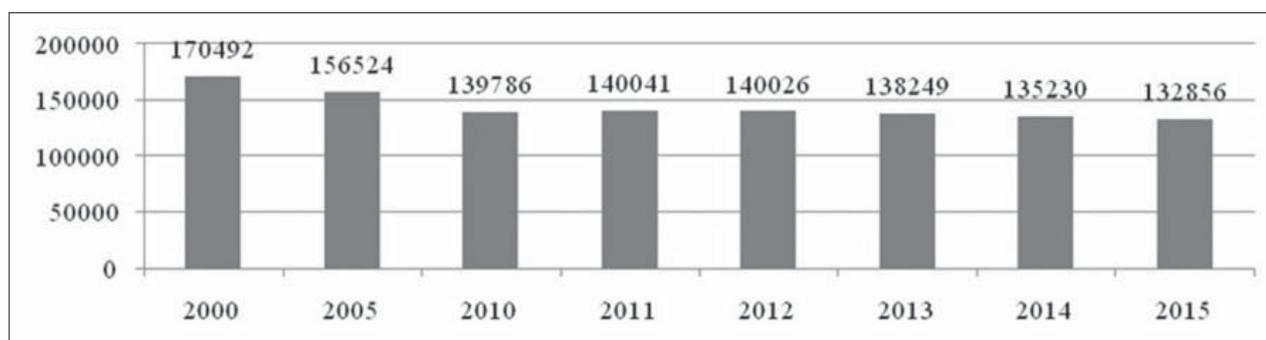

Рис. 4. Среднегодовая численность работников организаций в районах проживания малочисленных народов Севера (с учетом субъектов малого предпринимательства – юридических лиц), чел. (см.: [Труд и занятость в РС (Я), 2016, с. 98])

бенно в Усть-Янском районе – на 48,6%, Нижнеколымском – на 47,2%, где почти в половину уменьшилось число работников организаций и субъектов малого предпринимательства; в Верхнеколымском оно сократилось на 44,8%. В сравнении с 2010 г. самые большие потери в численности работников организаций наблюдались в Усть-Янском – 21,8%, в Жиганском – 19,9%, Момском – 19,1% и Анабарском – 17,2% районах.

В районах проживания малочисленных народов Севера, по данным государственной статистики, с 2000 г. численность увольняемых работников превышала численность принятых (см. рис. 5). Так, наибольшее сокращение числа принятых на работу с 2000 по 2015 г. произошло в Кобяйском районе – на 49,1%, а также в Аллаховском – на 40,9% и Среднеколымском – на 35,1% районах.

В числе принятых на работу в рассматриваемый период лидирует Оленекский район, где в сравнении с 2010 г., в 2015 г. трудоустроилось на работу на 270,9% больше. По всей вероятно-

сти, такой рост связан с деятельностью предприятий алмазодобывающей промышленности в местностях Хаара Мас, Талахта, на Верхне-Мунском коренном месторождении алмазов. В Анабарском районе в рассматриваемый период было принято на работу на 74,5% больше лиц, в Оймяконском – на 52,7%, в Булунском – на 46,1%, что связано с наличием на той или иной стадии развития объектов добывающей промышленности (ООО «Алмазы Анабара», АК АЛРОСА, АО «Нижне-Ленское»).

Влияние добывающей промышленности на структуру занятости и доходов видно и из того, что районы, где функционирует добывающая промышленность (Оленекский, Булунский, Оймяконский, Мирнинский и Анабарский), характеризуются более высокой среднемесячной номинальной начисленной заработной платой работников организаций, чем в целом по республике (в 2015 г. – 54630,9 руб.). Самая низкая среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций среди них в Эвено-Бытантайском (36002,2 руб.), Ко-

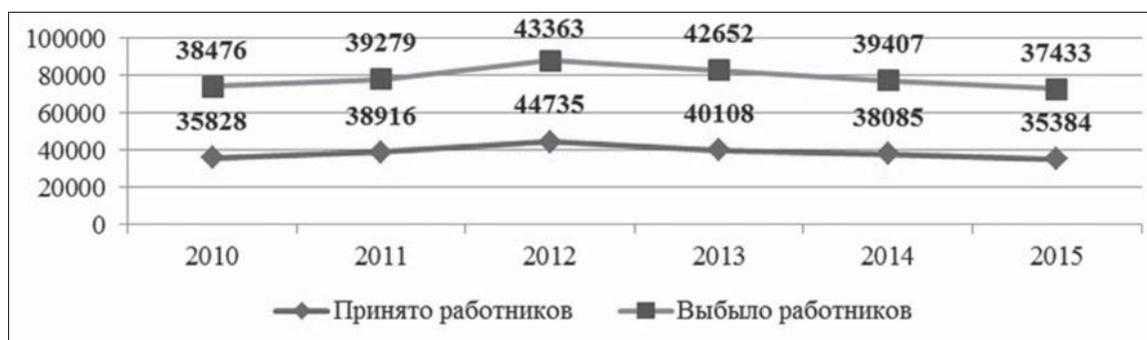

Рис. 5. Прием и выбытие работников по районам проживания малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), чел. (см.: [Труд и занятость в РС (Я), 2016, с. 136–137])

бьяйском (38285,2 руб.) и Момском (38783,7 руб.) районах.

Необходимо отметить, что коренные малочисленные народы испытывают прессинг промышленной экспансии. При этом региональные власти не всегда могут гарантировать беспрепятственный доступ к территориям традиционной хозяйственной деятельности. Традиционные отрасли северного хозяйства интенсивно оттесняются с исконных земель прорубленными просеками; озерами и реками, испорченными сточными водами промышленных предприятий. В интервью часто отмечают, насколько изменились пространство и ландшафт даже около населенных пунктов: «Мы, когда пошли тушить пожар, шли только непрерывным рядом, иначе из-за прорубленных просек сразу теряем полностью ориентацию на родной земле, где, будучи маленькими детьми, бегали без страха заблудиться», «по ягоды, когда идем, собираемся только большой группой – боимся заблудиться около села». В результате возникновения пространственных диспропорций ограничиваются ресурсные возможности традиционной хозяйственной деятельности народов Севера.

В связи с этим необходимо отметить резкую градиацию уровня зарплат в зависимости от вида экономической деятельности. В 2015 г., по данным ТО ФС Государственной статистики по РС(Я), занятым на добыче полезных ископаемых начислялось в среднем 94609,9 руб., что на 83,6% больше начисленной заработной платы занятых в рыболовстве, рыбоводстве. В сельском хозяйстве работники получают зарплату на 78,0% меньше. Самый ближайший к максимуму уровень зарплаты – у финансистов и составлял почти две трети – 66097,1 руб. в 2015 г. Уровень безработицы при этом вырос в рассматриваемых улусах с 2000 г. в 1,8 раза: максимум в Эвено-Бытантайском улусе – в 7,5 раза, в Кобьяйском – в 3,7 раза, в Момском – в 3,4 раза.

Специалисты в настоящее время отмечают, что миграционная, пространственная мобильность непосредственно зависит от уровня социально-экономического развития региона: депрессивные регионы должны с относительно большей силой «выталкивать» население по сравнению с развитыми регионами, население которых менее подвижно [Зайончковская, 2008, с. 98]. Пространственная мобильность в этом

контексте может стать одним из важнейших вопросов эмансипации не только женской части северного населения, но и в целом коренных малочисленных народов Севера как социальной группы.

Вопрос пространственной эмансипации превращается в вопрос пространственной свободы, когда затрагиваются проблемы распределения и доступности социально-экономических благ. В социологии эмансипация определяется как освобождение от зависимости, угнетения, предрассудков; как отмена ограничений, получение самостоятельности и равноправия индивидом, социальной группой. Современным исследованиям вопросов эмансипации женщин малочисленных народов Севера посвящены работы И.Л. Набок, С.Е. Сэрпиво, В.В. Доржеевой, Л.И. Винокуровой, С.И. Бояковой, В.А. Кудашкина, Л.А. Шевченко, Ю.Л. Слезкина, Е.А. Крутовой, Л.А. Шевченко и др.

Аналитический концепт «пространственная эмансипация» предложен А.В. Толстоковой, при этом данное понятие предлагается понимать как расширение социально-пространственного контекста жизнедеятельности женщин [2012а, с. 52]. С этой точки зрения доступность пространственной эмансипации для северных женщин из традиционной среды выглядит проблематичной. Интеграция женщин коренных малочисленных народов Севера в другие пространства может быть ограничена рядом факторов: труднодоступностью и отдаленностью территорий их традиционного проживания, что усложняет транспортное сообщение (дороговизна транспортных тарифов, сезонные ограничения), недостаточной материальной базой и низкими доходами, детерминированными ограниченным рынком труда, сложностями самоидентификации и т.п.

Если рассматривать статистические данные о миграции по районам проживания малочисленных народов Севера, то среди них преобладает внутрисубъектная миграция преимущественно из села в город. Несмотря на некоторый рост в структуре миграции коренных малочисленных народов Севера миграции мужского населения [Этносоциальная адаптация..., 2012, с. 56], среди мигрантов коренных малочисленных народов Севера преобладает численность женщин.

Женщины преимущественно мигрируют вынужденно в поисках рабочего места, с целью получить профессиональное образование, улучшить материальное положение, уровень и качество жизни для себя и семьи. Среди них много матерей-одиночек и разведенных. Этническим и гендерным аспектам миграции, вопросам миграции малочисленных народов Севера посвящены работы Т.Н. Успенской, В.Б. Игнатьевой, А.Л. Рочевой, О.А. Сулеймановой, С.А. Сукневой, Л.И. Винокуровой, В.В. Филипповой, К.В. Аверкиевой, Е.В. Антонова, П.Л. Кириллова и др.

Имеется довольно широкое разнообразие примеров пространственной эмансипации женщин-северянок. Но у более выраженных примеров идентификаций, дающих женщинам Севера возможность свободнее действовать в условиях риска и городской жизни, как правило, всегда есть дополнительные ресурсы для поддержания мобильности в промежуточных условиях, например, в виде родственных связей по месту переезда. А в данном случае отсутствие каких-либо дополнительных ресурсов в виде родственников, готовых оказать какое-то содействие; финансов; недвижимости и др. являлось необходимой переменной для анализа, иными словами любые внешние ресурсы, кроме ресурсов самого мигранта или его собственной семьи, являлись не детерминирующими факторами изучаемого явления.

Таким образом, как показали интервью, в настоящее время имеет место быть возвратная миграция, свидетельствующая о сложностях в расширении социально-пространственного контекста северных женщин. Так, в интервью молодая женщина (23 года, чукча, Нижнеколымский улус, не замужем) рассказывала, что самые большие затруднения во время учебы с целью получения профессионального образования в городском поселении были вызваны вопросами: на какие средства питаться – стипендии не хватало; где жить в летнее время, так как средств уехать к родителям на каникулы у нее не было. Получив диплом, она, имея желание расширять пространственную мобильность, вынужденно искала работу у себя на родине или в аналогичном сельском поселении, чтобы хоть как-то решить вопросы жизненного обустройства.

Другая респондентка (50 лет, эвенка, Среднеколымский улус, разведена) приехала в столицу

республики с целью найти работу. К переезду она готовилась два года: откладывала деньги с маленькой зарплаты учителя малокомплектной школы, шила олени унты, чтобы их продавать и таким образом найти средства для первых лет жизни в городе. Имея высшее педагогическое образование, она устраивалась лишь на малооплачиваемые работы: трудилась уборщицей, администратором в частной гостинице, администратором в частном пансионате за комнату. Прожив три года, она приняла решение вернуться на родину.

Здесь интересно сравнить с другой женщиной (эвенкийка, 64 года, Усть-Майский район, вдова), пространственная мобильность которой не была столь ограничена и начиналась в советский период. Она по окончании школы поступила в Свердловский юридический институт. Никаких особых жизненных затруднений не помнит. Радовалась, что хлеб в студенческой столовой всегда был бесплатным. По окончании института по распределению уехала работать в другой район, где ей была предоставлена служебная квартира. Там создала семью, отработала успешно до пенсии. После смерти мужа, продав собственное жилье, обменяла его на квартиру в Якутске. Затруднения испытывает в настоящее время. Живет с сыном-студентом на пенсию. Очень сильно экономят, сын подрабатывает, когда есть возможность.

Таким образом, пространственная эмансипация женщин малочисленных народов Севера, их риски и возможности ограничиваются социально-экономическими факторами. Переходный момент из одного пространства в другое становится непреодолимым рубежом, поскольку обе стороны пространства, новое и старое и даже более старое, не обладают необходимыми ресурсами и факторами для достижения в процессе этого пространственной эмансипации. «Так как человек – существо, соединяющее и разъединяющее, существо, не способное соединить, не разъединяя, мы должны сначала представить себе обычное индифферентное существование двух берегов в их разделенности, чтобы затем соединить их мостом» [Зиммель, 2013, с. 149].

Мишель де Серто в своем труде «Изобретение повседневности», посвященном обыденной жизни человека, создавая концепцию повседневности, приводит в пример ситуацию, когда

мужчина-алжирец, живущий во Франции, вводит присущие его родине способы «обитания» в систему, которую ему навязывает конструкция социального жилья и общения на новом месте. «Он накладывает одно на другое и за счет этой комбинации создает себе пространство игры, находя в нем способы использования принудительного порядка места или языка. Не покидая пространства, где ему приходится жить и которое диктует ему свои законы, он учреждает внутри него определенную множественность и создательность. Благодаря искусству “находиться между”, он извлекает из этого непредвиденные результаты» [Серто, 2013, с. 101].

Повседневная жизнь мигрантов-северян на новом месте не обладает убедительным, достаточно крепким и стабильным содержанием самоидентификации, позволяющим создать «пространство игры». Пространственная мобильность в настоящее время не формирует новые прочные социальные связи, социальные преобразования и взаимодействия, не расширяет их идентичности, усложняет процессы социального воспроизводства, в некоторых случаях принимает формы социальной дискриминации.

Литература

Алешковский И.А. Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика. – М.: ТЕИС, 2007.

Винокурова Д.М. Территориальная мобильность жителей Республики Саха (Якутия): семейные связи и миграционные намерения // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 1. – С. 82–87.

Винокурова Л.И. Аборигенки Якутии: новое в социальном портрете // Этнопсихологические проблемы в современном мире. – Благовещенск: Благовещенский ГПУ. – 2009. – С. 34–47.

Винокурова Л.И., Попова А.Г., Боякова С.И., Мьяриканова Э.Т. Женщина Севера: поиск новой социальной идентичности. – Новосибирск: Новосиб. отд-е изд-ва «Наука», 2004. – 206 с.

Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Миграционные процессы Якутии: этносоциальные аспекты // Север Азии в этнокультурных исследованиях. – Новосибирск: Новосиб. отд-е изд-ва «Наука», 2008. – С. 205–216.

Винокурова Л.И., Филиппова В.В. Адаптация мигрантов в постсоветской Якутии // Адаптация народов

и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям: сб. ст. / отв. ред. В.А. Тишков, А.П. Деревянко, А.Б. Куделин. – М.: Изд-во «Политическая энциклопедия», 2010. – С. 305–308.

Доржеева В.В. Женщины северной цивилизации: монография. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2009. – 261 с.

Дювель Ф. Пространственная мобильность // Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М.: Центр миграционных исследований, 2007. – С. 71–95.

Зайончковская Ж.А. Миграция и урбанизация, которые изменили Россию // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: тез. докл. – М.: Демоскоп, 2002. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html (дата обращения: 20.04.2016).

Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 4. – С. 98.

Зиммель Георг. Мост и дверь // Социология власти. Сообщества и город / пер. с англ. В. Вахштайна. – 2013. – № 3. – С. 149.

Игнатьева В.Б. Экосистема арктического побережья Республики Саха (Якутия): плотность населения и скорость миграции // Знание – на службу нуждам Севера. – Якутск: Северовед, 1996. – С. 131–132.

Из глубины веков... Путешественники, исследователи об эвенках: хрестоматия / сост. Е.Ф. Афанасьева. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2009. – 176 с.

История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – СПб.: Наука, 2010. – 334 с.

Крутова Е.А., Шевченко Л.А. Женщины коренных малочисленных народов в эпоху индустриального освоения регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Труды Братского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – №1. – С. 42–44.

Кудашкин В.А., Шевченко Л.А. Вовлечение женщин из среды коренных малочисленных народов Севера в хозяйственную деятельность во второй половине XX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – № 4. – С. 116–120.

Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. – М.: Новый хронограф, 2016. – 504 с.

Мишель де Серто. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мов-

ниной. – Вып. 5. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, – 2013. – С. 101.

Набок И.Л., Сэрпиво С.Е. Трансформация женского пространства традиционной культуры ненцев к началу XXI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 1. – С. 110–117.

Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1964. – 202 с.

Рочева А.Л. Миграция как эмансипация? Гендерное измерение миграции в Россию // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 8. – С. 105–107.

Слезкин Ю.Л. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. – 2-е изд. / авторизов. пер. с англ. О. Леонтьевой; предисл. П. Верта; – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 512 с.

Сукнева С.А. Миграционные процессы в Республике Саха (Якутия) // Пространственная экономика. – 2002. – № 1. – С. 62–77.

Сулейманова О.А. «Новые горожане» Кольского Севера: вещевое поведение переселенцев из сельской местности // Тр. КНИЦ. – 2013. – № 6. – С. 35–49.

Толстокорова А.В. Дело в шляпе: роль пространственной эмансипации в гендерной демократизации телесно-физического имиджа украинской городской женщины (конец XIX – начало XX века) // Лабиринт. – 2012а. – № 4. – С. 52.

Толстокорова А.В. Пространственная эмансипация украинских женщин как способ освоения публичного пространства // Культура и искусство. – 2012б. – № 5. – С. 46–67.

Толстокорова А.В. Роль пространственной эмансипации в формировании гендерной идентичности

украинских образованных женщин (конец XIX – начало XX вв.) // Человек и культура. – 2013. – №1. – С. 92–146.

Толстокорова А.В. Дама в дилижансе: женская географическая мобильность и пространственная эмансипация в художественной литературе эпохи модерна // Культура и текст. – 2016. – № 4. – С. 133–160.

Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): стат. сб. – Якутск, 2016.

Успенская Т.Н. Миграционная биография занятого населения Ханты-Мансийского автономного округа // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 113–116.

Успенская Т.Н. Миграционное поведение населения Ханты-Мансийского автономного округа. – М.: ЦСП, 2006. – 208 с.

Фадеева Е.В. Статус и роль женщины в обществе и семье коренных народов Нижнего Амура: традиции и современность // Женщина в российском обществе. – 2013. – № 4. – С. 65–76.

Филиппова В.В., Винокурова Л.И. Социальный портрет мигрантов в постсоветской Якутии // V Диковские чтения. – Магадан: ООО Кордис, 2008. – С. 168–170.

Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С.М. Баишева, Р.И. Донской, Т.Н. Константинова, П.В. Сосин, П.З. Тобуков, А.Г. Томаска. – Новосибирск: Новосибир. отделение издательства «Наука», 2012. – С. 56.

Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 102–109.

A.G. Tomaska, E.K. Alekseeva

The Spatial Emancipation of Women of Indigenous Peoples of the North: History and Modernity

The article is devoted to the process of spatial emancipation of women of indigenous people of the North in the Republic of Sakha (Yakutia) in both historical and in contemporary contexts. Analysis of the role of economic, political, institutional factors shaping spatial mobility on the condition of territories of traditional residence of indigenous peoples of the North is carried out. The influence of resource constraints on the mobility of modern northern women are noted in the intermediate conditions of the transition from one space to another. The role of self-identification in the formation of spatial emancipation of indigenous women of the North is considered.

Keywords: women spatial emancipation, northern women, spatial mobility, women's cultural space, gender shift, mobility resources, migration, return migration, socio-spatial context.

В.Б. Игнатьева

Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества

В статье обсуждаются проблемы миграции международной рабочей силы на примере Республики Саха (Якутия). Рассматриваются позитивные и негативные оценки по вопросам оказания помощи мигрантам в поисках работы, обучении русскому языку, предоставлении юридических, медицинских и других услуг с целью быстрой интеграции в принимающее общество. Автор отмечает, что институционально и ментально оформленные общественные страхи представляют серьезное препятствие для формирования новой миграционной политики, современных подходов в управлении массовыми перемещениями, временными или постоянными диаспорами. Подчеркивается, что новейшие миграционные процессы и связанные с ними реальные и латентные экономические, социальные и этнокультурные напряжения, противоречия и/или конфликты в обществе требуют системного решения.

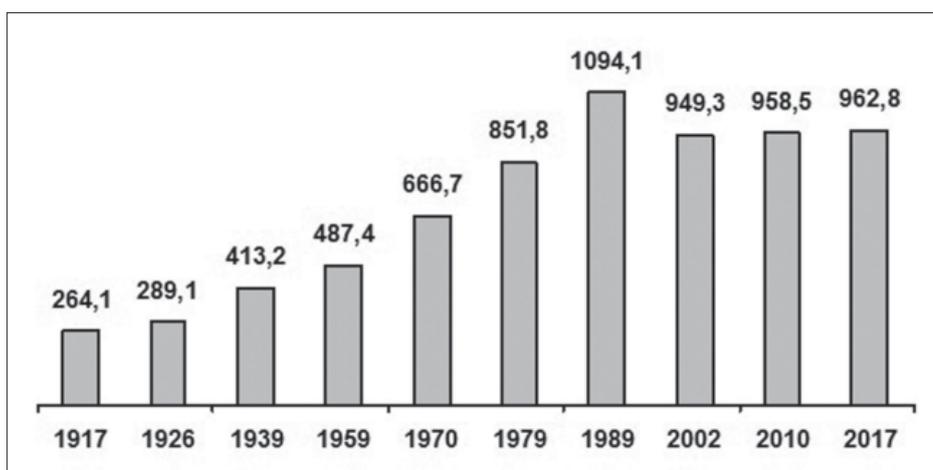
Ключевые слова: Якутия, миграция в связи с работой, проблемы адаптации, конфликтогенные факторы, общественное мнение.

Сегодня, как и 100 лет назад, основное конкурентное преимущество Якутии составляет минерально-сырьевой потенциал, что оказало определяющее влияние на формирование модели экономического развития как одного из ведущих горнодобывающих регионов мира. С эксплуатацией разнообразных природных ресурсов как приоритетного вида деятельности на Севере, с мигрирующей рабочей силой и привязанностью коренных народов к традиционным хозяйствам и т.д. объективно связаны сохранение «расколотого» рынка труда: промышленности с преобладанием русского и русскоязычного населения; сельского хозяйства, где занято коренное население; строительства и сферы услуг, преимущественно представленных трудовыми мигрантами. Потенциал противоречий и конфликтов формируется и в силу столкновения двух векторов миграции – внутренней и внешней в местах повышенного спроса на рабочую силу; неравенства доступа к ограниченным социальным ресурсам (жилье, образование, здравоохранение) и т.д. Таким образом, узел наиболее актуальных проблем современного этносоциального развития Якутии образует тесное переплетение процессов реиндустриализации, урбанизации, внутренней и внешней миграции, демографической модернизации и др. с исторически сформировавшейся

высокой полиэтничностью населения республики.

Процесс глобализации рабочей силы не является местным, региональным или российским явлением, а представляет собой общемировой тренд, многие характеристики которого являются универсальными. Поэтому я рассматриваю свою работу как case study, попытку описать этот феномен на конкретном материале Республики Саха (Якутия), имеющей свои отличительные особенности.

В течение всего XX столетия модель промышленного освоения Якутии характеризовалась массовым перемещением и концентрацией рабочей силы, в отличие от индустриализации приполярных районов Норвегии, Финляндии и Швеции, где преимущественно использовали местные трудовые ресурсы. Как видно из рисунка, в советский период численность жителей Якутии стремительно увеличивалась, достигнув максимума в 1991 г. – 1119 тыс. чел., но после распада бывшего СССР стала постепенно убывать, достигнув минимума в 2003 г. – 948,6 тыс. чел. Исторически сложившаяся концентрация индустрии и населения сохраняется и сегодня, о чем можно составить представление только по тому факту, что в столичном г. Якутске и двух промышленных районах – Нерюн-

Динамика численности населения Якутии в 1917–2017 гг.

гринском и Мирнинском, занимающих в целом 8,7% территории Якутии, сосредоточено 48,8% населения республики [Численность населения..., 2017].

Как известно, глобализация рабочей силы во всем мире стимулируется дефицитом трудоспособных человеческих ресурсов. Привлечения дополнительной рабочей силы потребовала и реализация крупных инвестиционных проектов, предусмотренных «Схемой комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 г.». По расчетам Правительства РС (Я), для их успешного завершения необходимо мобилизовать более 100 тыс. специалистов и рабочих рук (55% вакансий – трудовые мигранты, 45% – местные кадры).

По данным Управления ФМС по РС (Я), в 2015 г. на первичный миграционный учет по месту пребывания было поставлено 15049 иностранных граждан (на 23% меньше, чем в 2014 г. – 19556 чел.). При этом продление своего проживания оформили 5009 чел. (7946). Среди них численно преобладают представители стран-участниц ЕврАзЭС, которые имеют право въезда на территорию Российской Федерации без каких-либо ограничений (Армения, Кыргызстан, Казахстан, Беларусь и др.).

Отметим, что внешняя миграция носит в основном сезонный характер: около 80% трудовых мигрантов прибывают на летний период и по окончании временных работ возвращаются обратно. Это объясняется повышенным спросом на дешевую рабочую силу для строитель-

ства и ремонта жилья, социальных объектов, автомобильных дорог и т.д. Большая часть трудовых мигрантов (54,58%) оседает в столице республики – г. Якутске, где, кроме работы на стройплощадках, их ждет непривлекательная для местных жителей работа в сфере торговли (продавцы в магазинах и на рынках), общественного питания (грузчики), транспортных перевозок (водители маршрутных автобусов, такси), услуг ЖКХ (строители-ремонтники, сантехники, уборщики помещений, дворов и улиц) и др. Значительное скопление мигрирующей рабочей силы происходит также в местах повышенной промышленной активности – в Южной Якутии: г. Нерюнгри с подчиненными территориями; Алданский, Олекминский, Усть-Майский районы (17,89%) и Западной Якутии: Мирнинский, Ленский районы (15,7%), где есть наибольшая потребность в рабочей силе и, соответственно, больше возможностей устройства на работу.

Наибольшее количество трудовых мигрантов было занято в сфере строительства – 76,3%, оптовой и розничной торговли – 3,8%, промышленном производстве – 3,2%. При этом обращает на себя внимание такое явление, как формирование специфических этнических ниш в отдельных сегментах региональной экономики. Например, в горнодобывающей промышленности Якутии в основном работают мигранты из Украины и Белоруссии, сфере строительства – из Армении, оптовой и розничной торговли – из Китая, сервиса и услуг – из Кыргызстана и т.д.

По данным Управления ФМС по РС (Я), из общего количества иностранных граждан, по-

лучивших разрешение на временное проживание в Якутии, 30% имеют неполное среднее, 50% – среднее образование и только 20% – среднее специальное или высшее образование, но даже они, как правило, заняты на работах, не требующих специальной квалификации. При этом большинство молодых людей, прибывающих из стран СНГ, не имеют никакой специальности и стажа работы, не владеют или слабо владеют русским языком.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о существовании фактически двух региональных рынков иностранной рабочей силы. Рынок квалифицированного индустриального труда объединяет трудовых мигрантов, занятых поиском постоянной или временной высокооплачиваемой работы по рабочей специальности, что, как правило, завершается трудоустройством в сфере промышленности с гарантированными трудовыми, социальными, жилищными и иными правами. Рынок рабочей силы по демпинговым ценам предназначен для менее требовательных мигрантов, которые вследствие своей невысокой квалификации ориентированы на поиск любой, заведомо низкооплачиваемой работы. Главным образом, их труд используется в сфере строительства и дорожных работ, где рабочая сила напрокат позволяет работодателям занижать кадровые издержки производства и повышать конкурентоспособность. Известно, что в силу своего зависимого статуса они становятся объектом прямых и латентных форм эксплуатации и дискриминации в отношении найма на работу, оплаты и охраны труда вне зависимости от продолжительности рабочего дня, дополнительных и ночных смен, сверхурочных работ в воскресные и праздничные дни, нормирования физических нагрузок и отдыха, а также условий проживания, медицинского обслуживания, социального страхования и пенсионного обеспечения.

Отметим, что баланс позитивных и негативных эффектов трудовой миграции еще не стал предметом специальных исследований. По данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, международная трудовая миграция, имеющая высокую латентную составляющую, во всех странах является одним из самых трудно учитываемых экономических явлений, и поэтому реальные параметры перемещения лю-

дей и использования иностранной рабочей силы в национальных экономиках находятся за границами административного и статистического измерения.

Краткая характеристика зоны массового опроса. Город Якутск (якут. *Дьокуускай*) – административный, политический, экономический, культурный, научный и образовательный центр Республики Саха (Якутия). Один из старейших городов Сибири (1632). Крупный речной порт в среднем течении р. Лены – главной транспортной артерии Якутии, по которой производится основная часть «северного завоза».

Третий город Дальневосточного федерального округа, после Владивостока и Хабаровска, по численности населения. По данным ВПН-2010, население столицы составляет 295,6 тыс. чел., или 30,8% населения РС (Я). В период между двумя переписями (2002, 2010) численность жителей г. Якутска увеличилась на 20,1%. Этническая структура населения столицы состоит из представителей свыше 120 национальностей, среди которых численно доминируют саха (47,4%) и русские (38,4%). В межпереписной период доля горожан-саха среди жителей г. Якутска возросла на 22,2% (1989 г. – 25,1%, 2002 г. – 42,4%).

В состав городского округа «Город Якутск» входят 15 административных округов (Автодорожный, Гагаринский, Губинский, Октябрьский, Промышленный, Сайсарский, Строительный, Центральный; пп. Кангалассы, Марха, Табага; сс. Маган, Пригородное; Тулагино-Кильдямский и Хатасский наслеги). Отметим, что численность населения растет за счет естественного прироста и миграции [Якутск в цифрах...]. В этой связи остро стоит вопрос с обеспеченностью горожан доступным жильем, детскими садами, школами и больницами.

Основу экономики г. Якутска составляет предпринимательство: около 60% трудоспособных горожан, а также большое количество незарегистрированных мигрантов из улусов (районов) Якутии, регионов России и зарубежных стран заняты в сфере торговли и услуг. В городе функционируют как крупные рынки (Столичный, Сайсары, Крытый, Строительный, Авторынок), торговые и торгово-развлекательные центры, оптово-розничные склады, так и множество мелких магазинов и киосков. В сфере коммерче-

ских услуг широко представлены агентства недвижимости, кафе, мини-гостиницы, парикмахерские, прачечные, автосервисы, мастерские по ремонту электроники, частные поликлиники, строительные и транспортные фирмы.

Город не располагает развитой промышленностью, основные отрасли являются поддерживающими жизнедеятельность города: более половины (53,3 %) приходится на продукцию топливно-энергетического комплекса (ГРЭС, ТЭЦ), 17,7% – пищевой промышленности, 11,1% – алмазогранительного производства, 4,3% – строительных материалов, 3,2% – металлообработки. Наиболее крупные предприятия: Якутский хлебокомбинат, гормолзавод, птицефабрика, комбинат строительных материалов и конструкций, домостроительный комбинат, газоперерабатывающий завод, Кангаласский угольный разрез, Мархинский завод строительных материалов.

Муниципальное пассажирское автопредприятие «ЯПАК» (Якутская пассажирская автотранспортная компания) обладает небольшим парком автобусов и обслуживает только восемь пригородных маршрутов. Внутри города муниципальный транспорт полностью замещен коммерческим. Все пассажирские перевозки на 16 внутригородских линиях осуществляют частники, организованные в НП «Союз-Авто». В городе работают много частных таксомоторных служб: легальные – с собственным автопарком, «шашечками» и единой цветовой гаммой автомобилей, фиксированным тарифом на проезд, и нелегальные – без каких-либо атрибутов такси, с водителями на личных автомобилях, договорной ценой [Сайт Единой...].

В городе функционируют два аэропорта: «Якутск» – основной, выполняющий внутриреспубликанские, российские и международные рейсы, и «Маган» – запасной, выполняющий внутренние рейсы.

Якутск располагает разветвленной сетью крупных научных центров: это Якутский научный центр СО РАН, Академия наук РС (Я) и более 20 отраслевых НИИ. Подготовку кадров для республики осуществляют 17 высших и средних специальных учебных заведений, в т.ч. СВФУ им. М.К. Аммосова и Якутская государственная сельскохозяйственная академия. Столица Якутии является одним из крупнейших

культурных центров Дальнего Востока, базу которого составляют 11 музеев, семь профессиональных театров, Государственный цирк, национальная кинокомпания «Сахафильм», Государственная филармония РС (Я), а также другие учреждения культуры: библиотеки, кинотеатры, культурно-досуговые центры, детские музыкальные школы и др.

Медиапространство г. Якутска представлено 13 радиостанциями, шестью телевизионными компаниями муниципального значения, 71 печатным изданием (40 журналов, 31 газета).

Методы и фон опроса. Сбор первичной социологической информации по проекту «Общественное мнение о проблемах миграции и межкультурной интеграции в регионе» (руководители – д.и.н. В.А. Тишков, к.и.н. В.В. Степанов) проводился сотрудниками сектора этносоциологии ИГиПИМНС СО РАН методом персонального анкетного опроса по месту жительства и работы респондентов в 12 административных округах г. Якутска.

В соответствии с установленной выборкой по стандартному инструментарию было опрошено 200 чел. старше 18 лет, в том числе: мужчин – 88 (44%), женщин – 112 (56%). В общем массиве респондентов преобладают уроженцы города и / или республики – 95,5%, выходцы из других российских регионов – 4%, других государств – 0,5%.

Распределение респондентов по социально-демографическим характеристикам выглядит следующим образом: *по возрастным группам*: 18–29 лет – 59 чел. (29,5%), 30–59 лет – 102 (51%), 60 лет и старше – 39 чел. (19,5%); *продолжительности проживания в регионе*: до 5 лет – 1%, до 10 лет – 0,5%, свыше 20 лет – 98,5%; *по образовательному статусу*: начальное либо без образования – 7 чел. (3,5%), неполное среднее (справка о неполной общеобразовательной школе) – 12 (6%), среднее (аттестат общеобразовательной школы) – 37 (18,5%), среднее специальное (диплом училища или техникума) – 81 (40,5%), незаконченное высшее (справка об обучении в ВУЗе) – 11 (5,5%), высшее (диплом, включая бакалавриат, магистратуру, научную степень) – 52 чел. (26%); *национальному составу*: саха – 100 чел. (50%), русские – 84 (42%), представители других национальностей – 16 чел. (8%); *по роду деятельности*: работающие –

156 чел. (78%), обучающиеся – 10 (5%), безработные – 2 (1%), пенсионеры – 31 (15,5%), домохозяйства – 1 чел. (0,5%).

Отметим, что распределение респондентов по характеру и интенсивности труда соответствует представленным в г. Якутске видам социально-экономической деятельности. В категорию «не зарабатываю (не зарабатывал) физическим трудом» вошли 111 (55,5%) опрошенных, связанных преимущественно с умственным трудом (работники сферы образования, науки, СМИ, финансово-кредитной системы, здравоохранения и др.). Группу из 74 (37%) респондентов, образующих категорию «иное», в основном составили лица, имеющие профессии, связанные с легким физическим трудом (работники сферы обслуживания, торговли, связи, ремонта электроники, средний и младший медперсонал, администраторы гостиниц и др.). На физических работах средней тяжести заняты 15 (7,5%) респондентов, это – водители различных видов транспорта, работники коммунально-бытового обслуживания, оптово-розничной торговли, общественного питания, речного флота и др. Отсутствие в общей выборке лиц из категории «тяжелые физические работы» связывается с тем, что в городе нет крупных промышленных предприятий (рудники, заводы, фабрики); имеющееся производство строительных материалов основано на механизированном труде, а также с тем, что на тяжелых строительных работах в основном заняты трудовые мигранты.

Персональный опрос по месту работы респондентов проведен в таких крупных учреждениях г. Якутска, как «Якутскэнерго», «Ростелеком», «Якутский хлебокомбинат», «ЛОРП» (Ленский объединенный речной порт), «Сахамедпром» (производство инфузионных растворов), домостроительный комбинат (ДСК), аэропорт «Якутск», СВФУ им. М.К. Аммосова, институты ЯНЦ СО РАН, РБ №2 (Республиканский центр экстренной медицинской помощи), отделения «Почты России» и «Пенсионного фонда России», а также городские поликлиники, кафе, торговые центры, рынки, банки и т.д. Общий фон массового опроса характеризуется положительно – подавляющее большинство респондентов проявили должное понимание цели и задач проводимого исследования.

Социальное самочувствие жителей г. Якутска. Учитывая, что настроение и поведение как отдельных людей, так и целых групп часто зависят от их субъективных оценок происходящих в обществе процессов, в т.ч. миграции в связи с работой, респондентам было предложено оценить собственный уровень жизни. Как оказалось, значительная часть опрошенных удовлетворена своим материальным достатком. Более того, сопоставление полученных данных с итогами опроса по проекту «Проблемы региональной безопасности Республики Саха (Якутия) в условиях глобализации» (2007) обнаружило позитивные сдвиги в социальном самочувствии столичных жителей. Так, заметно выросла численность лиц со средним достатком: «в целом нормальное материальное положение» – 80,5% (2014) и «материальных затруднений обычно нет, хотя на более крупные покупки приходится копить» – 41,4% (2007); сократилось число групп «малообеспеченных» респондентов, живущих «от зарплаты до зарплаты, обеспечивая себе лишь минимальный уровень потребления» – 25,2% (2007), и имеющих «затруднительное материальное положение» – 12,5% (2014). Примечательно, что по итогам последнего опроса никто из опрошенных не признался в том, что у него «тяжелое материальное положение», тогда как ранее 16,3% респондентов причислили себя к группе «бедных», которым «приходится экономить даже на самом необходимом». Обращает на себя внимание и сокращение численности лиц, затруднившихся определить уровень своего материального достатка: с 7,8 до 1%; наиболее «богатых» респондентов, которые «могут позволить себе покупку дорогостоящих товаров и ни в чем себе не отказывать» (9,3%) и «не испытывающих никаких материальных затруднений» (6%). Удовлетворенность уровнем жизни респондентов-горожан указывает на то, что существующие доходы, потребление и благосостояние определяют их возможности удовлетворения остальных компонентов жизненной ситуации: жилищные условия, уровень образования, условия труда и отдыха, состояние здоровья, гарантии от безработицы и др.

Вместе с тем иерархия первой тройки личных оценок о перспективах своего заработка на ближайшие годы: «неопределенные» – 56,5% респондентов, «хорошие» – 25%, «плохие» –

1,5% – свидетельствует о сохранении у многих людей ощущения общей экономической нестабильности в стране и соответственно пессимистических настроений в отношении своего будущего. Несмотря на это большинство опрошенных лиц (69%) связывают свою дальнейшую жизнь именно с Саха (Якутией). О твердом намерении уехать в другой регион России на длительный срок или на постоянное проживание сообщили 16% респондентов, еще 15% затруднились дать определенный ответ.

Отношение к трудовой миграции. Учитывая, что многие негативные явления в обществе часто связываются с ростом масштабов миграции в связи с работой, респондентам было предложено высказать свое мнение по данной проблеме. Исследованием выявлено, что ситуация на рынке труда усугубляется тем, что в центрах притяжения мигрирующей рабочей силы сталкиваются две волны миграции: внешней и внутренней. При этом вопросы трудоустройства мигрантов неизбежно сопровождаются жилищно-бытовыми проблемами, неравенством доступа к детским дошкольным и образовательным учреждениям, необходимостью их адаптации к культурным традициям и социальным практикам многонационального городского социума. Вероятно, именно этим объясняется тот факт, что 71,5% опрошенных горожан негативно относятся к найму трудовых мигрантов, т.к. они отнимают рабочие места у местных кадров. Только 21% респондентов, среди которых численно преобладают женщины, разделяют мнение об отсутствии конкуренции на рынке труда, еще 7,5% затруднились с ответом.

Симптоматично, что число респондентов, негативно относящихся к найму трудовых мигрантов, растет в зависимости от сферы приложения их труда: 46,5% не одобряют прием на малоквалифицированную работу в жилищном хозяйстве; 69,5% не устраивает трудоустройство младшим медицинским персоналом в поликлиниках и больницах; 81,4% – против работы в качестве охранников школ и детских садов.

Вместе с тем, на фоне общего неприятия самого факта трудоустройства, проявляется наличие нейтральных и положительных ориентаций на привлечение дополнительной рабочей силы из-за пределов республики. Однако даже в

группе сторонников трудовой миграции фиксируется значимая отраслевая дифференциация. Так, согласны с малоквалифицированным трудом трудовых мигрантов в жилищном хозяйстве 44% респондентов из группы с нейтральными установками и 8,5% респондентов из группы с положительными установками, соответственно, в учреждениях здравоохранения – 24 и 3,5%; с работой в качестве охранников детских дошкольных учреждений и общеобразовательных школ – 13 и 2%.

Распределение ответов о необходимости ограничения въезда в Россию трудовых мигрантов из других государств выявило наличие заметной напряженности, связанной с выходцами из Таджикистана (84,5% респондентов за ограничение), Кыргызстана (83%), Узбекистана (82%), Китая (82%), Армении (74,5%), Азербайджана (73,5%), Абхазии (69%), Южной Осетии (63,5%), Грузии (57,5%) и Украины (48%). Наиболее положительным признан приезд трудовых мигрантов из Белоруссии (75%), Казахстана (66,5%), прибалтийских государств (60%), Молдовы (59,5%) и Украины (38%).

Комментируя полученные данные, следует указать на усиление существовавших и ранее «антимигрантских» настроений, что входит в противоречие с геополитическими интересами России как евразийского государства. Об этом говорят заметные расхождения итогов исследования с результатами социологического опроса по проекту «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» (руководитель – д.и.н. В.А. Тишков). Например, фиксируется фактическое сокращение числа опрошенных людей, готовых признать местным человека, который переехал в Якутию в поисках работы или по другим мотивам. Если в 2007 г. 26,3% респондентов были готовы признать местным человека, прибывшего из Армении и Азербайджана более 10 лет назад; 26,2% – из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, то в 2014 г. приезд трудовых мигрантов из Азербайджана одобрили 19% респондентов, Армении – 17,5%, Узбекистана – 10,5%, Кыргызстана – 10%, Таджикистана – 9%. Отметим совпадение мнений опрошенных саха и русских – представителей численно доминирующих народов РС (Я), что косвенно сигнализирует о возможности мобилизации значи-

тельной части принимающего общества в случае эскалации напряженности.

Симптоматично, что каждый второй опрошенный включил в потенциальное «поле конфликта» выходцев из Украины – традиционно миграционного партнера Саха (Якутии). Безусловно, здесь следует учитывать фактор массивной пропагандистской акции федеральных СМИ против «бандеровского» государства. В этой связи представляется, что неприязненное отношение, поставившее украинцев в принципиально другое для «братского народа» положение, постепенно изменится с нормализацией российско-украинского политического климата.

Данные исследования показывают, что рано сбрасывать со счетов тот факт, что в общественном сознании достаточно силен стереотип восприятия «гастарбайтеров» как людей, склонных к девиациям и насилию, усугубляемый случаями их противоправного поведения. Так, 62% респондентов уверены в том, что иностранные трудовые мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. Между тем в целом по Республике Саха (Якутия) в 2013 г. было зарегистрировано 128 противоправных действий мигрантов, это – 1,2% от общего количества преступлений, совершенных за год [Васильев]. С утверждением о прямой причинно-следственной связи между ростом трудовой миграции и виктимизацией населения г. Якутска не согласились 27,5% опрошенных, оставшиеся 10,5% затруднились с ответом.

Возможно, устойчивость в общественном мнении негативных ассоциаций и предрассудков в отношении трудовых мигрантов объясняется слабыми контактами членов принимающего и мигрантского сообщества в своей повседневной жизни? Действительно, по итогам опроса, почти половина опрошенных практически не общается с трудовыми мигрантами и/или общается лишь эпизодически («никогда» – 0,5%, «очень редко» – 40,5%, «каждый месяц» – 4%). В то же время другая часть городской выборки поддерживает более тесные коммуникации («каждую неделю» – 14%, «ежедневно» – 39,5%), что дает некоторую социологическую «пищу» для размышлений о наличии у большого числа жителей г. Якутска негативного личного опыта общения с трудовыми мигрантами.

Безусловно, полученная исследованием картина актуализирует проблему отсутствия общественного консенсуса по вопросам интеграции мигрирующей рабочей силы в принимающее общество. Как оказалось, формированию высокого уровня социального раздражения и отчуждения в немалой степени способствуют малообразованность и невладение и/или слабое владение русским языком значительной частью трудовых мигрантов [В парламенте...]. В ходе опроса выяснилось, что жители г. Якутска активно поддержали бы меры, направленные на адаптацию рабочих-иностранцев из бывших республик СССР. Наибольшее одобрение получили идеи обучения мигрантов русскому языку в специальных центрах: «да» – 40,5% респондентов, «да, но обучать только тех, кто намерен остаться жить в России» – 16,5%, «да, но только пусть за это платят сами мигранты» – 35,5%, а также дополнительного обучения детей мигрантов русскому языку с целью содействия реализации их права на получение школьного образования в России: «да» – 43%, «да, но только пусть за это платят сами мигранты» – 45,5%.

Вместе с тем идея предоставления трудовым мигрантам юридических консультаций, информации для поиска работы, помощи в повышении профессиональной квалификации, получении медицинских и иных услуг в специальных центрах не встретила столь однозначного понимания, как в вопросе об обучении языку общения («да» – 24% респондентов, «да, но только тем, кто намерен остаться жить в России» – 11,5%, «да, но только пусть за это платят сами мигранты» – 45,5%). Более того, в устной беседе многие люди, отметившие разные версии ответа «да», сообщали интервьюерам, что их выбор практически обусловлен только тем, что они «не хотят стоять в одной очереди с трудовыми мигрантами». По словам респондентов, «гости республики не культурные – один мигрант занимает очередь за 40–50 человек, многие из них хамят и кричат в очереди», тем самым доставляя неудобства местным жителям. В основном это касалось длинных очередей в Управлении ФМС РФ по РС (Я), отделениях налоговой и пенсионной службы.

Исследованием также выявлено, что численность респондентской группы, твердо настроенной против интеграции мигрантов в местное

сообщество, демонстрирует тенденцию к росту в зависимости от расширения диапазона притязаний «чужаков» на конкретные социальные ресурсы. Так, если число лиц, категорически отвергающих саму идею обучения трудовых мигрантов русскому языку, составило 7,5% общей выборки, идею дополнительного обучения детей мигрантов русскому языку – 9%, то идею предоставления разнообразной помощи мигрантам, заметно усиливающей их конкурентные возможности, – 16,5%.

Распределение ответов на вопрос: «Если такие центры социальных услуг будут в Вашем городе, стали бы Вы их посещать для решения собственных проблем?» рельефно проявляет разделение общества по принципу «местные – приезжие». В нашем случае это хорошо иллюстрируется на примере изменения соотношения трех респондентских групп, условно выделенных в выборке как «лояльные», «нелояльные» и «пассивные». Как оказалось, в зависимости от согласия/несогласия людей пользоваться услугами специальных «Многофункциональных центров» наряду с иностранными гражданами, происходят существенные сдвиги в объемах этих групп. В результате число «лояльных» лиц, поддерживающих любые меры по адаптации трудовых мигрантов, резко сократилось до 11% общего массива, и, напротив, число «нелояльных» лиц возросло до 59,5%, а «пассивных» – до 27,5%. По наблюдениям интервьюеров, респонденты из двух последних групп склонны воспринимать эти специальные центры только как некий инструмент для получения трудовыми мигрантами доступа к ограниченным общественным благам или легализованный канал их более экономного приспособления в местах въезда.

Нестабильность социального поля также подтверждается наличием определенной протестной базы среди жителей г. Якутска: только 36% респондентов придерживаются строгих ригористских установок в отношении трудовых мигрантов, а 32,5% заявили о своей готовности поддержать несанкционированные пикеты или акции против них в случае усиления существующих противоречий и конфликтов. Среди них преобладают преимущественно молодые мужчины, убежденные в том, что мигранты являются постоянным источником преступных посягательств и ухудшения криминогенной обстанов-

ки в столице республики, лишаящих горожан ощущения личной безопасности. Также отметим корреляционную связь правового инфантилизма с возрастными характеристиками респондентов: чем старше они становятся, тем выше уровень их ориентаций на легалистское поведение. Как показывает опыт антимигрантских событий в Центральной России, ситуация может стать особенно драматичной и неуправляемой, если к открытой манифестации присоединяется «пассивная» часть населения. Отметим, что в якутской выборке они составляют 28% опрошенных.

В связи с продолжающейся в обществе дискуссией по вопросам трудовой миграции хотелось бы обратить внимание на два взаимосключающих друг друга обстоятельства. Первое, это – необходимость привлечения труда иностранных работников, так как имеющееся трудоспособное население страны не в состоянии обеспечить самостоятельно ее экономический подъем, который должен вывести Россию в ряд ведущих экономик мира. Второе – наблюдающаяся дестабилизация социального поля трудовой миграции, формирование границ по отношению к иностранным рабочим, конструируемым как по формальным (правовая система, миграционная политика), так и неформальным (СМИ, общественное мнение, избирательные компании) каналам.

Составной частью формулы разделения принимающего общества и иностранной рабочей силы также являются массовость и распространенность негативных ассоциаций, иррациональных фобий, расовых предрассудков и колониального мышления, транслируемые языком вражды (*hate speech*). Как в аллегории Платона о пещере, где люди привязаны к неподвижному образу, так и в обществе застыли стереотипные представления о «гастарбайтерах» как о диких людях; нищих неучах; грязных переносчиках болезней; девиантах, склонных к насилию, включая в эту картину всех трудовых мигрантов. Так, в ряд «приезжих» нередко причисляются и граждане России, которые считаются «чужими» в силу своего этногеографического происхождения. По этой причине, например, принадлежность «лиц кавказской национальности» к России, в зависимости от случая и места, теряет всякое свое значение, а трудовые мигранты не представляются, хотя бы потенциально,

интегральной частью принимающего общества. Формированию высокого уровня социального раздражения и отчуждения в немалой степени способствуют участие части мигрантов в теневой экономике, этнический профиль преступности, устойчивость субкультуры мигрантов-прагматиков, рассматривающих местные сообщества в основном как экономический ресурс, подлежащий освоению при абсолютной приоритетности собственного стиля жизни и стандартов поведения.

Понятно, что проблему трудовой миграции в связи с работой практически невозможно решить на уровне отдельных регионов России, так как требуется принятие системных решений на общегосударственном уровне. Прежде всего, это подразумевает изменение привычной практики управления массовыми перемещениями, трудом, занятостью и повседневностью трудовых мигрантов по теории игр, где есть только «победители» и «проигравшие»; решительный отказ от миграционной политики, формирующейся на базе страхов (страхи, связанные с представлениями о грязных и заразных мигрантах, затрудняют получение медицинских услуг, облегчают их фигуральное и физическое вытеснение с рынка жилья и т.д.) и беспорядков (коррупция бюрократии, связанная с продажей разрешительных услуг на въезд, регистрацию, проживание, занятость и др.; алчность работодателей, превративших труд мигрантов в высокодоходный бизнес).

Применительно к Республике Саха (Якутия) можно констатировать, что феномен трудовой миграции и ее проблематика не являются здесь новыми. Эффекты массовых перемещений рабочей силы в советский период довольно подробно изучены и описаны в региональной социологии как «миграционный сквозняк» [Аргунов, 1988]. Тем не менее оказалось, что в условиях новой реальности, когда на первый план вышли разнообразные экономические интересы, «обуздать» это процесс традиционными методами стало невозможно.

В настоящее время здесь созданы самые жесткие правовые условия среди регионов России. Так, по инициативе Государственного комитета по занятости населения РС (Я), 24 марта 2017 г. был принят Указ Главы Якутии об ограничении использования труда иностранцев по

отдельным видам экономической деятельности на региональном рынке труда. В частности, речь идет о 14 видах деятельности в сфере розничной торговли, сельского хозяйства, рыболовства, пассажирского и грузового транспорта, а также в системе здравоохранения, дошкольного, общего и дополнительного образования.

Позиция Федерации профсоюзов РС (Я) более прагматична и заключается в том, чтобы управленческие решения по вопросам прогнозирования и привлечения иностранной рабочей силы формировались с учетом ее экономической целесообразности и в контексте защиты внутреннего рынка труда. То есть найм на работу только высококвалифицированных специалистов и только в тех отраслях экономики, где эффективность их труда существенно выше эффективности труда местных кадров. Использование труда мигрантов на отдельных предприятиях должно быть предметом согласования с профсоюзами, в соглашения и коллективные договоры должны включаться нормы, которые определяют взаимоотношения работодателей, профсоюзов и органов исполнительной власти при привлечении иностранной рабочей силы. В настоящее время создана Трехсторонняя комиссия из представителей Федерации профсоюзов РС (Я), Торгово-промышленной палаты РС (Я) и республиканских органов власти и управления, в компетенцию которой входит определение перечня отраслей экономики, приоритетных профессий и специальностей, где могут быть задействованы трудовые мигранты. Комиссия также устанавливает уровень заработной платы с тем, чтобы не привлекать малоквалифицированную рабочую силу.

В последнее время одним из общезначимых приоритетов становится усиление роли институтов гражданского общества в формировании миграционной политики, в управлении временными или постоянными мигрантскими сообществами. В частности, это видно на примере создания в г. Якутске «Центра адаптации мигрантов», инициированного Общественной палатой РС (Я). Цель его работы – содействие созданию механизмов общественного контроля за наймом рабочей силы, формированию уважительных отношений между жителями республики и вновь прибывающими мигрантами. В Центре усилиями общественных лекторов и преподавателей

читаются лекции по истории Якутии и России, открыты краткосрочные курсы по обучению разговорному русскому и якутскому языкам, по ознакомлению с российским и республиканским законодательством и др. [Сергин, 2013а; 2013б].

Безусловно, не только итоги исследования, но и материалы республиканских СМИ, мнения и обсуждения в социальных сетях и т.д. поднимают проблему отсутствия общественного консенсуса по вопросам трудовой миграции. В общественном мнении преобладающим остается мнение о том, что основные противоречия в этой сфере связаны с временным и сезонным характером работ иностранной рабочей силы, т.к. в значительной части она занята на работах, которые могли бы занять местные жители. При этом мигранты готовы выполнять такую же работу, что и граждане России, но за меньшую плату, либо получать столько же, но за 12–16 часов работы. Поэтому работодатели не торопятся придерживаться принципа приоритетного трудоустройства местного населения, подготовки рабочих кадров по востребованным профессиям. В данном контексте массовое недовольство приезжими рабочими, выражаемое посредством мифологии, «клеймения» и протестов, можно рассматривать как неспособность общества признать невозможность самостоятельно обеспечить экономический подъем республики и адаптироваться к изменяющимся социально-демографическим реалиям. В результате мигрант-«чужак» стал ложной целью в преодолении

ограниченности региональной экономики, тогда как ядро проблемы – недостаточность трудовых ресурсов – не исчезло, равно как и трудовая миграция и неотъемлемый ее элемент – иностранный работник. Это также говорит о том, что сегодня власть не в состоянии определиться с общезначимым приоритетом и объяснить обществу, что закрытые двери – это не наш выбор.

Источники и литература

Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР. История формирования и современные проблемы. – Якутск, 1988.

Васильев А. Миграционная служба Якутии: пусть статистика глаза не режет. – Режим доступа: <http://ysia.ru/news/6711.html>

В парламенте Якутии обсудили состояние миграционной ситуации в республике. – Режим доступа: <http://ysia.ru/news/2109.html>

Сайт Единой диспетчерской службы г. Якутска. <http://edsbus.ru>

Сергин И. Без рецепта не обойтись // Якутия. – 2013а. –25 окт.

Сергин И. Добро пожаловать, или как выдержать конкуренцию // Там же. –2013б. –27 сент.

Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2017 г.: стат. сб. – Якутск, 2017. Рассчитано по: Изменение численности постоянного населения муниципальных районов и городских округов по компонентам (чел.). – С. 13.

Якутск в цифрах. http://якутск.рф/city-yakutsk/yakutsk_v_cifrah

V.B. Ignatyeva

Labor Migrants in Yakutia: Integration Versus Exclusion? The Results of Sociological Research and Expectations of Host Society

The article discusses the problems of migration of the international labor on the example of the Republic of Sakha (Yakutia). Positive and negative assessments are considered on assisting migrants in finding work, learning the Russian language, providing legal, medical and other services with a view to their quickest integration into the host society. The author notes that institutional and mentally designed public fears represent a serious obstacle to the formation of a new migration policy, modern approaches to managing mass movements, temporary or permanent diasporas. It is emphasized that the newest migration processes and the real and latent economic, social and ethno-cultural strains, contradictions and / or conflicts in society require a systematic solution.

Keywords: Yakutia, migration in connection with work, adaptation problems, conflict factors, public opinion.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 314.72(571.56)

Н.И. Попова, Н.И. Данилова

Научное наследие Е.И. Коркиной: истоки, достигнутое, проекция в будущее

В 2012 г., когда научная общественность Якутии отмечала 95-летие Евдокии Иннокентьевны, журнал «Северо-Восточный гуманитарный вестник» в № 2(5) традиционную рубрику по филологии посвятил значительному по объему и содержанию материалу, в котором был представлен анализ наиболее значимых научных достижений Е.И. Коркиной с позиций современной лингвистики. С учетом ранее опубликованного, в предлагаемой статье авторы пытаются осмыслить научное наследие своего старшего коллеги, прослеживая исторические истоки ее научных воззрений, размышляя о результатах конкретных исследований и пытаясь проецировать их в современность.

Ключевые слова: глагол, грамматические категории, наклонения, модальность, диалектология, лексикография.

Евдокия Иннокентьевна Коркина, по ее собственным воспоминаниям [Коркина, 2000], преодолела непростой путь в науку, куда она пришла осознанно, целеустремленно, уже в зрелом возрасте, имея за спиной опыт работы в народно-хозяйственной и общественно-политической сферах деятельности. На руках у нее имелось три диплома – об окончании Якутского сельскохозяйственного техникума, Якутской областной партийной школы и Якутского пединститута. Два последних – с отличием. Несмотря на то, что Евдокия Иннокентьевна еще со времен учебы на историческом отделении МИФЛИ (где к началу Великой Отечественной войны, в 1941 г. она закончила на отлично первый курс), мечтала о филологическом образовании, проявляя способности и интерес к языкам, жизненные обстоя-

тельства сложились таким образом, что в 1952 г. она состоялась как специалист по истории.

Тем не менее мечте было угодно сбыться, и в 1954 г. начался ее путь в языковедческую науку через аспирантуру ЯФ СО АН СССР. Евдокии Иннокентьевне невероятно повезло, ее учителем, повлиявшим на формирование ее научного мировоззрения, сыгравшим судьбоносную роль в процессе ее становления как ученого-лингвиста, стал профессор Лука Никифорович Харитонов, назначенный научным руководителем аспирантки. Л.Н. Харитонов, впитавший традиции московской тюркологической школы под руководством члена-корреспондента АН СССР Н.К. Дмитриева, безусловно, являлся представителем классической тюркологии, для которой характерно гармоническое сочетание теорети-

© Н.И. Попова, Н.И. Данилова, 2017

ческих достижений индоевропейского языкознания с качественно иной структурой тюркских языков.

Период его профессионального становления пришелся на 30–40-е гг. XX столетия, которые знаменуются выдвиганием на передний план вопросов языкового строительства и, как одного из основных, – создания грамматик младописьменных народов. При выполнении этой задачи выделилась целая плеяда блестящих тюркологов-лингвистов: Е.А. Поцелуевский, Н.П. Дыренкова, А.К. Боровков, И.А. Батманов, В.М. Насилов, А.Н. Кононов, Н.А. Баскаков – авторов известных академических грамматик тюркских языков.

Методологической основой тюркологических исследований того времени служило положение о том, что «единство языкового метода, единство языковых определений является как раз наиболее эффективным средством, которое позволяет анализировать языковой процесс во всей широте его проявлений на отдельных языках» [Дмитриев, 1948]. Этот же подход стал доминирующим в творчестве Л.Н. Харитонова. Во всех своих работах он, кроме тюркологических традиций, опирался и на теоретические положения классиков русской грамматической школы, чаще всего – А.А. Шахматова, В.В. Виноградова и др. Будучи исследователем широких научных взглядов, Лука Никифорович во всех исследованиях, помимо теоретических и методологических положений индоевропеистики и тюркологии, неизменно опирался на труды своих предшественников, особенно О.Н. Бётлингга и Э.К. Пекарского.

Научные труды Л.Н. Харитонова, внесшие значительный вклад в тюркологию в сфере изучения грамматических категорий глагола, были выполнены в русле этих идей и составляют сегодня ту фундаментальную базу, без опоры на которую немислимы любые грамматические изыскания в области якутского языкознания. Неудивительно, что исследования Евдокии Иннокентьевны представляют собой закономерное воплощение и дальнейшее развитие тех принципов, которых придерживался Учитель.

На профессиональное становление Евдокии Иннокентьевны как лингвиста существенное влияние, как нам представляется, оказала незабвенная Елизавета Ивановна Убрятова – извест-

ный тюрколог, специалист по истории современных и древних тюркских языков, основатель якутской диалектологии и учения о синтаксисе якутского языка. Ее «Исследования по синтаксису якутского языка» [1950; 1976] – не только первое последовательное описание синтаксической системы якутского языка, но и начало нового направления в исследовании синтаксиса алтайских и уральских языков, которое сегодня успешно развивается новосибирской синтаксической школой. Несмотря на многообразие научных интересов, центральной темой всей ее научной деятельности оставалась системная организация грамматического строя якутского языка [Широбокова, 2006]. На этом материале Е.И. Убрятова установила наличие универсальных способов и средств, которые пронизывают всю синтаксическую систему тюркских языков и характерны для многих языков алтайской семьи.

Важное место в научном творчестве Елизаветы Ивановны занимали вопросы исторического изучения тюркских языков, прежде всего, вопрос происхождения якутского языка. Надо сказать, что опыт сравнительно-исторических исследований в якутском языкознании берет начало с трудов О.Н. Бётлингга и В.В. Радлова, и сегодня изучение фактов языка в диахронии и синхронии с привлечением материала из других древних и современных языков стало традицией. Этому в значительной степени способствовало положение Е.И. Убрятовой о том, что «кто бы и когда бы ни занимался якутским языком, обязательно должен задуматься и искать ответ на один и тот же вопрос: откуда возникло своеобразие этого языка, почему он так сильно отличается от всех современных тюркских языков, на какой основе и как сложился этот язык» [Убрятова, 2011, с. 30]. Оно стало ведущим для якутских ученых в подходе к целям и задачам исследований, позволяя объяснять факты современного языка через призму материала из других родственных и неродственных языков. Подтверждение тому можно наблюдать во всех научных трудах Е.И. Коркиной, которая последовательно демонстрирует приверженность данной идее.

Тема, предложенная Е.И. Коркиной для кандидатской диссертации «Формы прошедшего времени в якутском языке» (1960), получила глубокое теоретическое развитие в плановой на-

учной работе Института «Наклонения глагола в якутском языке», которая была опубликована в виде монографии [1970] и защищена ею в качестве докторской диссертации. Эта работа, согласно научной установке Л.Н. Харитоновой, была призвана восполнить лакуну в изучении системы грамматических категорий глагола в якутском языке в рамках целенаправленной подготовки к разработке академической грамматики якутского языка.

К моменту начала научной деятельности Евдокии Иннокентьевны считался общепризнанным тот факт, что «якутский язык является языком, основательно изученным еще в дореволюционное время» [Коркина, 1970, с. 3]. Так, для специального всестороннего изучения категории наклонения в якутском языке незыблемой основой послужили труды многих поколений востоковедов-тюркологов, начиная с О.Н. Бётлингга, В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, Н.Н. Поппе и авторов вышеназванных академических грамматик тюркских языков, а также якутоведов, А.А. Иванова-Кюндэ, Л.Н. Харитоновой, Е.И. Убрятовой и др. Сведения о наклонениях, содержащиеся в работах по якутскому языку, не являлись полными, системными, а носили фрагментарный характер, обусловленный целевой установкой каждого автора или ограниченным количеством доступного языкового материала в то время, когда якутский язык был еще бесписьменным.

Руководствуясь основным принципом, заложенным Л.Н. Харитоновым для лингвистических исследований: «эмпирический материал – теоретический вывод», впервые на огромном фактическом материале якутского языка формы наклонений интерпретируются Евдокией Иннокентьевной как система глагольных форм, выражающих категорию модальности. Границы и содержание наклонений значительно расширены по сравнению с предыдущими исследованиями по якутскому языку. В работе выявлено и описано 10 «самостоятельных форм глагольного наклонения, которые отличаются друг от друга своими морфологическими показателями и модальной семантикой». Причем соотношение наклонения и времени в работе вынесено автором в качестве самостоятельной научной проблемы. Отмечена тесная связь этих категорий, предположительно, обусловленная «их былой генети-

ческой общностью», – в основе форм наклонения и времен глагола лежат одни и те же причастные формы [Данилова, 2012, с. 92]. Установлено, что «наклонения в современном якутском языке показывают различную степень связи с грамматической категорией времени, что в свою очередь объясняется различием модальности, выражаемой каждой из них» [Там же]. Кроме того, в семантическом содержании многих временных форм изъявительного наклонения Евдокия Иннокентьевна выявила наличие различных видовых значений, что подтверждает бытующее в тюркологической среде мнение о первичности видовой семантики в формах времени.

Монография «Наклонения глагола в якутском языке» [1970] является фундаментальным научным трудом Е.И. Коркиной, получившим безусловное признание международного тюркологического научного сообщества. В этой работе нашли отражение все исторические предпосылки и основополагающие теоретические положения всех последующих ее научных исследований. В настоящее время монография Е.И. Коркиной о наклонениях служит точным ориентиром в изучении грамматической системы глагола в якутском языке.

В научной деятельности Е.И. Коркиной глагол занимает особое место. И то, что Евдокия Иннокентьевна обратилась к изучению глагольных лично-отнесенных модальных конструкций и деепричастий, продиктовано, очевидно, стремлением охватить как можно шире такую архисложную составляющую якутской грамматики, как глагол, характеризующийся разветвленной грамматической структурой и сложной семантической организацией.

Проблема глагольных лично-отнесенных конструкций, представляющих собой четыре типа глагольных аналитических форм, передающих «отношение действия к действительности с точки зрения говорящего лица», как тема специального исследования, была обозначена еще в процессе работы над наклонениями глагола и является естественным продолжением исследования средств выражения модальности [Там же, с. 31]. В якутском языкознании это явление рассматривалось Е.И. Коркиной как самостоятельная проблема впервые.

Глагольные лично-отнесенные конструкции, выраженные сочетанием причастия со вспомо-

гательными или модальными глаголами или частицами, находятся на разных ступенях грамматикализации. Из них перешедшими в разряд грамматических форм Е.И. Коркина считает аналитические конструкции в составе причастий с глаголом *буол-*. За последними в тюркологии закрепилось название «перифрастические формы глагола», которые, в отличие от форм якутского языка, рассматриваются, прежде всего, как средство выражения видовых (аспектуальных) значений. В соответствии с принятой установкой, наряду с другими типами конструкций, перифрастические формы глагола Евдокия Иннокентьевна осмысливает с точки зрения их модального содержания. Вместе с тем она отмечает, что этим формам «свойственно выражать и другие значения» [Коркина, 1979], подразумевая, в том числе, и наличие в них видовых (аспектуальных) значений, что легко обнаруживается при специальном исследовании конструкций (см.: [Попова, 2012]). Что касается других типов сочетаний и их модальных значений, выявленных в работе, то существенная семантическая нагрузка в них, как нам представляется, приходится на собственно модальную частицу.

Цикл работ Е.И. Коркиной, посвященных изучению системы глагольных категорий и форм, завершает ее монография «Деепричастия в якутском языке» [1985], в которой представлен полный функционально-семантический анализ одной из трех функциональных форм глагола. Сведения о деепричастиях, содержащиеся практически во всех предшествующих грамматических исследованиях по якутскому языку, нашли здесь глубокое обобщающее развитие. Значительно расширен круг глагольных форм, представляемых в виде деепричастий. Кроме традиционных четырех, Евдокия Иннокентьевна рассматривает как деепричастия дополнительно еще шесть форм, в том числе отрицательные формы деепричастий и отпричастные образования, которые в якутоведческих работах до нее рассматривались как падежные формы причастий. По времени их возникновения, ориентируясь на другие тюркские языки, она впервые в якутском языкознании подразделяет деепричастия на первичные и вторичные, внося тем самым свой личный вклад в изучение исторического развития системы тюркского глагола.

Традиционно во всех языках, в том числе и тюркских, деепричастия относятся к разряду неизменяемых форм глагола. Как убедительно показала Е.И. Коркина, отличительной чертой якутских деепричастий является их способность принимать личные аффиксы. При этом они не уподобляются финитному глаголу, выражающему абсолютное грамматическое время, а сохраняют свое свойство указывать на относительное время совершения выражаемого их глагольной основой действия.

Другим существенным, отличительным признаком якутских деепричастий является функциональная способность некоторых из них выступать в синтаксической роли определения, что, предположительно, обусловлено причастным происхождением этих форм.

Анализируя деепричастия под историческим углом зрения, Евдокия Иннокентьевна обнаружила, что часть деепричастных форм имеет тюркское происхождение, часть признается заимствованиями из монгольского языка, а часть является образованием, возникшим на собственно якутской почве.

Сказанное выше убеждает нас в том, что язык как любой живой организм под влиянием различных экстра- и интралингвистических факторов находится в состоянии непрерывного развития, меняя свой вид и свойства. Это обстоятельство наиболее яркое отражение находит в словарном составе языка, что, как правило, фиксируется в словарях [Русско-якутский словарь, 1968; Якутско-русский словарь, 1972; Большой толковый словарь ..., 2004–2016]. Якутская лексикографическая традиция, начиная с якутско-немецкого словаря О.Н. Бётлингга, имеет богатую историю, в которой свой заметный след как автор-составитель и редактор оставила и Е.И. Коркина [Дьячковский, 2012, с. 78–81].

Евдокия Иннокентьевна обладала всеми теми знаниями, умениями и качествами, которые предъявляются временем и уровнем развития науки к участнику современной лексикографической практики. Ей были присущи тонкое языковое чутье, строгий алгоритм организации словарной статьи, широкая лингвистическая эрудиция и т.д. Вся ее лексикографическая деятельность свидетельствует о том, что она придерживалась основного принципа словарной работы, который заключался в признании систем-

ности связи лексики с грамматикой, стилистикой, семантикой, этимологией, фонологией и т.д.

Начало научного пути Е.И. Коркиной совпало с периодом фронтального систематического сбора диалектологического материала, предпринятого Институтом языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР в 50-е гг. XX в. Формирование этого направления в Институте было обусловлено нуждами орфографии, потребовавшими «учета распространенности основных диалектных расхождений» [Убрятова, 2011, с. 38], и проводилось в рамках плановой деятельности Института. Представляется, что Л.Н. Харитонов, как руководитель языкового подразделения Института, где разрабатывались актуальные, в том числе и прикладные, вопросы якутского языка, привлек свою аспирантку к этой важной работе, которую Евдокии Иннокентьевне пришлось совмещать с подготовкой кандидатской диссертации и весьма успешно. Она была участницей экспедиций в Момский, Булунский и Оленекский районы Якутии, по которым были составлены описания особенностей местных говоров, хранящиеся в рукописи и использованные впоследствии в монографическом исследовании северо-восточной диалектной зоны, отчасти опубликованные в свое время и в виде небольших научных статей.

Между приобщением Е.И. Коркиной к диалектологической работе и серьезным фундаментальным изучением и монографическим описанием одной из четырех диалектных зон якутского языка пролегал значительный временной интервал, на протяжении которого Евдокия Иннокентьевна завершила все свои основные грамматические исследования. Вновь возникший у нее интерес и возвращение к изучению говоров были продиктованы необходимостью составления сводных карт для разработки «Диалектологического атласа якутского языка» и дополнительного тома «Диалектологического словаря якутского языка», с учетом ее предыдущего опыта диалектологической работы по данному региону.

Результатом предпринятых в 80-х гг. XX в. контрольных экспедиционных поездок по колымским и индигирским районам и исследования колымского, индигирского, оймьконского, саккырырского и усть-янского говоров, составляющих северо-восточную диалектную зону, явилась монография Е.И. Коркиной. Собранный и система-

тизированный материал, как и планировалось, вошел в «Диалектологический атлас якутского языка» [2004] и дополнительный том «Диалектологического словаря якутского языка» [1995].

Особенности северо-восточной диалектной зоны выявлены Евдокией Иннокентьевной на основе тонкого наблюдения и скрупулезного анализа материала на разных уровнях языка: фонетики, грамматики и лексики, и внесли заметный вклад в научную интерпретацию природы таких фонетических явлений, как оканье-аканье, архаическая дифтонгизация ауслутных долгих гласных основ глагола и др. Интересные наблюдения сделаны в области морфологии грамматических категорий глагола: наклонений и залоговой формы.

Лексические особенности говоров изучаемой диалектной зоны, как определяет исследователь, обусловлены спецификой природы той или иной местности, ее ландшафта, флоры и фауны, особенностями ведения хозяйственной деятельности в условиях Севера. По историческому составу лексика диалектной зоны характеризуется наличием исконно тюркских слов, монгольских и тунгусских параллелей, заимствований из языка местных русских старожилов, юкагиров и чукчей, также территориально закрепленных лексических диалектизмов [Иванов, 2012, с. 69]

В целом характерной особенностью исследованной зоны, как отмечает автор, является содержание в ней многих архаических черт во всех областях языка и большого количества элементов, заимствованных из той или иной иноязычной среды, в которой она формировалась [Коркина, 1992, с. 260].

Обобщенный Евдокией Иннокентьевной диалектный материал и предложенное ею научное осмысление его можно рассматривать как практическую реализацию идеи Е.И. Убрятовой о правомерности использования данных территориальных диалектов в качестве одного из важных источников в сравнительно-исторических исследованиях языка, проливающих свет на проблему происхождения языка и народа.

На основании изложенного правомерно сказать, что Е.И. Коркина так же, как и все ее предшественники, творческое наследие которых послужило для нее необходимой плодотворной основой, и в соответствии с научными идеями Л.Н. Харитонова, претворявшимися в трудах

его учеников П.А. Слепцова, Н.Е. Петрова, П.С. Афанасьева, М.С. Воронкина, во всех своих научных изысканиях особое внимание обращала на функциональный аспект изучаемого языкового объекта. Красной нитью через все работы Евдокии Иннокентьевны проходит идея о функциональном назначении каждого языкового элемента на разных уровнях языка, будь то грамматика, лексика и даже диалектология. Например, говоря о наклонении как о грамматической категории глагола, она обнаруживала в ней весь спектр присущих ей функциональных значений типа модальность, темпоральность, аспектуальность, которые закономерно должны были получить развитие в самостоятельных специальных исследованиях. В настоящее время мы имеем возможность наблюдать реализацию ее перспективных замыслов в том направлении, которое успешно разрабатывается в рамках научного проекта Института «Функционально-семантические исследования якутского языка».

Научное наследие Евдокии Иннокентьевны представляет собой достойный вклад в золотой фонд не только якутского языкознания, но и тюркологии в целом, который дает импульс к возникновению и развитию новых идей и является уникальным образцом служения выбранному делу.

Литература

Большой толковый словарь якутского языка: в 13 т. – 2004–2016. – Новосибирск: Наука, 2004–2016.

Данилова Н.И. Система временных форм якутского глагола в функциональном аспекте // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. – 2012. – № 2(5). – С. 90–97.

Диалектологический атлас якутского языка. – Якутск, 2004. – 128 с.

Диалектологический словарь якутского языка (доп. том). – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М., 1948. – 276 с.

Дьячковский Ф.Н. Е.И. Коркина – лексикограф и лексиколог // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. – 2012. – № 2 (5). – С. 78–81.

Иванов С.А. Роль Е.И. Коркиной в изучении якутской диалектологии // Там же. – С. 64–70.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.

Коркина Е.И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. – Якутск, 1979. – 96 с.

Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 205 с.

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 270 с.

Коркина Е.И. Коротко о прожитой жизни. – Якутск, 2000. – 120 с.

Попова Н.И. Перифрастическая форма *ар/бат буол* в якутском языке: аспектуальная семантика // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. – 2012. – №2(5). – С. 86–90.

Русско-якутский словарь / под ред. П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитоновна. – М.: Сов. энцикл., 1968. – 720 с.

Убрятова Е.И. Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. – Новосибирск, 2011. – 282 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. I. Простое предложение. – М.; Л., 1950. – 304 с.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение: – Ч. I–II. – Новосибирск: Наука, 1976. – 380 с.

Широбокова Н.Н. Елизавета Ивановна Убрятова // *Е.И. Убрятова / Избр. труды. Исследования по синтаксису якутского языка*. – Новосибирск: Наука, 2006.

Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 606 с.

N.I. Popova, N.I. Danilova

The Scientific Heritage of E.I. Korkina: Origins, Achieved, Projection to the Future

In 2012, when the scientific community of Yakutia celebrated the 95th anniversary of Evdokiya Innokentievna, the journal “North-Eastern Journal of Humanities”, in №. 2/5, devoted a traditional column on Philology has dedicated a significant amount and content of material, which presented an analysis of the most significant scientific achievements of E.I. Korkina in terms of modern linguistics. Taking into account previously published in the article the authors try to comprehend the scientific heritage of his elder colleagues, tracing the historical origins of its scientific views, reflecting on the results of specific research and trying to project them into the present.

Keywords: verb, grammatical categories, moods, modality, dialectology, lexicography.

А.М. Николаева

Труды профессора Е.И. Коркиной как ориентир для дальнейших научных изысканий по лексикологии якутского языка

В статье на материале монографии Е.И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» [1992], где рассматриваются лексические особенности колымского, индигирского, оймьяконского, саккырырского и усть-янского говоров якутского языка, проводится лексико-семантический анализ диалектизмов с использованием этимологических данных; описываются парадигматические отношения между диалектными и литературными словами. Предпринята попытка доказать, что данный труд представляет собой уникальный материал не только по диалектологии, но и по этимологии и исторической лексике якутского языка. В нем зафиксировано значительное количество диалектных слов, неизвестных в литературном языке, образных и экспрессивных слов, архаизмов, заимствованных слов. Материалы книги могут быть полезны и для современной терминологии, лексикографии якутского языка. Труды Е.И. Коркиной по теоретической обоснованности, глубине проработки материала и масштабности разноаспектного рассмотрения являются образцом для современных исследователей-языковедов. Они отличаются богатством материала, последовательностью изложения, новизной методик, оригинальностью, одновременно простотой и доступностью для понимания, вносят серьезный вклад в развитие якутской лексикологии и лексикографии и служат ориентиром для дальнейших научных изысканий.

Ключевые слова: якутский язык, лексика, диалектология, лексикография, терминология, этимология, тюркские языки, монголизмы, словообразование, парадигматические отношения.

Первый доктор филологических наук из женщин-якуток, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Евдокия Иннокентьевна Коркина проявила себя практически во всех направлениях филологической науки. Она широко известна в научных кругах как ученый-грамматист, лексиколог, лексикограф, диалектолог, фонетист, этимолог, этнограф, редактор, публицист и переводчик. Редчайшим исследовательским талантом, преданностью родному языку, трудолюбием она всегда будет являться образцовым примером для служителей науки.

Е.И. Коркина оставила своему народу, а также тюркской и якутской гуманитарной науке огромное наследие. С теплотой и гордостью отзываются о Е.И. Коркиной имевшие счастье общаться с ней при жизни коллеги, соратники, ученики, родственники. Из книги «Преклоняясь перед ее светлой памятью» [2012], изданной к 95-летию Евдокии Иннокентьевны, создается впечатление о ней не только как о выдающемся ученом, талантливом организаторе, но и как о замечательном человеке, мудрой женщине. Она была честной и справедливой, скромной и великодушной – поистине яркой представительни-

цей якутской интеллигенции. Велика роль ее личности и в общественной жизни Якутии, она заслуженно пользовалась народным уважением, авторитетом и почтением.

Е.И. Коркина – автор фундаментальных монографий [1970; 1979; 1985; 1992], соавтор крупных академических изданий [Грамматика современного..., 1982, Современный якутский язык..., 2009], одна из составителей «Якутско-русского словаря» [1972], ведущий составитель многотомного академического «Большого толкового словаря якутского языка». Она – талантливый диалектолог и этимолог. Ее труд «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» [1992] был использован при составлении «Русского этимологического словаря» [2007], который является продолжением «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера [1964–1973], содержит диалектную и историческую лексику русского языка и отражает его взаимоотношения с другими языками Евразии.

Книги и статьи Е.И. Коркиной о первом якутском лингвисте С.А. Новгородове, о народной артистке Якутии А.И. Егоровой, о председателе Президиума Верховного Совета

ЯАССР А.Я. Овчинниковой, многочисленные статьи о выдающихся языковедах, фольклористах раскрывают ее как историка, краеведа, публициста, как мастера эпистолярного и мемуарного жанров, этнографа, знатока фольклорных традиций. Переводы с русского на якутский язык по самым различным темам (политика – перевод конституции СССР, общество, сельское хозяйство и т.п.) позволяют оценить ее как профессионального переводчика. Она занималась также орфографией и терминологией [1963], известна как тонкий знаток якутской литературы. В частности, она руководила подготовкой к печати трудов классиков якутской литературы [Ойунский, 1975; Кулаковский, 1978].

Неоценим вклад Е.И. Коркиной в исследование тюркского и родного якутского языка, в развитие якутского языкознания как науки. Ее фундаментальные монографии получили признание отечественных и мировых ученых. Труды Евдокии Иннокентьевны по диалектологии заслуживают отдельного внимания. Книга «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» [1992] по своей структуре, новизне методик, последовательности и оригинальности изложения и в то же время простоте и доступности для восприятия ее содержания является образцом для современных исследователей по языкознанию. Работа посвящена систематическому описанию особенностей одной из четырех диалектных зон якутского языка – северо-восточной, которая до сих пор хранит многие архаические черты во всех областях языка. Рассмотрены фонетические, грамматические и лексические особенности входящих в данную зону говоров – колымского, индигирского, оймьяконского, саккырырского и усть-янского. Книга содержит пять глав, посвященных пяти говорам, в каждой главе по три параграфа, отражающие соответственно фонетику, грамматику, лексику говоров. Фонетические и грамматические особенности данных говоров, выявленные Е.И. Коркиной в этой книге, были проанализированы С.А. Ивановым [2012]. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть лексические особенности данных говоров и, опираясь на ценные наблюдения и разработки автора, провести этимологический, лексико-семантический анализ отдельных лексем. В книге лексика каждого говора рассматривается в следующем порядке: 1) лексические

диалектизмы; 2) диалектные слова, заимствованные из русского языка; 3) диалектные слова, заимствованные из языков северных народностей; 4) слова-архаизмы; 5) семантические диалектизмы. Все диалектные слова представлены по тематическим группам (природные явления, ландшафт, почва, растительность, домашнее животноводство, звери, охота, рыба, рыболовство, птицы, насекомые, человек, одежда, болезни, непредметная лексика, внешние признаки, внутреннее качественное состояние), а также разделены по частям речи, что делает книгу весьма удобной в применении. Такое расположение лексем позволяет использовать их и опираться на них в лингвокультурологических исследованиях, при концептуальном, историко-составительном анализе, стилистической интерпретации и т.п. Каждому диалектному слову автор дает лексикографическое описание, толкование и приводит примеры на якутском и русском языках. Затем идет этимологическая справка. Таким образом, каждое диалектное слово, зафиксированное в книге, представляет собой «полноценную пищу» для проведения **этимологического анализа**. Возьмем самое первое слово *алыы*: «*Алыы* (кол., инд., ойм., сакк., у.-ян.) ‘поляна, долина посреди леса, заросшая кустарником, травой’. *Кырынаас күһүн киэн алыылардаах сирдэрэ, хаар чараас сиргэр баар буолар*. ‘Горностаи обычно обитает на широких полянах при неглубоком снеге’. Тув. *alrur* ‘широкий, просторный’, шор. *alyr* ‘обширный, пространный’» [Коркина, 1992, с. 65]. Толкование данного слова находим и в «Большом толковом словаре якутского языка» (далее – БТСЯЯ): «АЛЫЫ. Узкая, длинная речная долина, поросшая кочкарником, кустарником, молодыми березками» [БТСЯЯ, т. 1, 2004, с. 687]. Как видно, толкования в основном совпадают, но отметим, что слово *алар* в литературном языке используется редко и, видимо, поэтому оно было отнесено к диалектной лексике. Предпочтительным вариантом в литературном языке (особенно в художественной речи) является слово *алар*, имеющее общую основу со словом *алыы* и идентичное значение: «АЛАР I. 1. Лесок на открытом месте, роща. 2. Редкий лес в долине реки (*обычно березовый, сосновый, чаще всего молодой*)» [Там же, с. 643]. В «Этимологическом словаре якутского языка» находим: «АЛАР

1. Лесок в открытом месте. 2. Молодой сосняк, редкий сосновый лес. 3. Подгорная опушка соснового бора. Есть мнение, что якут. *алар* образовано от бур. *арал*. *Алар, арал* возводят к *ар-отделять*» [ЭСЯЯ, т. 1, 2003, с. 68]. Корни *ал-* и *ар-* означают 'отдельный, отличающийся, раздельный (разделяющий)'. В древнетюркском языке *ар* означает 'разъединить'. Видимо, поэтому якутские слова с корнями *ал-* и *ар-*, такие, как *араар, арыы, алаас, алыы, алар*, имеют в своей семантике компонент, обозначающий «отдельный, отличающийся посреди чего-л.»: «АРЫЫ I. 1. Остров. 2. Участок, выделяющийся чем-л. среди остальной местности (*напр., недоскошенный участок покосного угодия, недоспаханный участок пашни*)» [БТСЯЯ т. 1, 2004, с. 633]; «АЛААС I. Алас, чистое поле или луг, окруженное лесом; чистая поляна среди леса, поле или луг, окруженные лесом (*обычно с озерком посередине*). 2. *геогр.* Аласы, плоские понижения в районах распространения многолетнемерзлых горных пород, образующиеся в результате протаивания и просадки грунта» [Там же, с. 828]. При толковании слова *алар* привлечено слово *арыы* 'остров': «АЛАР. Арыы тыа; сыһыыга үүммүт бөлөх мас» [Там же, с. 643].

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» [2001] (далее – СИГТЯ) слову *арыы* дано следующее описание: «**Аруу.** др.-уйг., хак., тув., тоф., як. *аруу*, долг. *ару*. Значения: а) лес (др.-уйг., тув.); б) роща, чаща (тоф., як.); в) отдельно стоящий лесок (як.); г) остров (як., долг.). М. Ряснен приводит ту же форму *аруу*» [СИГТЯ, 2001, с. 110].

Почти во всех сказаниях-олонхо к западу от места жительства богатыря эпического племени айыы простирается Араат-байбал – море, в чьи величавые волны опускается дневное светило. Как известно, предки якутов жили на территории Средней Азии. П.А. Ойунский пишет: «Если проследить богатырский эпос якутов, хотя бы в образцах, изданных Академией наук, то везде устанавливаются следующие данные: *Арлы бабал* или *Араат-байбал*, т.е. Аральское море, причем указывается, что предки якутов жили на восточных берегах Аральского моря» [Ойунский, 1993, с. 45]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера смотрим: «Аральское море. Соотв. чагат. *Aral dānizi*, калм. *Arl nūr*. В чагат., каз., кирг. *aral* – это ивовые за-

росли, остров в реке, поросший кустарником. Калм. *arl* остров, монг. *aral* остров. См. Рамстедт 14, Радлов 1, 252» [ЭСРЯ, 2004, с. 112]. Кстати, слово *араат* присутствует в индигирском говоре и означает 'протока': «*Араат* (инд.) 'протока'» [Коркина, 1992, с. 149]. Итак, мы выяснили, что якутские слова *алар, алыы, алаас, арыы* происходят от общего корня *ал-* (*ар-*), который означает «отдельный, отличающийся, раздельный (разделяющий)». Таким образом, краткое толкование диалектизма и этимологическая справка, данные Е.И. Коркиной, позволили нам провести дальнейший семантический и этимологический анализ лексемы.

В работе «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» отражены **словообразовательные возможности** аффиксов. В диалектах наблюдается образование слов с помощью общеякутских аффиксов, но примененных не совсем привычно для якутского языка. Об этом Е.И. Коркина пишет следующее: «В числе диалектизмов много слов, образованных с помощью общеякутских словообразовательных средств. Такими являются глаголы *аһылыктаа* (соответствует общеякутскому *аһаа* 'питаться, кормиться'); *дьаһаллаа* (вместо литературного *дьаһай* 'распоряжаться'); *хаайыылаа* (вместо литературного *хаай* 'арестовать, заключить под стражу') и т.п.» [Коркина, 1992, с. 90]. Рассмотрим, например, слово *дьарыктаа*: «*Дьарыктаа* (кол.) 'заниматься чем-л., упражняться в чем-л.' *Мин оннук дьарыктаабатах киһибин.* 'Я никогда не занимался подобным делом'» [Там же, с. 84]. В литературном языке *дьарыктаа* означает 'тренировать кого-л.' А значение диалектного слова *дьарыктаа* в якутском литературном языке передается как (*оннугунан*) *дьарыктаммаппын, дьарыгырбаппын, (оннук) дьарыгым суох* 'я не занимаюсь этим, не имею привычки'. «*Аһылыктаа* (кол., инд., ойм., сакк., у-ян.) соответствует якутскому *аһаа* 'питаться, кормиться'. *Кус бэркэ түһэр, аһылыктыыр сиригэр киридилэр.* 'Они спустились к месту, где утка хорошо садится, кормится'. *Аһылыктыы бардахтарына, кыайан көстүбэттэр* 'когда они уходят кормиться, их не бывает видно'» [Там же, с. 83]. По приведенным к данному слову примерам можно предположить, что слово *аһылыктаа* более применимо относительно птиц или животных в значении 'собирать, нахо-

дить пищу, еду для себя', подобно формам лексем *отонноо*, *балыктаа*, *тэллэйдээ* и т.п. Есть также диалектизм *сөтөллөө*: «Сөтөллөө (кол., инд., верх., сакк.). Соответствует якутскому *сөтөлүн* 'кашлять'» [Там же, с. 85]. В якутском *сөтөлүн* наблюдается форма возвратного залога (-ын), как и в словах *ыгылын* 'тужиться' *ыйыһын* 'глотать', *ытырдын*, 'чихать', *сынаабырдын* 'зевать'. Слова *чихать*, *зевать* в якутском языке могут иметь форму и побудительного залога: *ытырт*, *сынаабырт*. Заметим, что все эти слова означают физиологический акт. Но слово *силлээ* 'плевать' – тоже из этой группы, употребляется в якутском языке в основном залоге, а вот в диалектах – всё в том же возвратном залоге: «*Офонньор силлэнэн-хаахтанан соһуйан уһугунна*. 'Старик, харкая-плюя (букв. на себя) проснулся напуганный'» [Там же, с. 142]. Форма возвратного залога в диалектах слишком часто применяется вместо форм основного залога: «*Хас сьл ахсын онно бултананын* 'Я ежегодно там охочусь'». Е.И. Коркина по этому поводу замечает: «Порой чересчур широкое употребление формы возвратного залога в говоре со стороны воспринимается как аномальное явление» [Там же, с. 142]. Хотя предположим, что это может быть объясняется следующим: диалектное *силлэн-хаахтан* имеет форму возвратного залога, как и подобные литературные формы *ыйыһын* 'глотать', *ытырдын*, 'чихать', *сынаабырдын* 'зевать'. А *бултан* – глагол, образованный от имени *булт* 'добыча'. Они только внешне имеют форму возвратного залога, как и слова *кинигэлэн*, *дьиэлэн*, т.е. в этих случаях аффикс возвратности *-ын*, (*-ан*, *-эн*) означает 'приобретать что-л.' Ср. слово *үөрэн* – 'учиться, приобретать знания' (монг. *ур* означает 'навык, мастерство' [МРС, 2013, с. 308]).

Материалы работы Е.И. Коркиной могут быть применены в терминологии. В диалектах много слов, образованных с помощью именных аффиксов. Например, посредством аффикса *-аат* образованы диалектные слова «*Хоноот* (кол., верх., сакк.) 'луг, поле, поляна'» [Там же, с. 66]; «*Тараат* (кол.) редколесье» [Там же, с. 68]. Они образованы от слов *хонуу* 'поле' и *тараа* 'расчесывать'. Этот аффикс широко применим в терминообразовании: *дойдунаат*, *модунаат* 'держава'. Можно отметить и слова, образованные посредством продуктивных теперь

терминообразующих аффиксов *-ык*, *-ыар*, *-бэ*, *-ыы* (-уу, -үү, -иу) *-һыт*, *-гэй*: «*Бааһык* (кол., инд., сакк., у.-ян.) 'дощатая перегородка между нарами в балагане'» [Там же, с. 69]; «*Мас кыстык* (кол., инд, верх., сакк.) 'место для рубки дров во дворе и место для складывания дров в доме'» [Там же, с. 69]; «*Хаалык* (кол., инд.) 'лыжная палка'» [Там же, с. 70]; «*Хаһылык* (кол., инд.) 'выбоина, затоптина, место, накопленное лошадей, оленем для доставания корма из-под снега'» [Там же, с. 72]; «*Ытыар* (кол., инд., ойм., верх., у.-ян.) 'лестница'» [Там же, с. 70]; «*Сүүрбэ* (кол.) 'канавка на полу хотона для стока мочи животных'» [Там же, с. 71]; «*Булуу* (кол., инд., у.-ян.) 'охота на пушного зверя', промысел [Там же, с. 72]; «*Булууһут* (кол., инд., у.-ян.) 'промысловик, охотник на пушного зверя'» [Там же, с. 72]; «*Омуруйуу* (инд., ойм.) 'отдых, перерыв во время страдной работы'» [Там же, с. 156]; «*Тэбэгэй* (кол.) 'надкопытная шерсть на ногах животных'» [Там же, с. 71]. Они образованы от слов *бас* 'голова', *кыстаа* 'складывать', *хаал* 'оставаться', *хас* 'копать', *ытын* 'подниматься', *сүүр* 'течь', *бул* 'находить', *омуруй* 'глотать'. Некоторые из этих слов вполне можно перенять в качестве термина, например, *ытыар* 'лестница'. А слово *хаалык* уже обосновалось в якутском языке. Как известно, сейчас многие увлекаются скандинавской ходьбой и палку для этой ходьбы называют *хаалык*, а скандинавскую ходьбу – *хаалыктаах хаамыы*.

В говорах северо-восточной диалектной зоны якутского языка мы обнаруживаем много слов-названий, связанных с северной природой, ландшафтом, флорой и фауной, спецификой ведения хозяйства. Они вполне могут быть применены при составлении терминологических словарей. Например, *чыыбабы* 'северная разновидность хвоща', *дьахтар талаба* 'ольха кустарниковая', *эр киһи талаба* 'разновидность кустарниково-тальниковых', *кыыча* 'двухгодовалая важенка', *хорой* 'двухлетний олень-самец', *үөнгэс* 'трехгодовалый олень-самец', *бьсаһар* 'двухгодовалая важенка-лосиха', *ойуһар* 'трехгодовалый лось-самец', *синньэ* 'подшейная шерсть оленя', *өргөс* 'рог, отростки рога', *сойуо* 'когти зверя', *ураах* 'лосиная подчелюстная шерсть, борода', *атахсыт* 'копытница, болезнь копыт у оленей', *кутуйа* 'желудок скота', *тээкэт* 'розовая чайка', *ийэ үөс* 'главное

русло, фарватер реки', *кун утуйуута* 'полярная ночь', *күрбэ хайа* 'гора вдоль берега реки', *соһоһ хайа* 'земляная гора', *сирэй хайа* 'гора с обращенным к югу склоном' и т.п.

Диалектизмы могут быть применены при лексико-семантическом анализе. Во многих диалектизмах наблюдается семантическая связь с лексемами из литературного языка, например: «*Куйах* (кол.) 'разновидность сушеной (вяленой) рыбы'» [Коркина, 1992, с. 73]. В литературном языке *куйах* – это панцирь, кольчуга. «*Хах* (кол.) 'разновидность вяленой рыбы'» [Там же, с. 74]. В литературном языке: «ХАХ. Наружная оболочка *чего-л.*, скорлупа (*яичная*), кожура (*напр., картофельная*), кора» [БТСЯЯ, т. 13, 2015, с. 484]. Здесь семантическая связь заключается в том, что когда рыбу вялят, она становится твердой и сухой, как панцирь или кожура; «*Кэлимсэ* (кол., инд.) 'замороженная масса, глыба рыбы'» [Коркина, 1992, с. 73]. Ср.: «КЭЛИМСЭ 1. Глыба, сплошная, цельная масса *чего-л.* 2. 1. Нераздельный, цельный, сплошной. 2. Сплошной, всеобщий, полный. 3. Сплошь, целиком» [БТСЯЯ, т. 13, 2015, с. 484]; «*Бүдүмнээ* (инд.) 'разведывать, узнавать, выяснять, определять'» [Коркина, 1992, с. 159]. Ср.: «*Бүдүкбадык* сумерки, сумеречный, смутный» [ЯРС, 1972, с. 59]; «*Куттаах* (сакк.) 'добрый душевный (человек)'» [Коркина, 1992, с. 216]. Ср.: «КУТ II. Психическая сфера человека, стойкость его духовного и телесного состояния, жизнеспособности, душа. Кут состоит из трех частей: земля-душа, воздух-душа, мать-душа. Только при наличии всех трех элементов души человек чувствует себя здоровым, при временном отсутствии одного из них (*напр., при сильном испуге может отлететь воздух-душа*) человек испытывает недомогание» [БТСЯЯ, т. 4, 2007, с. 581].

Рассмотрим диалектизм *орун*: «*Орун* (кол., инд., верх., сакк., у.-ян.). Нары, место. *Старухины нары на левой стороне, стариковы нары – на правой*» [Коркина, 1992, с. 69]. В литературном языке это слово тоже означает место, ложе: «ОРУН. Место (*занимаемое кем-, чем-л. или ранее занятое кем-, чем-л.*). *Бугул онно. Отуу онно. Баас онно.* 2. Орон, утуйар миэстэ Спальное место, ложе. *Оннум түннүк анныгар турар*». Как видно из примеров, в литературном языке употребляется его краткая форма: *онно*,

оннута, оннум. От этой формы образовано местоимение *оннугар* 'вместо'. Полная форма *орун* в литературном языке употребляется лишь в составе глагола, прилагательного, причастия и имеет несколько иное, но семантически связанное с диалектным *орун* 'нары, место' значение 'основа, основательный': «ОРУННАА. Обосновать, ОРУННААХ. Имеющий основание, реальную почву под собой; резонный. ОРУННААХ-ТЫК. Основательно; подробно» [БТСЯЯ, т. 7, 2010, с. 343].

Интересной лексемой является и диалектизм *өйүүн* со значением 'век, время, будущее': «*Өйүүн* (кол. инд., у.-ян., сакк.) 'время, век, будущность'. *Мин өйүүммэр оннук этэ.* 'В мой век так было'. *Төрүүр оёолор бары өйүүнү көрүөхтэрэ.* 'Вновь рождающиеся дети увидят всю будущность'. Алт. *өй* 'время, пора, срок'. Тув. *өй* 'момент, время, сезон» [Коркина, 1992, с. 78]. *Өйүүн* в якутском литературном языке указывает тоже время – время послезавтрашнее, т.е. будущее время. Основы *өй-* и *үй-* означают очень большой промежуток времени. Отсюда и якутское *үйэ* 'век'. Монгольское слово *уе* означает 'цикл' [МРС, 2013, с. 308]. В якутском языке достаточно много лексем с формантом *-ын* (*-ун*), обозначающих определенное время, например, *сарсын, өйүүн, сайын, кыһын, күһүн, кэлин, билигин*. Некоторые слова, относящиеся к категории времени, раньше были составными: *сарсыарда – сарсын эрдэ, быйыл – бу сыл, эһил – кэлэр сыл, бөлүүн – бу түүн*. Слово *баарын* 'недавно', которое опять же относится к категории времени, тоже интересно по этимологии и содержанию. Литературным вариантом считают *маабын*: «МААБЫН. Недавно (*случившийся в течение дня*)». Вероятнее всего, слово *баарын* состоит из основы *баар* (о времени, которое есть сейчас, т.е. настоящее время (от этого еще одно значение слова *баар*: 'есть')) и форманта *-ын*, который означает до 'иннинэ': *баар+иннинэ=баарын*, т.е. 'до настоящего времени, недавно'. В северных диалектах встречается слово *баары – баары киһи* (о том человеке, который был или упоминался недавно). Слово *баары* может быть краткой разговорной формой слова *баарынны*. *Баарынны*, в свою очередь, образовано в результате сокращения *баар иннинээһи* – «тот (то), который был, упоминался недавно». Причем, в северных диалектах гово-

рят так не только о том, кто (что) был в течение дня (как в якутском), но и о том, кто вообще упоминался или был до настоящего времени.

Названия небесных тел всегда вызывают интерес лексикологов. Древние (устаревшие) названия сохранились в диалектах. Например, в работе Е.И. Коркиной зафиксировано слово Кэндингэ: «Кэндингэ (Кэндэнгэ), Кэндингэ быата (инд.) ‘три звезды, сближающиеся по одному ряду на восточной стороне небосклона перед рассветом’» [Коркина, 1992, с. 150]. Планеты – это и есть звезды, они светят ярче. Таким звездам (планетам) наши предки давали имена. П.А. Ойунский термин *планета* переводит как *чолбон*: «Планета – пыланьыата, чолбон» [Ойунский, 1993, с. 302]. Якутские названия небесных тел до сих пор не определены точно, также не упорядочены и якутские термины по астрономии. Более или менее известны названия планет: *Хатааһын чолбоно* или *Кыһыл сулус* ‘Марс’, *Дьэллэнгэ*, *Сандаба чолбон* ‘Венера’, *Сэндэли* ‘Сатурн’, *Мэндэнгэ* ‘Меркурий’, названия звезд: *Күн* ‘Солнце’, *Үргэл* ‘Плеяды’, *Арангас сулус* ‘Большая Медведица’, *Тонус арангаһа* ‘Малая Медведица’, другие термины: *сывдыыс* ‘метеор’, *аргыс* ‘спутник’, *Халлаан сиигэ* ‘Млечный Путь’ (Халлаан уолун хайыһарын суола (образн.)), *халлаан оройо* ‘зенит’, *Дьүкээбил* ‘Северное сияние’, *Куйаар* ‘Вселенная’ и т.п. Якуты и северные люди в старину по небесным светилам, по их расположению, изменению предсказывали погоду, всегда ориентировались по ним, а также определяли время, поэтому в якутском языке закрепились такие выражения, как *тын хатыыта* ‘первая заря’, *күн тахсыыта* ‘восход солнца’, *күн оройо* ‘полдень’, *күн дьааһыйан эрдэбинэ* (букв. ‘когда солнце начинает зевать’), *им сүтүүтэ* ‘заря гаснет’, *күн тиит баһыгар тахсыыта* ‘когда солнце поднимается над лесом’ и т.п. Можем предположить, что *кэндингэ быата тахсыыта* – из этой категории. К данному слову Е.И. Коркина приводит следующие примеры: «Кэндингэ быата тахсыбыт, турар кэм буолла. ‘Три звезды на востоке небосклона сблизились – пора вставать’. Былыргы кырдыбаастар кэндэнгэ сулуһун быата уһаатабына (ус сулус ыраах-ыраах буоллабына) дьыл уһуур, оттон икки арда чугас-чугас буоллабына, дьыл эрдэ кэлэр диэн кэпсэтэллэрин истэрим. ‘Я слыхивал в старину, как стари-

ки разговаривали меж собой о том, что если расстояние между тремя звездами при их сближении остается значительным, то год запаздывает, если же оно сокращается, то весна наступает раньше обычного’. *Кэндингэ быата илин диэки эрэ көстөр, арбаа диэки көстүбэт*. ‘Троезвездие видно бывает только на восточной стороне небосклона, на западной оно не видно’» [Коркина, 1992, с. 150]. В Словаре Э.К. Пекарского слова *Кэндингэ*, *Кэндэнгэ* мы не обнаружили, а *Мэндэнгэ* переведено как Орионов пояс: «Мэндэнгэ=Мэндэни. Мэнэһиктээх Мэндэнгэ сулус. Орионов пояс (собств. Звезда Мэндэнгэ со спутниками). Новг.» [Пекарский, 1958, т. 2, стб. 1556]. В «Словаре терминов астрономии», составленном учителем школы № 14 г. Якутска П.А. Яковлевым [1998], *Мэндэнгэ* переведено как Меркурий. *Кэндэнгэ* может быть вариантом *Мэндэнгэ*. На восточном небосклоне по утрам ярко светит Венера (примерно с 6 часов). Венера, Меркурий и Сатурн выстраиваются утром в небольшую цепочку – троезвездие, которое, видимо, и называют *Кэндэнгэ быата*.

В работе Е.И. Коркиной можно выделить слова, которые могут вступить в **парадигматические отношения** с литературными словами. Одним из внутренних ресурсов обогащения лексической синонимии языка являются диалектизмы. Например, слово *тонобос* в колымском говоре означает ‘дятел’. Данное слово омонимично с литературным *тонобос* ‘позвоночник’ и синонимично с *тонсобой* ‘дятел’.

Рассмотрим диалектизм *отуу*: «*Отуу* (кол., верх., сакк., у.-ян.) ‘костер’. *Отуугун отун*. ‘Разожги костер’» [Коркина, 1992, с. 72]. Одно из значений полисемантического литературного слова *отуу* – ‘стоянка, место привала’: «ОТУУ. 1. Конусообразный шалаш, используемый, как временная стоянка охотниками или сенокосчиками. 2. Становище, стан, место привала, стоянки, ночевки. 3. *диал.* Огонь, разведенный в поле, костер» [БТСЯЯ, т. 7, 2010, с. 335]. В древнетюркских языках слово *от* ‘огонь’ является омонимичной лексемой и обозначает: «От I. Огонь, пламя; От II. Трава, зелень; От III. Лекарство; От IV. *Otqaraq*. Зрачок (в якутском языке *харах* означает ‘глаза’). *Оот-йалын*. ‘Огонь-пламя’, парное слово (в якутском языке *уот-дьалын* (уст.) ‘огонь-страсть’). *Оот йулдус*. ‘Марс’ (в якутском языке *сулус* означает ‘звез-

да'). *От абыбол.* 'Рвать и метать' (букв. 'становиться огнем и ядом'). *От субзыл.* 'Карать, подавлять, разорять' (букв. 'не делать огнем и водой')» [ДТС, 1969, с. 510]. И в современных тюркских языках огонь называется *от* или *оот*: алт. *от* 'огонь, жар'; хак., кирг. *от* 'огонь', тув. *от* 'огонь, очаг, свет', уйг. *от* 'огонь, пламя', карбалк. *от* 'огонь, пламя, жар, свет', монг. *odgan* (*отхан*) 'имя бога огня', бур. *odo* 'звезда', тат. *ут* 'огонь'. Видимо, от этого древнетюркского *от* 'огонь пламя' и произошло диалектное *отуу* (кол., верх., сакк., у.-ян.) 'костер'. В якутском языке *от* – это однозначно трава. Глагола *от* и существительного *от* в значении 'огонь' в якутском языке нет. Но есть глагол *отун*: *оһоххун отун* 'топить печь', *уотта отун* 'разжигать огонь (печь)' и существительное *оттук* 'топливо' (от+лук).

Диалектизмы различают на лексические и семантические. Лексические диалектизмы – это собственно говоризмы, которые отсутствуют в якутском литературном языке. А семантические диалектизмы – это слова, которые известны в литературном языке, но в говоре имеют другое значение. Например, слово *балабан* в литературном языке означает: «Балаган, якутская юрта в виде усеченной пирамиды, сооруженная из тонких стоячих бревен, поставленных одно к другому и опирающихся на раму из бревен, укрепленную на четырех столбах. Снаружи балаган обмазывали смесью из глины и навоза» [БТСЯЯ, т. 2, 2005, с.154]. А в индигирском говоре *балаганом* называют детскую колыбель, в вилюйском говоре – охотничью избушку, в бодайбинском – двускатный шалаш [ДСЯЯ, 1995, с. 47]. *Моойторук* в литературном языке является архаизмом и означает: «1. Меховой шарф. 2. Перен. Белая полоска вокруг шеи (обычно у собаки). Также есть составное слово, тоже архаизованное, *моойторук уобал* 'угол в лапу' (в рубленых домах)» [БТСЯЯ, т. 6, 2005, с. 241]. В мегинском говоре *моойторук дьизэ* 'дом с углами в лапу'; *мунха* – это невод, в верхоянском говоре – тесный загон для поимки лошади. Интересно также то, что слова, которые считаются архаизмами в литературном языке, до сих пор функционируют в некоторых диалектах в активной лексике и в том же значении. Например, слово *алаһа* 'родной дом, родной очаг, обитель' употребляется в высоком стиле, фольклоре. А

вот в нижнеколымском говоре северных якутов это слово используется в повседневной разговорной речи, имеет два значения: «1. Дом, домашний очаг. 2. Берлога медведя. В олекминском говоре *алаһа* также употребляется в обиходной речи и означает 'угловая спальная комната'». В колымском говоре *алаһа* означает: «Алаһа (дьизэ). 1. Родной очаг, дом, родное место (значение, совпадающее с литературным). 2. Неуютный, неудобный, запущенный, плохой (дополнительное диалектное значение)» [Коркина, 1992, с. 120]. Е.И. Коркина отмечает: «Причины расширения значения слов разные. Прежде всего, мы здесь имеем сохранение – консервацию в говоре из начальных значений слов, которые на сегодня утрачены в литературном языке. Возьмем слово *алаһа*. Оно известно во многих тюркских языках: *alacik* (тур.), *алачык* (тат.), *алачых* (хак.), *алачик* (башк.) и др. Его значение: 1. Шалаш, шатер (кирг., тат.); 2. Лачуга (каз., к-калп., башк.); 3. Сарай для сена (кум.). В рассматриваемом говоре явно сохранено это исконное общетюркское значение слова: некапитальное, неуютное, временное жилье, близкое к лачуге, шалашу. Современное литературное значение (родной очаг, родное место) приобретено словом, видимо, позднее, путем народно-поэтического его переосмысления. Причем, возникнув на почве центральных говоров языка, оно попало в колымский говор в более позднее время и в нем по отношению к вышеприведенному первоначальному значению является вторичным» [Там же, с. 122]. Также Е.И. Коркина отмечает, что «в окраинных говорах якутского языка группы слов, представляющих сегодня для якутского литературного языка архаизмы и архаизирующие слова, продолжают иметь живое, активное употребление» [Там же, 1992, с. 64].

Работа Е.И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» представляет интерес и для якутской **лексикографии**. Так, этимологические справки представляют собой ценный материал для составления, например, монгольско-якутского словаря: *одьолуун ийэ* (инд., ойм.) 'мачеха' – монг. *оҗолүн* 'любовница'; *чалкы* (кол.) 'бельмо в глазу' – монг. *жалхал* 'бельмо'; *агый* (кол.) 'мелкая хозяйственная работа в доме, во дворе' – монг. *ақи* 'домашняя работа'; *буу* (инд., у.-ян.) 'тощий, худой, слабый,

бедный – монг. муу 'плохой, бедный, жалкий; сэ-бэрэх (инд.) 'неопрятный, неряшливый, неаккуратный' – монг. цэвэргэ 'неопрятный'; эримэх (инд.) 'бесплодная самка животных' – монг. эрмэг 'бесплодный'; чарчаа (ойм., верх. сакк.) 'сухая пенка молока' – п.-монг. čarča 'покрыться пенкой, свернуться'; сойуо (инд.) 'когти зверя' – монг. соёо 'клык'; хорохой (у-ян.) 'олений овод' – монг. хорхой 'букашка'; ичигээ (у-ян.) 'дружочек, голубчик, милочек' – монг. йсйген 'маленький'; туолан (сакк. у-ян.) 'большой, взрослый' – монг. туулан 'большой, взрослый' и т.п.

Таким образом, труды профессора Е.И. Коркиной являются неисчерпаемым источником для исследований по якутскому и тюркскому языкознанию. Они содержат в себе ценный материал по этимологии, терминологии, исторической лексике якутского языка, в них зафиксировано значительное количество диалектных слов, неизвестных в литературном языке образных и экспрессивных слов, архаизмов, заимствованных слов, которые могут способствовать обогащению языка.

Благодаря теоретической обоснованности, глубине проработки материала и масштабности разноаспектного рассмотрения, труды Е.И. Коркиной вносят серьезный вклад в развитие современной якутской лексикологии и лексикографии, служат ориентиром для дальнейших научных изысканий.

Литература

Грамматика современного якутского литературного языка: фонетика, морфология / Л.Н. Харитонов, Е.И. Коркина, П.А. Слепцов и др.; отв. ред. Е.И. Убрятова. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

Иванов С.А. Роль Е.И. Коркиной в изучении якутской диалектологии // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 2 (5). – С. 64–70.

Коркина Е.И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 606 с.

Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 205 с.

Коркина Е.И. Коротко о прожитой жизни. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2000. – 118 с.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка / отв. ред. Н.Н. Широкова. – Новосибирск: Наука, 1992. – 205 с.

Коркина Е.И., Бараишков П.П., Петров Н.Е. Правописание заимствованных слов и терминов // Соц. Якутия. – 1961. – 14 июня.

Кулаковский А.Е. Ырыа-хоһоон / редколл.: Е.И. Коркина (предс.), Софр. П. Данилов, Н.Н. Тобуроков, Г.С. Сыромятников. – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 296 с.

Ойунский П.А. Избранное: в 2 т. / подг. к печати Е.И. Коркина, Ф.Г. Сафронов, Г.С. Сыромятников. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – На якут. яз.

Ойунский П.А. Избранное: в 3 т. / подг. к печати П.А. Слепцов. – Якутск: Бичик, 1993. – 472 с. – На якут. яз.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Т. 2. – М.: Наука, 1959.

Преклоняюсь перед ее светлой памятью. К 95-летию Е.И. Коркиной. – Якутск, 2012. – 231 с. – На якут. яз.

Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск, 2008. – 542 с.

Современный якутский язык. Морфология / Н.К. Антонов, Е.И. Коркина, П.А. Слепцов и др. – Якутск: Бичик, 2009. – 286 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1964–1973.

Яковлев П.А. Словарь терминов астрономии. – Якутск: Бичик, 1998. – 99 с. – На якут. яз.

Сокращения

алт. – алтайский язык
башк. – башкирский язык
бур. – бурятский язык
верх. – верхоянский говор
др-уйг. – древне-уйгурский язык
инд. – индигирский говор
каз. – казахский язык
калм. – калмыцкий язык
кирг. – киргизский язык
к-калп. – каракалпакский язык
кол. – колымский говор
кум. – кумыкский язык
монг. – монгольский язык
ойм. – оймьяконский говор
п-монг. – письменно-монгольский язык
сакк. – саккырырский подговор верхоянского говора
тат. – татарский язык
тоф. – тофаларский язык
тув. – тувинский язык
тур. – турецкий язык
у.-ян. – усть-янский говор
хак. – хакасский язык
чагат. – чагатайский язык
шор. – шорский язык
як. – якутский язык

Словари

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: в 13 т. – Новосибирск: Наука, 2004–2016.

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1995. – 293 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / ред. В.М. Надежлев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1969. – 676 с.

МРС – Монгольско-русский словарь. – 12-е изд. / сост. Ю.Н. Кручкин. – М.; Улан-Батор; Лос-Анджелес, 2013. – 1260 с.

РЭС – Русский этимологический словарь / сост. А.Е. Аникин. – М., 2007. – 368 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – 2-е изд. / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch 4-е изд., стереотип. / перевод и доп. О.Н. Трубочёва. – М.: Астрель, 2004. – Т. 1. – 588 с.

ЭСЯЯ – Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – Ч. 1. А-Дь. – 180 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 306 с.

A.M. Nikolaeva

The Works of Professor E.I. Korkina as a Reference Point for Further Scientific Researches in Lexicology of the Yakut Language

In the article on the material of the monograph by E.I. Korkina, “the North-Eastern dialect area of the Yakut language” [1992], which deals with the lexical features of the Kolyma, Indigirka, Oymyakon, Sakkyrsky and Ust-Yana dialects of the Yakut language. An etymological, lexical-semantic analysis of the dialect is carried out using of etymological data, the paradigmatic relationship describes between dialect and literary words. An attempt was made to prove that the work of E.I. Korkina is a unique material not only for dialectology but also for the etymology and the historical vocabulary of the Yakut language. It recorded a significant number of dialect words that are unknown in the literary language, imaginative and expressive words, archaisms and borrowed words. The book can be useful for modern terminology, lexicography of the Yakut language. The works of E.I. Korkina in theoretical validity, depth of material and the dimensions of the multidimensional consideration are a model for contemporary linguistic researchers. They are distinguished by the wealth of material, sequence of presentation, novelty of methods, originality and at the same time simple and easy to understand, making a significant contribution to the development of the Yakut lexicology and lexicography, and provide guidance for further scientific research.

Keywords: Yakut language, vocabulary, dialectology, lexicography, terminology, etymology, Turkic languages, Mongolism, word formation, paradigmatic relations.

УДК 811.512.157’3:001.891

А.Г. Нелунов, В.Д. Монастырёв

Евдокия Иннокентьевна Коркина и «Большой академический толковый словарь якутского языка»

В статье рассматривается роль доктора филологических наук, профессора Е.И. Коркиной, возглавлявшей Якутский институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР в течение 21 года, в становлении якутской лексикографии, возникновении и росте национальных лексикографических кадров, в организации специального лексикографического сектора в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Она положила начало долгому пути создания многолетнего Большого академического толкового словаря якутского языка.

Показываются уникальные особенности этого словаря, как словаря нормативно-регистрающего типа, который наиболее ярко отражает семантические особенности языка, структуру слова, раскрывает значения слов

© А.Г. Нелунов, В.Д. Монастырев, 2017

при помощи всех средств лексикографической науки. Ярким примером соблюдения этих требований являются словарные статьи Евдокии Иннокентьевны Коркиной, некоторые из которых рассмотрены ниже.

Е.И. Коркина является не только организатором лексикографической работы в Институте, но и ученым, внесшим личный практический вклад в разработку словарных статей последних томов «Большого академического толкового словаря якутского языка».

В статье даётся краткая история якутской лексикографии, которая с самого начала зародилась как двуязычная и во многом определила дальнейший путь развития якутской лексикографии.

Ключевые слова: якутская лексикография, создание специального сектора, лексикографические кадры, нормативно-регистрирующий тип словаря, семантическая структура словаря, словарный метаязык.

В настоящее время существуют достаточно основательные аргументы для признания достижений якутских языковедов в области тюркского языкознания. Одними из них являются разрабатываемые в ИГиИПМНС СО РАН новые перспективные направления, в частности, создание многотомного «Большого академического толкового словаря якутского языка» [далее – БАТСЯЯ]. Данный 15-томный словарь, ориентированный на национальное лексическое богатство якутского языка, подробную разработку семантической структуры слова, с богатым иллюстративным материалом из лучших образцов письменной литературы и фольклора, являет собой высокое достижение не только якутской, но и тюркской лексикографии в целом.

Ещё в 1935 г. перед Институтом языка и культуры при СНК Якутской АССР его основатель и первый директор, первый из якутов кандидат лингвистических наук П.А. Ойунский поставил неотложную задачу создания нового современного полного словаря якутского языка [Ойунский, 1993, с. 120–121]. К сожалению, он стал жертвой политических преследований в годы Большого террора, и в течение долгих лет поставленной им задаче не суждено было сбыться.

Только в 1972 г., сознавая культурное и научное значение необходимости создания большого национального толкового словаря якутского языка, молодой тогда кандидат филологических наук П.А. Слепцов на одном из заседаний Учёного совета Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР (далее – ИЯЛИ) поставил вопрос о его создании. Это была очень смелая и перспективная идея. Однако практическое претворение её в жизнь тогда казалось совершенно невозможным, т.к. в единственном секторе якутского языка Института работали всего 10 человек. Из них имели ученую степень

только трое: Е.И. Коркина – доктор филологических наук, Н.Е. Петров и П.А. Слепцов – кандидаты филологических наук (Л.Н. Харитонов к этому времени ушёл на пенсию, а П.С. Афанасьев перешёл на работу в Якутский госуниверситет). Следует отметить, что они занимались разработкой тем по грамматике и лексикологии, поэтому настоящих специалистов-лексикографов не было, а значит, в первую очередь надо было решать кадровую проблему, которая явно не решалась увеличением на одну-две штатные единицы. Евдокия Иннокентьевна, будучи директором Института, разрешила эту трудную проблему парадоксальным путем – созданием целого сектора! Так, приказом № 260 по Якутскому филиалу Сибирского отделения Академии наук СССР от 9 августа 1972 г. в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР был создан сектор лексикологии и лексикографии и этим же приказом заведующим сектором был назначен старший научный сотрудник, кандидат филологических наук П.А. Слепцов. Евдокия Иннокентьевна добилась этого в силу своей компетентности, научного авторитета, какой-то особой искусной и тонкой женской дипломатичности и, конечно же, умения доказать в вышестоящих органах власти и управления важность и значимость выдвигаемых вопросов. Она хорошо понимала, что такая сложная, требующая много сил и энергии работа, как правило, должна осуществляться в научных учреждениях. Открытием специального сектора лексикологии и лексикографии в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (ныне – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН) Евдокия Иннокентьевна положила начало долгому пути создания «Большого толкового словаря якутского языка» – наисложнейшего «продукта эпохи», а также формированию и росту моло-

дых высококвалифицированных лексикографических кадров. В этом заключается величайшая заслуга Евдокии Иннокентьевны Коркиной перед якутской лексикографией.

Как известно, в лексикографических работах особое место занимает вопрос об источниках словарей, формах и методах накопления и хранения первичных словарных материалов. От его решения во многом зависит успех любой лексикографической деятельности. Определение корпуса источников Большого толкового словаря, видов и методики расписывания художественных и специальных текстов, характера и длины текстового отрезка, т.е. иллюстративного материала, видов словарных картотек и методики их ведения – вот далеко не полные вопросы, которые надо было решать, организовывать, обеспечивать материально и финансово директору института. Для выполнения этой сложной задачи среди языковедов было проведено широкое обсуждение Общего положения академической картотеки якутского языка, и 26 января 1973 г. оно было утверждено Учёным советом Института. Это решение послужило началом создания основной базы Толкового словаря – Академической картотеки. Евдокия Иннокентьевна, весьма компетентно, убедительно и доходчиво доказывая перед своими коллегами – директорами необходимость создания основной базы толкового словаря – академической словарной картотеки, добилась специального финансирования данного проекта. В то время хорошо финансировались только институты технического, геологического, горного, космического профилей, такие, как Институт геологии, Институт физико-технических проблем Севера, Институт космофизики и аэронавтики, Институт горного дела Севера, Институт мерзлотоведения. Известно, что в конце года у этих институтов оставались неосвоенные деньги. Евдокия Иннокентьевна сумела убедить тогдашнего председателя Президиума Якутского филиала СО АН СССР Николая Васильевича Черского перечислить эти деньги в Институт языка, литературы и истории. На них заказывались шкафы для картотеки, нанимались временные работники в лице пенсионеров – бывших учителей якутского языка, студентов-добровольцев для выписки примеров из художественной литературы. Так создавалась картотечная база – основа основ Большого толкового словаря якутского языка.

В настоящее время весь материал, необходимый для создания БАТСЯЯ сосредоточен в трехмиллионной академической базовой картотеке лексического и фразеологического фонда якутского языка, которая и по сей день непрерывно пополняется. Благодаря этой картотеке, словаристам удаётся показывать с наибольшей полнотой семантическую структуру каждого слова, раскрывать самое существенное в слове – его значение. Об этом писали рецензенты томов словаря. Так, в своей рецензии на рукопись XII тома доктор филологических наук, профессор СВФУ им. М.К. Аммосова Н.Н. Тобуроков отметил: «Прежде всего, поражает огромная источниковедческая база словаря. Лексикографы задействовали почти всю письменную литературу, изданные фольклорные образцы, переводы классиков русской, мировой литературы. Кроме того, произведение всех якутских писателей, начиная от классиков до современных. В этом плане – словарь настоящий академический труд. Академическая картотека является фундаментальным материалом не только для толкового словаря, но и для других филологических изысканий».

Кроме картотеки, в создании такого огромного лексикографического продукта большую роль играют также уровень теоретической изученности языка и имеющаяся лексикографическая традиция, которая с самого начала зародилась как двуязычная. Родословная двуязычной якутской лексикографии начинается с «Якутско-немецкого словаря» академика О.Н. Бётлингга (1849) [Böhntlingk, 1848–1851]. К типу якутско-русских переводно-энциклопедических словарей относится фундаментальный «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского в 13 выпусках [Пекарский, 1907–1930], где в определении значений слов удачно совмещаются методы перевода, толкования и энциклопедического объяснения. Данный словарь послужил основой для всех последующих двуязычных словарей (см., напр.: «Русско-якутский словарь» Н.Н. Павлова, И.Н. Попова в двух выпусках [1948; 1949], «Русско-якутский словарь» [1968], «Якутско-русский словарь» [1972], «Диалектологический словарь якутского языка» [1976] и дополнительный том «Саха түүлбэ тылын тылдьыта» [1995], двухтомный «Якутско-русский фразеологический словарь» А.Г. Нелунова [1998; 2002], немецкая версия «Краткого толкового словаря

якутского языка» в переводе В.Д. Монастырёва [Monastyrjew, 2006] и др.) и во многом определил дальнейший путь развития якутской лексикографии.

Продолжая лучшие традиции якутской лексикографии, новый многотомный БАТСЯЯ имеет свои уникальные особенности. Работа над ним стала признанной научной лабораторией по составлению совершенно нового типа словаря тюркских языков. Это самый значительный по объёму лексики словарь якутского языка. Его большое, непреходящее значение особо подчеркнул народный писатель Якутии, прекрасный переводчик и мастер слова С.Т. Руфов: «Без ложной скромности могу сказать, что на протяжении моих многолетних занятий на ниве якутской литературы, я, как говорится, “влезал” в самые потаенные закоулки своего родного языка. К тому же В. Шекспир, Ш. Руставели, великие русские классики, произведения которых я переводил, буквально заставляли меня мучительно искать все новые и новые грани в своём родном языке. Поэтому могу твёрдо заявить, что многотомный академический словарь – предприятие большого исторического и социально-культурного значения...».

Последние годы своей плодотворной научной и творческой деятельности Евдокия Иннокентьевна посвятила разработкам словарных статей последних томов БАТСЯЯ. К сожалению, словарной работой она занималась недолго, т.к. была уже в преклонном возрасте. За это короткое время ею написаны добротные словарные статьи, которые войдут в последний том словаря.

Сразу включиться в составление Большого академического толкового словаря ей помогло, безусловно, то, что она имела определенный лексикографический опыт в составлении «Якутско-русского словаря» [1972, буква У] в качестве соавтора, а также в редактировании первичного материала «Русско-якутского словаря» 1968 г. Уже тогда у неё проявились все необходимые для хорошего лексикографа качества – природные творческие способности, языковое чутье, прекрасное владение двумя (якутским и русским) языками, талант в сочетании с желанием попробовать себя в словарном деле.

Вот один из примеров, наглядно подтверждающий сказанное. Как известно, для составителей «Якутско-русского словаря» [1972] главным

источником был фундаментальный «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского. Слово *үгүөрү* в то время, видимо, употреблялось редко и имело не очень чёткое дифференцированное значение, поэтому Э.К. Пекарский даёт его значение, исходя из выражения: «*кэтэспит манаспыт, киэр үгүөрү буолун!*» поджидавшие и подстерегавшие, **будьте подальше!**» [Пекарский, 1959, т. III, стб. 3106–3107]. А Евдокия Иннокентьевна на основе анализа современного материала дала действительно существующее в литературном языке, чётко дифференцированное значение данного слова: «порядочный, достаточный, изрядный (*по количеству*)»; *үгүөрү ас* «достаточное количество пищи» [Якутско-русский словарь, 1972, с. 450].

После создания академической картотечной базы правомерность подачи значения данного слова Евдокии Иннокентьевны Коркиной была подтверждена многочисленными примерами из произведений классиков и мастеров слова. Ср., например, такие примеры: *Кэргэним сана үлэтигэр арыый табылынна. Хамнаһа да үгүөрү собус* (Софр. Данилов). *Тылларын тамабыттан иһиттэххэ, дьылээх дьахталлар таһаһы тигэн үгүөрү үбү аахсаллар эбит* (Н. Габышев).

Как правило, основное требование современной лексикографии состоит в том, чтобы толковый словарь как можно более ярко отражал семантические особенности языка и структуру слова, раскрывал значения слов при помощи всех средств лексикографической науки. Ярким примером соблюдения этих требований являются словарные статьи Евдокии Иннокентьевны. Посмотрим это на конкретных примерах:

ЭНСИЛИН *туохт.* 1. Күүскэ охсулун, тыастаахтык дьалкылын (*уу балкыырын туһунан*); дибиллэй тыастаахтык уһун, сүүрүгүр (*үрэх, өрүс туһунан*). • Сильно плескаться, ударять (*напр., о берег*); с большой силой и шумом протекать, впадать (*о речке, реке*). *Эппэнниир, түллэнниир, мэгийэр байбалым Энсиллэр, дьалкыллар балаһа бааллара Орулаан, барылаан, күрүлээн кэлэннэр, Очуоска ингэннэр, кэтиллэ түстүлэр* (Күннүк Уурастыырап). *Кыыс Амма энсиллэн, энээттэн кутулунна Алдан эбэбэ* («Чолбон»).

2. Ыраахха диэри уһуннук дуораһыйан, баратур (*хол., ырыа*). • Разноситься, прокатываться

громко и раскатисто (*напр., о песне*). Дагдабар [Тася] уол оҕолуу күүстээх куолаһа, чуумпу тыа салгынын тоҕо силэйэн өссө улаатан, ыраах энсиллэ турда (Л. Попов).

3. Киһи хараба ыларынан ыраахха диэри тэнийэн, нэлэһийэн бара тур (*киэн нэлэмэн сир туһунан*). • Простираться вдоль и вширь, стелиться насколько хватает глаз (*о широкой долине, безлесном пространстве*). Туундара, туундара, Мин тулам тумара, Эргиччи манган хаар, Энсиллэр киэн куйаар (И. Федосеев).

4. *көсп.* Ханна эрэ баар буолан хаал, ханна эрэ бырабыллан хаал. • Быть заброшенным куда-л., оказаться где-л. случайно. Дьэ, уол оҕото! Саас Аммаба баара, билигин куоракка энсиллэн кэлбит (Күрүлгэн).

Как отмечает П.А. Слепцов, в младописьменных языках словарный метаязык и дефинитивные определения развиты слабо, не имеют устойчивой традиции употребления. В этих условиях русские дефиниции, являясь как бы эквивалентами якутских толкований, призваны служить надёжной опорой для лексико-семантической обработки, шлифовки последних, подтягивать их до уровня подлинных словарных дефиниций [Слепцов, 2008, с. 537]. В этом плане русская часть словарных дефиниций Евдокии Иннокентьевны всегда выгодно отличалась. Ей особенно удавались толкования слов, обозначающих этнографические понятия, которые всегда представляли трудность для молодых, особенно начинающих словаристов. Ниже даются некоторые примеры из словарных статей Евдокии Иннокентьевны (*иллюстративный материал дается с сокращениями*):

ЭМЭГЭТ *аат., эргэр.* 1. Былыргы саха өйдөбүлүнэн ойууну араначчылыыр кэриимни сылдыар тыын, кут-сүр (*үксүгэр хаһан эрэ олоро сылдыбыт ойуун кута-сүрэ буолар*). • По представлению древних якутов блуждающий дух, покровительствующий шаманам (*по большей части, душа жившего некогда на земле шамана*). Сэттээх быластаах сиикэй тыймыыт тыллаах, Эт бэргэ харахтаах Хааннаах эмэгэттэриэм, бэттэх, бэттэх буолун эрэ! (Саха сэхэнэрэ). Эппит тылым иччитэ Эмэгэт буолан Эттэрин сааһынан илэ-бодо иннин! (Өксөкүлээх Өлөксөй).

2. Былыргы сахалар үнэр-сүгүрүйэр ханнык эмэ иччилэрэ эбэтэр абааһы дьүһүнүн-бодотун

үтүгүннэрэн маһынан, туоһунан уо.д.а. онорбут оноһуктара. • Деревянные, берестяные и прочие фигурки духов, изготовленные древними якутами, которым они поклонялись. Туостан аттаах эмэгэти кырыйаннар, талабынан тымтык онобостоох куччугуйкаан чаачар сааны онороннор, уйаба уктулар (Болот Боотур).

3. Ойуун кыыраар танаһыгар сүрэбин туһаайыгынан тигиллэр киһи ойуулаах тимир быластыынка (*үксүн алтантан буолар: уста-та – ыйар тарбах уһунун саба, туората – ытыс аһаарын саба*). • Железная (обычно медная) пластинка, пришиваемая спереди шаманской одежды (*на уровне сердца*). На пластинке нарисован человек (*пластинка бывает длиною с указательный палец, шириною в половину ладони*). Кэтэбириин диэки көрбүтэ: үс куба лахсыыр көтөрдөөх, түөһүн тылыгар битийэр эмэгэттээх, көхсүн харабар тимир күнэхэлээх -- ойуун киһи танаһа ыйанан турар (Саха фольклора).

4. Сылгы атабар (*буутугар*) уопсай өнтөн атын өннөөх бээтинэ. • Небольшая отметина (*пятно другого цвета*) на ногах лошади. [*Хара саарыл сылгы*] икки буутун таһа бэчээт курдук эмэгэттээх буолар («Кыым»).

5. *көсп.* Киһи анардастыы бас бэринэр, танара оностор киһитэ эбэтэр туох эмэ. • Лицо, предмет, дело, которые безоговорочно воспринимаются кем-л. исключительно восторженно, к которому *кто-л.* относится как к предмету обожания и преклонения. Үптээх күлүгүн эмэгэт гынан үнэрим, Астаах атабар танара гынан сүгүрүйэрим (Суорун Омоллоон).

♦ **Биэс уон икки күлэр (туос) эмэгэт** – хаартыны хохуйан этии. • Эпитет игральных карт (*букв. пятьдесят два смеющихся лика дьявола*). Биэс уон икки күлэр эмэгэт кулута (өс ном.). Биэс уон икки күлэр эмэгэтинэн көччүтэн, Күн сырдыгын устун Сырыттабым диһ, оҕонньоор! (А. Софронов). **Туос эмэгэт – биэс уон икки күлэр (туос) эмэгэт** *диэн курдук. Маппыр туруорар хаартытын бэтириктээн, маастаан, холуоккалаан -- кубулдьутан-ибилдьитэн көрөрө да, түос эмэгэт Бадаайаптар тустарыгар бу сырыыга сылаанныйбатаба* (Л. Попов). **Хаарты эмэгэт** – хаартыһыт хаартыга туһаайан «үп тэбэн биэрэрим, байарым-тайарым, баарым-суоҕум, эрэнэрим эрэ эн» *диэн үнэн-сүктэн этэр тыла. • Карта-матушка (обращение картёжника к своим картам с просьбой*

и надеждой на удачу). *Хаарты эмэгэт биэрдэбинэ, кимтэн дабаны сүүйэри киһи кэрэй-бэт бабайыта* (Н. Неустроев). **Хатат эмэгэт-тээх** – сылгыга баар буолар хатакка маарынныыр мэн курдук бээтинэ. • Пятно на лошади, напоминающее огниво (*кусок камня, стали для высекания огня из кремня*). *Тордохтоох хонгуруулаах, орохтоох систээх, хатат эмэгэт-тээх, саба дьабыллаах, уулаах ньилбэктээх саһыл кэрэ* [сылгы] (Өксөкүлээх Өлөксөй). **Эмэгэт былыт** – эмэгэекэ майгынныыр быһыылаах субу ардыах курдук уулаах хара дьоѳус былыт. • Готовое обрушиться дождем водянистое небольшое тёмное облако, напоминающее фигуру эмэгэт'а. *Ардах, силбик бэлиэлэрэ – эмэгэт былыттар намыһах бабайытык уһуннулар* (М. Шолохов тылб.). **Эмэгэт дьабыл** – сылгы саннын хаптабайыгар эбэтэр моонньугар эмэгэт ойуутун санатар кыра харана бээтинэ. • Маленькое тёмное пятно на шее или холке лошади, напоминающее фигурку злого духа, цветом своим отличающееся от основной масти лошади. *Сылгыларга айылбаттан бэрлиллибит хос бэлиэ наһаа элбэх буолар. Сиһин ороѳо, сиэлин, кутуругун ардайа, кулгаах кэрэтэ, хангалас быччыннара, уулаах ньилбэктэрэ. Ону таһынан бар дьабыл, саба дьабыл, эмэгэт дьабыл баар буолар* (Багдарыын Сүлбэ). **Эмэгэт куйааһа** – киһи тыына-быара ыгыллар уот куйаас. • Обжигающий зной, жар. *Эмэгэт куйааһа сатыылаабыт. Эмэгэт кураан түөлбэ.* – кураан сут. • Сильная засуха.

ЭМЧИИРЭ аат., эргэр. Сүөһү тыһыттан түүтүн таһыгар гына тигиллибит, сутуруону кытта кэтиллэр кылгас сотолоох этэрбэс. • Зимние торбаса из коровьих, бычьих камусов или оленьих лап, шерстью наружу, с короткими голенищами, подбираемыми под сутуруо (*меховые наколенники*). *Татыгыр курдук Тамыйах ыстааннаатылар, Этирик курдук Эмчиирэ этэрбэстээтилэр* (Өксөкүлээх Өлөксөй).

Представленный здесь материал свидетельствует о том, что Евдокия Иннокентьевна внесла свою весомую лепту и в словарную разработку БАТСЯЯ.

Сегодня мы уже со всей ответственностью можем утверждать, что воплотилась в жизнь поддержанная ею идея создания БАТСЯЯ. Так,

Сибирским издательством «Наука» опубликованы 13 томов из 15. В 2018 г. проект, который станет базовым для любых лексикографических работ, будет завершён. На базе БАТСЯЯ, источниками которого являются лучшие образцы устного народного творчества, произведения классиков якутской литературы, народных писателей Якутии, будут продолжены новые научно-исследовательские и прикладные проекты. Прежде всего, это создание словарей языка классиков якутской литературы, представляющих полную характеристику стиля языка народных писателей Якутии. Думается, что всё это будет способствовать развитию, укреплению и распространению норм якутского национального литературного языка.

После завершения этого большого проекта на его базе словаристы начнут работу по созданию однотомного толкового словаря литературного якутского языка с жестко нормативными установками для повседневного массового использования (объёмом 70–80 п.л.). Параллельно впервые будет разрабатываться «Монгольско-русско-якутский словарь», который включен в программу СО РАН под названием «Типологическое, историческое и ареальное изучение языков народов Сибири, Дальнего Востока и русского языка» на 2017–2020 гг. Данный проект будет реализован в рамках Соглашения о сотрудничестве нашего Института с Институтом языка и литературы Академии наук Монголии. Проект посвящен исследованию семантических связей в лексических системах якутского и монгольско-го языков. В данный момент идёт подготовительная работа по разработке инструкции Словаря, сбору монгольского материала, приобретению необходимой литературы. С 2018 г. сотрудники Института начнут разработку словарных статей. По предварительным данным, Словарь будет состоять из более 20 тысяч слов и фразеологизмов. Над исторической частью Словаря будут работать наши монгольские коллеги из Института языка и литературы АН Монголии.

Таким образом, за 46 лет работы над БАТСЯЯ коллектив якутских лексикографов превратился в единую команду, в организацию и становление которой много сил приложила Евдокия Иннокентьевна Коркина.

Литература

Большой толковый словарь якутского языка (I–III тома именовались как «Толковый словарь якутского языка»). Т. IV / под общ. ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.; Т. V. 2008. – 616 с.; Т. VI. 2009. – 519 с.; Т. VII. 2010. – 519 с.; Т. VIII. 2011. – 572 с.; Т. IX. 2012. – 630 с.; Т. X. 2013. – 575 с.; Т. XI. 2014. – 528 с.; Т. XII. 2015. – 598 с.; Т. XIII. 2016. – 639 с.

Диалектологический словарь якутского языка / сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Т. 1 / отв. ред. П.А. Слепцов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 287 с.; Т. 2. 2002. – 420 с.

Ойуунускай Платон. Талылыбыт айымньылар: 3 т. – Дьокуускай: Бичик, 1993.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Вып. I–XIII. – СПб.; Л., 1907–1930.

Русско-якутский словарь / сост. Н.Н. Павлова и И.Н. Попов. – Якутск: Госиздат ЯАССР. – Вып. 1. 1948; Вып. 2. 1949.

Русско-якутский словарь / под ред. П.С. Афанасьева, Л.Н. Харитоновна. – М.: Сов. энцикл., 1968. – 720 с.

Саха түөлбэ тылын тылдьыта (эбии том) / онгордулар М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирская: Наука, 1995. – 296 с.

Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания: сб. науч. ст. – Якутск, 2008. – 544 с.

Толковый словарь якутского языка. Т. I / под общ. ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.; Т. II. 2005. – 912 с.; Т. III. 2006. – 844 с.

Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – 608 с.

Böhlingk O. Über die Sprache der Jakuten. Einleitung. Jakutische. Grammatik. Text. Wörterbuch. Spb., 1848. – 1851 p.

Monastyrjew W. Jakutisch Kleines erklärendes Wörterbuch des Jakutischen (Sacha – Deutsch). TURCOLOGICA 68, Harrassowitz Verlag, 2006. – 215 s.

A.G. Nelunov, V.D. Monastyrjev

Evdokiya Korkina and the Great Academic Explanatory Dictionary of the Yakut Language

The article is devoted to the role of the Doctor of Philology, Professor E.I. Korkina, who headed the Yakut Institute of Language, Literature and History for 21 years, in the formation of the Yakut lexicography, in the emergence and growth of national experts and researchers in lexicography, as well as her merit in organizing a special Department at the Institute of Language, Literature and History of the Yakutsk Branch of the USSR Academy of Sciences.

She marked the beginning of a long way to create the Great multi-volume academic explanatory dictionary of the Yakut language.

The unique features of this dictionary is revealed, as a dictionary of the standard-recording type, which reflects the semantic features of the language, the structure of the word as much as possible, reveals the meanings of words with the help of all the means of lexicographic science. The vivid examples of compliance with these requirements are the entries written by Evdokiya Innokentyevna Korkina, some of which are presented in this article.

E.I. Korkina is not only the organizer of lexicographical work at the Institute, but also made a personal practical contribution to the development of dictionary articles of the last volumes of the Great Explanatory Dictionary.

The article gives a brief history of Yakut lexicography, which originated as bilingual and in many ways determined the further development of the Yakut lexicography.

Keywords: Yakut lexicography, creation of a special Department (sector), lexicographic experts (personnel), standard-recording type of dictionary, semantic structure of dictionary, verbal folklore examples, dictionary metalanguage.

Н.Н. Ефремов

Функциональные формы глагола якутского языка в исследовании Е.И. Коркиной

В статье анализируются основные результаты и положения труда видного якутского лингвиста Е.И. Коркиной, в котором описываются деепричастные формы якутского языка. Евдокия Иннокентьевна рассмотрела в комплексном плане их морфологические, синтаксические и словообразовательные особенности. Уделила внимание также изолированным деепричастным формам, перешедшим в другие части речи, – наречиям, служебным словам и т.п. Ученый, основываясь на сравнительно-исторической и системно-структурной парадигмах лингвистики, выявила и описала эти глагольные формы глагола в синхронном и диахронном аспектах. Как показывает анализ монографического изыскания Е.И. Коркиной, деепричастия якутского языка сохраняют следы контактов с древнетюркскими, монгольским, а также эвенкийским языками. Синтаксические функции деепричастных форм получили освещение как на уровне простого, так и сложноподчиненного предложения. При анализе функций деепричастий в составе сложноподчиненного предложения Е.И. Коркина придерживалась традиционного подхода, который доминировал в тюркологии в 60–70-х гг. XX в. Данный труд видного исследователя якутского языка, направленный на типологическое, синхронно-диахроническое изучение обсуждаемых форм, внес большой вклад в развитие не только якутского языкознания, но и тюркологии в целом.

Ключевые слова: якутский язык, деепричастие, сложные слова, субстантивированный, синтаксическая функция.

Изучение категории глагола и его форм занимает важное место в научном наследии Е.И. Коркиной, ибо они являются ядерными – грамматическими – средствами выражения фундаментальных категорий языка – предикативности и модальности. В соответствии со своей функцией глагол характеризуется тем или иным набором специфических предикативных грамматических категорий (время, вид, наклонение залог), а также согласовательными категориями – повторяющимися некоторые категории имени и местоимения [Лингвистический ..., 1990, с. 104]. Кроме того глагол представляет собой вершину – структурно-семантическую основу – синтаксической и коммуникативной единицы, то есть предложения.

Якутский язык, как и другие тюркские, отличается определенными грамматическими особенностями, связанными с его постпозитивно-агглютинативной структурой, которая базируется на законе твердого порядка языковых единиц – препозитивное уточнение + постпозитивное уточняемое. Глагол в предложении, являясь постпозитивным уточняемым, функционирует как «свернутое» предложение или «заместитель» предложения.

В 50–60-х гг. XX в. типы глагольной основы, видовые и залоговые формы глагола в монографическом плане были описаны выдающимся якутоведом и учителем Е.И. Коркиной – Л.Н. Харитоновым. На основе развития направления, которое он успешно и глубоко разрабатывал, она написала кандидатскую диссертацию «Формы прошедшего времени в якутском языке» [1960]. В ней Е.И. Коркина осветила формы прошедшего времени изъявительного наклонения глагола. Ее докторская диссертация была посвящена наклонениям глагола в якутском языке [Коркина, 1970].

Таким образом, в 50–60-х гг. XX в. якутский глагол и его категории получили детальное и глубокое описание на основе структурно-семантического подхода в трудах Л.Н. Харитонova и Е.И. Коркиной.

Основные формы словоизменения глагола в якутском языке – причастия, деепричастия, собственно-глагольные формы, употребляются в зависимости от их синтаксической роли в предложении [Убрятова, 1972, с. 584]. Причастия в монографическом плане были разработаны Г.Г. Филипповым [1996; 2014], а в форме диссертационного исследования – Н.И. Поповой [1994].

В монографии Е.И. Коркиной деепричастия получили структурно-семантическое и сравнительно-сопоставительное освещение.

В своей работе ученый системно рассмотрела научную ситуацию, связанную с изучением данных функциональных форм глагола в якутском языкознании. Как известно, четыре основные формы деепричастия – *-ан*, *-аат*, *-аи/-ыы* и *-аары* – были зарегистрированы в труде О.Н. Бётлингга, который «сумел тонко подметить отдельные особенности употребления» указанных форм в якутском языке. Проанализировав историю изучения обсуждаемых форм в трудах других исследователей якутского языка – Д. Хитрова, С.В. Ястремского, В.В. Радлова, Н.Н. Поппе, А.А. Иванова-Кюндэ, Н.С. Григорьева, Л.Н. Харитоновой, Е.И. Убрятовой, Е.И. Коркина пришла к выводу о том, что «усилиями исследователей якутского языка всех поколений [получены] довольно полные, хотя порой и противоречиво толкуемые *общие сведения* (курсив наш. – *Н.Е.*) по деепричастным формам якутского языка» [Коркина, 1985, с. 9].

Автор отмечает, что в других тюркских – узбекском, туркменском, чувашском, киргизском, казахском, кумыкском, азербайджанском, башкирском и татарском – языках, в отличие от якутского языка, деепричастия изучены в монографическом плане. Тюркологи считают, что в тюркском языке, по крайней мере, на его более раннем этапе существования, деепричастий было немного – к наиболее древним можно отнести деепричастия на *-ур /-ир* и *-а / -ä* [Сравнительно-историческая..., 1988, с. 417].

На основе сопоставительного анализа Е.И. Коркина пришла к выводу о том, что якутские деепричастные формы значительно отличаются от деепричастий других тюркских языков [Коркина, 1985, с. 10]. Деепричастия в якутском языке квалифицируются ею как одна из трех форм якутского глагола, которая не выражает абсолютного временного значения и тем или иным образом соотносится с другим глагольным действием, передаваемым личной формой глагола [Там же, с. 13]. Было установлено причастное происхождение большинства деепричастных форм в якутском языке, что характерно и для других тюркских языков [Там же].

Точку зрения, согласно которой в алтайских языках деепричастие выступает в качестве зави-

симого сказуемого полипредикативных конструкций, высказывает М.И. Черемисина: деепричастие – «“действенная” глагольная форма, функционирующая как зависимое (неконечное) сказуемое и выражающая определенный характер отношения обозначаемого действия к другому (главному) действию» [Черемисина, 2004, с. 337]. Это положение в определенной мере созвучно с вышеприведенным определением Е.И. Коркиной относительно якутских деепричастий.

Функциональные формы глагола в тюркских языках определяются своеобразием их грамматического строя. Одна из синтаксических функций деепричастий – связующая, что обусловлено так называемым принципом «экономной аффиксации», который характерен для грамматического строя тюркских языков [Мельников, 1971, с. 124]. В этих языках в качестве одного из связующих средств компонентов предложения выступают разнообразные деепричастия [Дилячар, 1976 с. 66–67], которые сочетаются с главным компонентом – словом (обычно глаголом) или постпозитивным элементом (зависимым предикатом) предикативной единицы при помощи способа примыкания, твердого порядка слов.

М.И. Черемисина усматривает аффикс лица в деепричастии на *-ан*, когда оно выступает в качестве зависимого сказуемого разносубъектной конструкции [Черемисина, 2004, с. 341].

В монографии Е.И. Коркиной дано описание деепричастий якутского языка в двух аспектах: морфологическом и синтаксическом. Выделены первичные и вторичные деепричастия. Первичные – это деепричастия на *-ан*, *-а /-ыы*, *-ымына*, *-аары*, *-ымаары*, *-аат*; вторичные – на *-бакка*, *-бытынан*, *-бычча*. Формы на *-аа* и *-тар* выделены как формы деепричастий, устанавливаемые в якутском языке.

Анализируя деепричастие на *-ан*, Е.И. Коркина отмечает его диалектный вариант *-аан* и рассматривает его как результат влияния эвенкийского языка [Коркина, 1985, с. 15]. Ученый солидаризируется с предшественниками, которые данное деепричастие возводили к монгольскому деепричастию на *-н*. Ею отмечается способность рассматриваемого деепричастия, как и других деепричастных форм якутского языка, изменяться по лицам и числам, что является самой яркой морфологической особенностью якутских деепричастий. Как известно, деепричастия в других

тюркских языках не принимают личные аффиксы, т.е. не оформляются показателями других морфологических категорий. Относительно деепричастной формы *баран*, которая употребляется в служебной функции, Е.И. Коркина постулирует, что в употреблении данной формы наметилась тенденция к её переходу в число неизменяемых служебных слов [Там же, с. 20].

Автором рассмотрено применение этой и других деепричастных форм в составе глагольных аналитических конструкций (ГАК), которые оформляются служебными глаголами и выражают различные грамматические, в том числе аспектуальные, и модальные значения. Все смысловые оттенки подобных ГАК описаны автором детально. Показано также участие деепричастных форм, прежде всего на *-а*, в образовании сложных слов (*быһа охсуу* ‘порез’), а также терминов (*саба түһүү* ‘нападение, атака’; *саба баттааһын* ‘подавление’; *таба суруйуу* ‘правописание’ и др.).

Сочетания формы на *-а* с причастием на *-ар* в форме изафета, которые в синтаксисе якутского языка расцениваются как зависимые сказуемые подлежащих сложноподчиненных предложений [Убрятова, 1976, с. 233–234], исследователем рассматриваются как субстантивированные: *Директордара ис сүрэбиттэн көрдүбүөс анаардаахтык сангара турара оҕолору чахчы астыннарда* ‘Ребят явно удовлетворило полувеселое, искреннее выступление их директора’ [Коркина, 1985, с. 44]. Интерпретация Е.И. Коркиной причастного зависимого сказуемого подлежащих сложноподчиненных предложений в качестве субстантивированного, видимо, обусловлено тем, что в якутских и тюркских предложениях рассматриваемого типа зависимая часть выступает в качестве предикативного подлежащего, то есть предикативного номинализатора.

Глагольные конструкции с деепричастными компонентами, например *үлэли тахсара* (букв. ‘его выход на работу / то, что он выходит на работу’), расцениваются Евдокией Иннокентьевной как сложные слова: *Сарсынныттан олобор аан-бастаан үлэли тахсарыттан үөрэр* ‘Он радуется своему первому в жизни выходу на работу’ [Там же, с. 46]. В этой связи интересно отметить, что в «Большом толковом словаре якутского языка» [2013, с.131] глагол

табыс- в сочетании с именем существительным в дательном падеже *үлэбэ* ‘на работу’ выступает в значении ‘приступить к работе, возобновить ее после перерыва’. О способности синтаксических конструкций – сочетаний слов – в предложениях тюркских языков выступать как единое целое, писали многие ученые [Убрятова 1976, с. 28], с чем, видимо, солидаризировалась и Е.И. Коркина.

На основе ареально-лингвистического и морфологического подходов она делает вывод, что формы на *-аа* (*-ээ*, *-оо*, *-өө*) и *-тар* нецелесообразно относить к разряду деепричастий.

Синтаксические функции якутских деепричастий рассмотрены подробно с привлечением сравнительно-сопоставительных материалов, прежде всего, из других тюркских языков. Выделив атрибутивную функцию в якутском деепричастии на *-ан*, исследователь в подобных явлениях усматривает «действие законов опущения» – опущения прилагательных: *Сырылатан итии күн* ‘Обжигаяще жаркий день’ > *сырылатан күн* [Коркина, 1985, с. 79–80]. Евдокия Иннокентьевна пишет также об использовании данной конструкции при переводе с русского языка на якутский: наглядная агитация – *көрдөрөн агитация*.

Явления опущения отмечаются ученым и в тех случаях, когда деепричастие на *-ан* выступает в качестве сказуемого. Это в свою очередь свидетельствует о том, что в якутском языке, как и в других тюркских языках, предложения, являясь вариативными, конкретизируются на фоне определенных контекстуальных условий.

Также ею проанализированы функции деепричастий при образовании сказуемых аналитических структур, что в последнее время в форме ГАК в исследованиях тюркских языков народов Сибири развивается как новое научное направление (см., например [Шамина, Ондар, 2003]).

Рассмотрев синтаксические функции деепричастия на *-а /-ыы*, Е.И. Коркина отмечает использование данной деепричастной формы в составном зависимом сказуемом сложноподчиненных предложений времени и условия: *Олаһы олодохпунуна, бу саалаах киһи кэпсээтэ*. ‘Когда мы кушали, этот человек с ружьем рассказал’ [Коркина, 1985, с. 89]; *Синныгэс маһынан салгыны быһыта охсуолаатаххына, бырдах табыллар тыаһа тап-табыгырас бую-*

лар 'Если по воздуху размахиваешь тонким прутиком, то получается дробный шум от убиваемых им комаров' [Там же].

В качестве зависимого сказуемого сложноподчиненного предложения описывается и синтаксическая функция деепричастия на *-аат*, которое в данной роли выступает в сочетании с послелогом *кытта*: *Эн барааккын кытта, штрафной ротаҕа уган баран, манна ыһпыттара* 'Как только ты уехал, меня, включив в штрафную роту, направили сюда' [Там же, с. 93].

В безличной структуре *-ааты кытта* в сочетании с именем существительным Е.И. Коркина усматривает проявление атрибутивной функции: *Киирээти кытта хоско дьахтар олоро* 'В первой комнате (или во входной комнате (букв. 'в комнате, которая (находится) как только войдешь') сидела русская женщина' [Там же]. В подобных атрибутивных конструкциях, на наш взгляд, имеет место опущение, что было подмечено ученой в буквальном переводе вышеприведенной фразы. Ср.: *Киирээти кытта баар хоско дьахтар олоро* 'В комнате, которая находится, как только войдешь, сидела русская женщина'.

Другие деепричастные формы *-бытынан*, *-мына*, *-бакка*, *-аары*, *-ымаары*, *-бычча* получили также подробный синтаксический анализ. При этом обращается внимание на образование указанных форм от простых и сложных глагольных основ, а также на сочетания этих форм с другими полнозначными глагольными структурами, наречиями. Выделяются и описываются идиоматические сочетания, усиливающие обстоятельственную характеристику действия, делающую ее более образной. Рассмотрены случаи употребления обсуждаемых деепричастных форм в роли сказуемого зависимой (придаточной) части сложноподчиненного предложения, а также в функции членов простого предложения. Описывается использование данных форм в качестве знаменательного компонента аналитической глагольной формы.

Таким образом, Е.И. Коркина в своем исследовании, посвященном структурно-семантическому и функциональному освещению деепричастий якутского языка, детально рассмотрела не только морфологические и синтаксические особенности якутских деепричастий, но и словообразовательный аспект обсуждаемых форм.

При определении функций деепричастий, которые характеризуются собственной подлежащей (субъектной) валентностью, она придерживалась традиционного взгляда, согласно которому конструкции с причастными и деепричастными формами в сочетании с отдельно выраженным подлежащим (субъектом) расцениваются в качестве сложноподчиненных предложений. Наблюдения и выводы Е.И. Коркиной относительно происхождения якутских деепричастий позволяют пролить определенный свет на исследование исторических контактов якутского языка с языками алтайской группы.

Литература

Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 10 (Буква Т: т – төһүүлээ) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.

Дилячар А. Заметки о синтаксисе и грамматических функциях в турецком языке // *TURCOLOGICA*: К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л.: Наука, 1976. – С. 65–78.

Коркина Е.И. Формы прошедшего времени в якутском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1960. – 19 с.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.

Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1985. – 205 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

Мельников Г.П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. – М.: Наука, 1971. – С. 121–137.

Попова Н.И. Функционально-семантический анализ причастий якутского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 1994. – 18 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / под ред. Э.Р. Тенишева. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

Убрятова Е.И. Краткий грамматический очерк якутского языка // Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Сов. энцикл., 1972. – С. 569–605.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 2: Сложное предложение. – Новосибирск: Наука, 1976. – 379 с.

Филиппов Г.Г. Причастие будущего времени на *-ях* и форма на *-ья* в якутском языке. – Якутск, 1996. – 190 с.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое, функционально-семанти-

ческое исследование. – Якутск: Издат. дом СВФУ, 2014. – 607 с.

Черемисина М.И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. – Новосибирск: Наука, 2004. – 896 с.

Шамина Л.А., Ондар Ч.С. Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке. – Новосибирск: Ред-изд. центр НГУ, 2003. – 243 с.

N.N. Efremov

The Functional Form of the Verb in the Yakut Language in the Study by E. I. Korkina

The article analyzes the main results and provisions of work, the prominent Yakut linguist E.I. Korkina, which describes the gerund forms of the Yakut language. Evdokia Innokentevna considered in complex terms of their morphological, syntactic and derivational features. She referred to the isolated gerund forms, which moved to other parts of speech – adverbs, connective words etc. Scientist, based on comparative-historical and systems-structural paradigms of linguistics, has identified and described these verb forms of the verb in the synchronic and diachronic aspects. As the analysis of monographic surveys of E.I. Korkina, adverbial participles of the Yakut language retain traces of contacts with Turkic, Mongolian and the Evenk languages. Syntactic functions of the gerund forms are covered at the level of simple and complex sentences. When analyzing the functions of the verbal participles in the composition of the compound sentence, E.I. Korinkna adhered to the traditional approach, which dominated in Turkic studies in the 1960s-1970s. The work of prominent researcher of the Yakut language, focused on the typological, synchronous-diachronic study of the discussed forms, made a great contribution to the development of not only the Yakut linguistics, but also of Turkology in general.

Keywords: Yakut language, gerund, compound words, substantively, syntactic function.

УДК 811.512.157'366.587

Е.М. Самсонова

Наклонения глагола и категория итеративности в якутском языке

На основе монографии Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке» (1970) рассматривается участие отдельных форм наклонения в выражении семантики повторяемости действий. Формы настоящего-будущего и прошедшего незаконченного времени изъявительного наклонения и наклонение обычно совершаемого действия выступают в качестве одного из синтетических репрезентантов функционально-семантической категории итеративности в якутском языке. Преобладающим в семантике указанных форм является хабикулярное значение, дополняемое специальными лексическими средствами, характеризующими ситуацию как регулярную или нерегулярную. Повторяемость также может быть связана с определенными условиями, от которых зависит её воспроизведение, что в большинстве случаев формально выражается аффиксом *-табына* условного наклонения. Решающую роль при выделении таких разновидностей, как индивидное состояние и генерическое значение, играет тип субъекта (конкретный или обобщенный). В зависимости от степени нелокализованности действия во времени в высказываниях с формами наклонения обычно совершаемого действия и настоящего-будущего времени возникают явления переходного плана, смежные с понятием вневременности. Общность итеративной семантики данных наклонений позволяет отметить их функциональную синонимичность, вследствие чего и их потенциальную взаимозаменяемость в рамках поля итеративности.

Ключевые слова: якутский язык, функционально-семантическая категория, глагол, наклонение обычно совершаемого действия, настоящее-будущее время, имперфект, итеративность, хабикулярность, индивидное состояние, генерическое значение.

© *Е.М. Самсонова, 2017*

Исследование глагольных категорий якутского языка и их функциональных форм тесно связано с научной деятельностью известного ученого-лингвиста, профессора Е.И. Коркиной. Среди ее фундаментальных работ особое место занимает монография «Наклонения глагола в якутском языке» [1970], посвященная описанию одной из важнейших морфологических категорий якутского глагола. В ней наиболее полно представлена устоявшаяся система из 10 наклонений якутского языка (изъявительное, повелительное, условное, утвердительное, долженствовательное, возможное, обычно совершаемого действия, несовершенного (неосуществленного) действия, сослагательное и предположительное наклонения) с детальным описанием их семантики, способов образования и парадигм спряжения.

Так как наклонение тесно связано с категориями времени, модальности и аспектуальности, хотелось бы остановиться на рассмотрении особенностей участия отдельных форм наклонения якутского глагола в выражении аспектуальной семантики повторяемости действия.

В якутском языке план выражения функционально-семантической категории повторяемости (итеративности) представлен сложной, разветвленной системой разноуровневых языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических, контекстуальных) [Самсонова, 2013, с. 184]. Помимо специальных форм с аффиксами многократности, составляющих ядро данного функционально-семантического поля, к синтетическим репрезентантам с подобной семантикой можно отнести формы настоящего-будущего и прошедшего незаконченного времени изъявительного наклонения, а также наклонения обычно совершаемого действия.

I. Изъявительное наклонение («*кэпсиир киэп*») в якутском языке выражает реальные действия, развертывающиеся в трех временных плоскостях (настояще-будущем, будущем и прошедшем) [Коркина, 1970, с. 32].

1) Форма настоящего-будущего времени является наиболее характерным формальным отличием итеративной неоднократности. Как отмечает Е.И. Коркина, одно из ее основных значений состоит «в обозначении действий, не ограниченных конкретными временными рамками, а происходящих обычно, постоянно или есте-

ственных по своей природе»: *Обону олус таптыбын*. ‘Я очень люблю детей’ (постоянное качество говорящего); *Түүлээби бултааһын бэрт элбэх сыраны ылар*. ‘Охота за пушным зверем отнимает весьма много труда’ (всегда, обычно, как правило); *Лена өрүс Хотугу Муустаах океанга түһэр* ‘Река Лена впадает в Северный Ледовитый океан’ [Там же, с. 46].

2) Е.И. Коркина отметила связь с аспектуальностью также и формы прошедшего незаконченного времени (имперфекта), представленного в двух фонетических вариантах: аналитическом (причастие на *-ар* и *э-*) и синтетическом, стяженном варианте первого: «данная форма прошедшего времени может одновременно выражать и видовое значение многократности действия» [Там же, с. 122]. Так, кроме значения длительности, она может также выражать и повторяющийся характер действий: «повторявшиеся, совершавшиеся регулярно или многократно прошедшие действия», имевшие место в определенном (достаточно продолжительном) отрезке прошлого: *Экзамен куннэригэр кини манна сыгыннахтанар этэ* ‘В дни экзаменов он раздевался здесь’ (т.е. он раздевался регулярно, всегда, обычно, когда шли экзамены) [Там же]. На итеративную семантику имперфекта указывал еще О.Н. Бётлингк: «Имя настоящего времени с афигированным посессивом функционирует как имперфект, если действие мыслится как часто повторяющееся или длящееся длительное время» [Бётлингк, 1990, с. 402]. В «Грамматике современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология» в значении данной формы также отмечается многократный характер «действий, повторявшихся или совершавшихся в прошлом регулярно» [Грамматика..., 1982, с. 316]. Например, *Сыннаалан куннэригэр кини кинигэ ааһар этэ*. ‘В дни своего отдыха он читал книги (это случилось регулярно, т.е. в каждый выходной день).

II. Основное значение наклонения обычно совершаемого действия («*үгэс киэп*»), по мнению Е.И. Коркиной, состоит в выражении «действий, совершающихся с точки зрения говорящего лица обычно, регулярно, более или менее постоянно в силу проявления имманентных самому субъекту свойств, постоянной способности, привычки, склонности, пристрастия его к совершению действий такого рода. Например:

Мин эрдэ турааччыбын. 'Я обычно рано встаю'; *Эниги кинини кыраба да мөбөөчүүгүт.* 'Вы обычно человека ругаете и за пустяки' и т.п.» [Коркина, 1970, с. 226]. Здесь необходимо отметить, что впервые в качестве наклоения данная форма была рассмотрена в диссертационной работе Е.И. Убрятовой на материале языка норильских долган. Она первой обратила внимание на то, что причастием на *-ааччы* с аффиксами сказуемости выражается обычно выполняемое действие [Убрятова, 1985, с. 183]. До этого долгое время оно воспринималось только как именная форма, участвующая в образовании имени деятеля (О.Н. Бётлингк, Д.И. Хитров, Н.Н. Поппе, Л.Н. Харитонов). Современные исследователи определяют роль наклоения обычно совершаемого действия в качестве формального хабитуального маркера, служащего для обозначения действия, которое совершается обычно, регулярно [Винокурова, Винокуров, 2012, с. 105].

При функционировании указанных форм наклоения в якутском языке определяющее значение имеют такие классификационные признаки повторяемости действия, как: 1) указание на характер повторяемости с точки зрения регулярности / нерегулярности; 2) связь действия с условиями, от которых зависит его воспроизведение; 3) способность действия выступать характеризующим признаком субъекта и 4) степень нелокализованности действия во времени.

В зависимости от тех или иных факторов предложения с данными формами наклоения в якутском языке могут выражать различные типы значений, относящихся к сфере итеративной неоднократности:

1. Центральным случаем повторяемости признается *хабитуальное значение*, описывающее регулярно совершающуюся ситуацию. Исходя из наличия в предложении специального указания на характер повторяемости с точки зрения регулярности / нерегулярности ситуация может быть как нехарактеризованной (не получающей непосредственного формального выражения), так и характеризованной [Панова, 1979, с. 11]. Характеризованный тип в предложениях выражается с помощью специальных лексических средств, квалифицирующих ситуацию как регулярную или нерегулярную.

Основными средствами выражения регулярной повторяемости, воспроизводимой через

равномерные промежутки времени, являются:

- чаще всего лексические единицы, обозначающие время суток (*сарсыарда* 'утром', *киһэ* 'вечер') и времена года (*саас* 'весной', *сайын* 'летом'): *Даарыйа эмээхсин, Микиитэ, Өлөксөй буоланнар күнүс балабанга үһүөйэбин хаалаллар* (АА СК, с. 22). 'Днем старуха Дарья, Никита и Алексей остаются дома втроем'; *Кини киһэ мөссүйүүннэ киирээччи* 'Он, как правило, каждый вечер заходил в пансион'; *Биһиги, бу олоһору уолаттар, бары сайын от оҕустарытыгар сылдыааччыбыт* (Д ДьС, с. 203). 'Мы, сидящие здесь парни, все летом работаем на сенокосе'; *Кыһыныгар үгүс айдаана суох оскуолатыгар үлэлээн букунаһар. Сайыныгар, хас үс сылтан бишигэр, им-ным курорга эбэтэр экскурсияба барбытын, төннөн кэлэрэ эрэ хаалбытын кэннэ олохтоохтор истэн соһуйаллар* (РК С, с. 353) 'Зимой он спокойно трудился в своей школе. Летом раз в три года уезжал на курорт или экскурсию, о чем односельчане с удивлением узнавали только ближе к моменту его возвращения';

- конструкции с послелогом *аайы* 'каждый' (*сырыы аайы* 'каждый раз' и т.п.). Например: *Оҕолор күн аайы охсуһаллар-этиһэллэр* (АА СК, с. 39). 'Дети каждый день ссорятся и дерутся между собой'; *Сыл аайы биширдии тыһабаһын кытта харчыта бара турара* (РК С, с. 70). 'Каждый год он проигрывал по годовалому бычку и все деньги'; *"Байбаас дьэитэ үчүгэй даҕаны!" диэн сырыы аайы сөбөн-махтайан кэлээччилэр* (Д ДьС, с. 226). '[Девочки] каждый раз возвращаются восхищенные: «До чего хорош дом у Байбаса!»'.

Нерегулярная повторяемость действия, воспроизводимая через неравные промежутки времени, выражается в комплексе с признаком повышенной или пониженной частотности с помощью лексических средств, обозначающих большой (*соробор* 'иногда', *сорох ардыгар* 'в некоторых случаях', *сөп буола-буола* 'время от времени', *хам-түм* 'редко') и малый (*сотору-сотору* 'частенько') интервал между повторениями. Так, в предложениях с рассматриваемыми формами наклоения может выражаться значение *дисконтинуатива* («итератива с большими интервалами между повторяющимися событиями» [Храковский, 1989, с. 49]): *Сааша аҕата, Дмитрий Федорович, ыһыахтарга соробор олонхолоочу* (Д ДьС, с. 88). 'Отец Саши, Дми-

трий Федорович, на национальных праздниках-ысыах иногда исполняет олонхо»; *Кыргызтар онно сөп буола-буола мустааччылар* (Д ДьС, с. 226). 'Девочки собирались там время от времени [у Людмилы Сергеевны]'; *Өр буола-буола, «ый баһыгар-атабар» Боллоорутта офонньор ампаарыгар тахсан иһиттэн олунан кэбиһэр* (АА СК, с. 106). 'Время от времени, «в конце-начале месяца» старик Боллоорутта заходил в свой амбар и запирался изнутри'.

Не так часто, но встречаются случаи выражения и *фреквентатива* («итератива с малыми интервалами между повторяющимися ситуациями» [Храковский, 1989, с. 49]): *Ваня бырааттара... сотору-сотору охсуһан турааччылар* (Д ДьС, с. 75). 'Младшие братья Вани... частенько дерутся между собой'; *Микиитэ илиитэ имигэс, хараба сытыы, үксүн кини сүүйэр* (АА СК, с. 23). 'У Никиты руки ловкие, глаз острый, поэтому в основном (часто) выигрывает он'.

2. Повторяемость в большинстве случаев связана с определенными условиями, от которых зависит её воспроизведение (значение *узитатива*). В якутском языке представлена формой условного наклонения на *-табына* как в простых, так и в сложных предложениях. Например: *Абам, хамначчыттары кытта оонньуурбун көрдөбүнэ, мөбөөччү...* (НЯ Т, с. 8). 'Отец ругает меня, если видит, что я играю со слугами'; *Кинилэр, абам суох буолабына, чэйдии-чэйдии быллыгыны ырытааччылар* (Д ДьС, с. 218). 'Когда нет отца, они пьют чай и вспоминают прошлое'; *Микиитэ төгүлэ кэллэбинэ, Өлөксөй саранныы-саранныы өрө бэбээрэ түһэр* (АА СК, с. 4). 'Когда наступала очередь Никиты, то Алексей начинал размахивать руками-ногами и громко плакать'. В условных предложениях с повторяющимися событиями многократность может быть конкретизирована как повторяемость в некотором отрезке прошлого; или как обычность, регулярность в определенном временном плане; или как обобщенное, мыслимое вне времени [Грамматика..., 1995, с. 244].

3. Конкретный субъект – одно из отличительных свойств такой разновидности, как *индивидуальное состояние*, обозначающей ситуации, имеющие место в течение длительного времени и «описывающие существенные для самого индивида свойства» [Шлуинский, 2005, с. 89]. В качестве его основного репрезентанта может вы-

ступать форма настояще-будущего времени на *-ар*, которая основным своим значением имеет качественный признак субъекта, присущий ему как постоянное свойство. Например: *Кини булду олус сөбүлүүр*. 'Он очень любит охотиться' (это постоянное качество, свойство субъекта, о котором идет речь) [Грамматика..., 1982, с. 306]. Отдельного рассмотрения также требует функционирование служебного глагола *сырыт-*, который в данном контексте служит «обозначением постоянства и обычности другого действия, выраженного деепричастием на *-а (-ыы)*» [Харитонов, 1960, с. 68]. Например: *Кини мэлдьи тиэтэйэ сылдыар* (АА СК, с. 45). 'Он вечно куда-то спешит'. При этом значение постоянства часто может усиливаться употреблением наречий *мэлдьи* 'всегда, постоянно', *өрүү* 'постоянно, вечно', *куруук* 'всегда, непрерывно'.

Отличие от формы настояще-будущего времени, имперфект выражает не постоянное качество субъекта, а характеризует его через действия, совершавшиеся «обычно, регулярно или многократно в прошлом, что соответствует значению неопределенного имперфекта» [Курс якутской грамматики..., 2004, с. 94]: *Кини урут хайыһардыырын наһаа сөбүлүүр этэ*. 'Раньше она очень любила ходить на лыжах'; *Былыр ыллыр этим*. 'Раньше я пел'. То, что данное качество было присуще субъекту в прошлом, подчеркивается лексемами *урут* 'прежде, раньше, в те времена', *былыр* 'в старину, в давние времена, в былые годы', *оччолорго* 'тогда, в то время, в те времена' и т.п. Форма прошедшего незаконченного времени подразумевает характеристику субъекта, отсутствующего в данное время в жизни, в поле зрения говорящего. Например: *Абам түргэнник кыһыраара, ол гынан баран түргэнник аһараара*. 'Мой отец сердился быстро, но и отходил быстро' (таков был его характер, который одинаково проявлялся каждый раз при аналогичной ситуации) [Грамматика..., 1982, с. 316]. Данная форма глагола больше характерна для воспоминаний.

Наклонение обычно совершаемого действия характеризует субъект через указание на привычку осуществлять какое-либо действие или же на потенциальную склонность, приверженность к действию: *Кини хойутаан кэлээччи* (АА А, с. 219). 'Он всегда опаздывает'; *Ленька быһаарсарын оннугар маннай сутуруга кэлээч-*

чи (Д ДьС, с. 341). 'Вместо того, чтобы разобратся, у Ленки всегда первыми в ход идут кулаки'; *Огдоочуйа... ийэбин хайа талбыт үгэргээн-хоһорбоон, мөнгөн тахсааччы* (Д ДьС, с. 244). 'Авдотья... (постоянно) безнаказанно оскорбляет, ругает мою мать'.

Часто используется в сочетании с условными конструкциями: *Кини мунаардабына нууччалааччы* (АА СК, с. 27). 'Он, если растеряется, сразу начинает говорить по-русски'; *Охсустабына кини кинэ дөбөннүк ааһааччы* (АА СК, с. 346). 'Если подерется, у него сразу весь пыл улечувается'; *Ийэм сэрии сылларын санаатабына, ийэтэ, балтахайдах өлбүттэрин, бэйэтэ хайдах нэһишлэ тыыннаах хаалбытын абыннар эрэ, ытамныйбытынан барааччы* (Д ДьС, с. 219). 'Моя мать сразу начинает плакать, если вспоминает годы войны, как умерли ее мать и сестра, как ей самой еле удалось выжить'; *Кини кылаас иннигэр табыстабына, куруутун бэйэтин буруйдаммыттыы туттааччы* (Д ДьС, с. 5). 'Если он выходит к доске, у него всегда виноватый вид'.

Характеризовать субъект может и постоянное, привычное несовершенство действия, что выражается отрицательной формой склонения обычно совершаемого действия, образуемой аналитическим способом (причастие на *-ааччы / -чы* с аффиксами принадлежности + имя отрицания *суох*): *Кинилэр киһи тылын истээччилэрэ суох*. 'Они [дети] обычно не слушаются'; *Суох, кини кыра аайы уолуйааччыта суох, кининэ нервэтэ бөбө буолуохтаах* (НЗ КДУ, с. 308). 'Нет, она (обычно) не беспокоится по пустякам, нервы у нее крепкие'; *Маня... олохтоох улахан кэпсэтиигэ кыттааччыта суох* (Д ДьС, с. 228). 'Маня... (обычно) не участвует в серьезных разговорах' и т.п.

4. В зависимости от абстрагированности действия от конкретного момента (отрезка) времени, повторяемость может быть не только конкретной, узальной, но и обобщенной (*генерической*). Генерическое значение описывает ситуацию, которая имеет «вневременной» характер, т.е. данная ситуация имеет место не только в настоящем, но также имела место и в прошлом, и будет иметь место в будущем [Шлуинский, 2005, с. 103]. Данный тип повторяемости, как отмечают исследователи, напрямую зависит от обобщенности его субъекта и является пери-

ферийной зоной, смежной с явлением вневременности [Панова, 1979, с. 10]. Участие в данной ситуации является постоянным свойством некоторого класса субъектов, в качестве которых могут выступать не только люди и животные, но и неодушевленные предметы, явления: *Арай ийэ эрэ оботун аатын хаһан да умнубат, мэлдьи саныы, ахта сылдаааччы* (НЯ Т, с. 70). 'И только мать никогда не забывает имя своего ребенка, всегда помнит его'; *Холуочук киһи өйүгэр киирбитин бири наар лэбэйдээн тахсааччы* (Д ДьС, с. 211). 'Подвыпивший человек имеет обыкновение повторять одно и то же, что взбредет ему в голову'; *Хаппыт эт сииккэ бэрт дөбөннүк үллээччи уонна түргэнник буорту буолааччы* (РК СК, с. 217). 'Сушеное мясо во влажной среде обычно довольно быстро разбухает и очень скоро портится'; *Оннук хараан түүннэргэ бырдах, ыһар буор курдук, хойдор* (НЗ КДУ, с. 106). 'В такие тихие теплые безветренные ночи мошкеры становится как пыли'.

Как видим, в выражении данного значения участвуют лишь формы склонения обычно совершаемого действия и настоящего-будущего времени, которые, на наш взгляд, семантически идентичны и абсолютно взаимозаменяемы, тогда как действия, передаваемые формой прошедшего незаконченного времени, не обладают подобным «вневременным» характером.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности значения и функционирования отдельных форм склонения в якутском языке, можно прийти к выводу, что указанные глагольные формы являются одними из важнейших синтетических репрезентантов семантики итеративности. В большинстве случаев необходимо отметить их синонимичность и взаимозаменяемость. Но, в зависимости от характеристики субъекта и контекстуального оформления, выявляются их основные различия, что наиболее четко проявляется при выражении такой разновидности повторяемости, как индивидуальное состояние.

Литература

Бётлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадина. – Новосибирск: Сиб. отд-ние, 1990. – 646 с.

Винокурова Н.И., Винокуров И.П. Наклонения в якутском и английском языках: сравнительный ана-

лиз // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – №2 (5). – С. 98–107.

Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

Грамматика современного якутского литературного языка. – Т. II: Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – 336 с.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970. – 307 с.

Курс якутской грамматики: система морфологических категорий и синтаксических конструкций / Н.И. Данилова, Н.И. Попова, Н.Н. Ефремов. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2004. – 202 с.

Панова Г.И. Выражение повторяемости действия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1979. – 22 с.

Поппе Н.Н. Учебная грамматика якутского языка. – М.: Центриздат, 1926. – 120 с.

Самсонова Е.М. Категория итеративности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность. – Новосибирск: Наука, 2013. – С. 178–224.

Убрятова Е.И. Язык норильских долган. – Новосибирск: Наука, 1985. – 216 с.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. – Ч.1: Фонетика и морфология. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 312 с.

Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 169 с.

Хитров Д. Краткая грамматика якутского языка. – М.: Синодальная типография, 1858. – 137 с.

Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. – Л.: Наука, 1989. – С. 5–53.

Шлуинский А.Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: дис. ...канд. филол. наук. – М., 2005. – 372 с.

Сокращения

АА СК – Мординов Н.Е.-Амма Аччыгыя. Сааскы кэм. – Якутск: Бичик, 1994. – 360 с.

АС А – Софронов А.И.-Алампа. Айымньылар. Т.2: Стихи, поэмы, рассказы, очерк, статьи. – Якутск: Бичик, 2005. – 448 с.

Д ДьС – Яковлев В.С.-Далан. Дьикти саас – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 344 с.

НЗ КДУ – Заболоцкий Н.М. Күн да уһун. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1968. – 488с.

НЯ Т – Золотарев Н.Г.-Якутский. Төлкө. – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – 704 с.

РК С – Кулаковский Р.А. Сиккиэр. – Якутск: Кн. изд-во, 1976. – 136 с.

РК СК – Кулаковский Р.А. Сэһэннэр, кэпсээннэр. – Якутск: Кн. изд-во, 1984. – 280 с.

Е.М. Samsonova

Moods and of Iterative Category of the Verb in the Yakut Language

Based on the monograph by E.I. Korkina “Mood of the verb in the Yakut language” (1970) considers the participation of individual forms of mood in the expression of the semantics of the repetition of actions. Forms of the present-future and imperfect indicative tense of the indicative mood and the mood of the action usually performed act as one of the synthetic representatives of the functional-semantic category of iteration in the Yakut language. The predominant in the semantics of these forms is a habitual value, supplemented by special lexical means that characterizing the situation as regular or irregular. Repeatability can also be associated with certain conditions on which its reproduction depends, which in most cases is formally expressed by the affix -tagyna of the conditional mood. The type of subject (concrete or generalized) plays a decisive role in distinguishing such varieties as the individual state and the generic value. Depending on the degree of non-localization of the action in time, in the utterances with the forms of inclination of the usually performed action and the present-future tense, phenomena of a transitional plan related to the notion of timelessness. The generality of the iterative semantics of these deviations allows us to note their functional synonymy and therefore their potential interchangeability within the iteration field.

Keywords: Yakut language, functional-semantic category, verb, the mood of the usually performed action, present-future tense, imperfect, iterative, habitual, individual state, generic meaning.

РЕЦЕНЗИЯ

Г. Дёрфер

Рецензия на книгу Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке»*

Г. Дёрфер (1920-2003)

О спряжении якутского глагола в западной литературе сложились сильно упрощенные представления. Так, О.Н. Бётлингк в книге «О языке якутов (переиздана США 35, 299–309, 368–372) выделяет следующие времена (здесь указываются только формы 2-го лица единственного числа): (Imperativus praesentis) повелительное наклонение настоящего времени (*bis* ‘режь!’); (Imperativus futuri) повелительное наклонение будущего времени (*bihaar*); (Indicativus praesentis) изъявительное наклонение настоящего времени (*bihayin*); (Indicativus perfecti) изъявительное наклонение прошедшего времени

(*bistiy*); (Potentialis) возможное наклонение (*bihayayin*, лучше всего *bihaayayin*, Крюгер отмечает его как плохой вариант, но объективно он лучше, чем «timative mood»); (Conditionalis) условное наклонение (*bistargin*); (Perfektivus) совершенное наклонение (*bihiihügin*). Похожее имеется также у Джона Р. Крюгера («Учебник якутского языка» «Yakut Manual» (США 21, 123–145)), отмеченное здесь Бётлингком (Perfektivus) совершенное наклонение не зафиксировано, но выделено (future tense) будущее время (*bisiayin*), только здесь отсутствует перфект, установленный Бётлингком, и добавлено будущее время (быһыабын) (ср.: Бётлингк, 251 с.).

То, что якутское спряжение только внешне кажется бедным, исходит из того обстоятельства, что Бётлингк (300) финитными глаголами считает только такие формы, которые «везде и всегда образуют сказуемое» (всегда предикативны, никогда не выступают в качестве «причастия» или «инфинитива»). Этому по существу следовал также Крюгер (который потом, разумеется, дол-

* Герхард Дёрфер – выдающийся немецкий лингвист, оказавший огромное влияние на развитие мировой тюркологии и алтаистики в XX в. Он высоко оценил работу Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке» (М.: Изд-во «Наука», 1970. – 307 с.) в рецензии, впервые опубликованной в «Orientalistische Literaturzeitung» (Гёттинген, 1973. – Вып. 68, № 9 /10. – С. 422–494). Вниманию читателей предлагается её перевод на русский язык, выполненный кандидатами филологических наук Л.М. Готовцевой, Ф.Н. Дьячковским, В.Д. Монастырёвым.

© Г. Дёрфер, 1973

© Пер. с нем. яз. Л.М. Готовцевой, Ф.Н. Дьячковского, В.Д. Монастырёва, 2017

жен был исключить будущее время, так как суффикс *Iax* представляется как нефинитный). Во многих местах (напр. на с. 378) О. Бётлингк без дальнейших разъяснений допускает, что (Partizipien) причастия также выполняют функцию предиката, и потом эти предикативные суффиксы могут восприниматься как финитные (а именно как прономинальные, например, как в *bar:biṗ-pīn* 'вопреки ожиданиям я вдруг ушёл' <*bar:miš=bān*, так и посесивные, как в *bar:bit-īm* *bar: быт-ым* 'я ушел' <*bar:miš-ām*).

Несмотря на то, что (Verbalnomina) отглагольные имена кажутся предикатами, они демонстрируют те же самые оба (!) вида предикативных окончаний, что и глагольные финитные формы, однако с точки зрения семантики они образуют с ними гармоничную и взаимодополняющуюся парадигматическую систему, разделенную Бётлингком по их формально-синтаксическим признакам.

Это, по-видимому, объясняется индогерманским предубеждением. Исходя из самого якутского языка, все эти формы сначала следовало бы представить в единой системе и только затем отметить, какие из них могут выступать в качестве отглагольных имен. Какими плавными должны быть переходы, видно из примечания Бётлингка о том, что он считает форму *bisabin* 'я режу' usw (Verbum finitum) глагольной формой, хотя она, скорее всего, была образована от *bisarbin*, что следует из того, что *bisar* все еще есть форма 3-го лица 'он режет'; а *bisarbin* в современном языке означает только 'моя резка'. Точку зрения Бётлингка, конечно, нельзя считать ошибочной и необоснованной, однако было бы более уместным использовать описание, в большей степени соответствующее якутскому языку.

Такое изложение автора заслуживает признания. Книга написана на основе исчерпывающего анализа уже имеющейся обширной литературы по предмету исследования. Автор определяет точное значение (и часто также происхождение) всех исследуемых временных форм (часто в опровержение предыдущих мнений). Его безусловной заслугой является новизна выводов и глубокое понимание темы.

Книга начинается с двух (научно-исторических) введений на страницах 13–22 и 23–31, в которых принимается во внимание также материал

и по другим тюркским языкам. В первой части рассматриваются формы изъявительного наклонения (настоящее, будущее и прошедшее времена), во второй части – «косвенное спряжение» (такие наклонения, как: **повелительное** – для выражения различных оттенков побуждения к действию; **условное** – выражающее модальное значение условия, предпосылки для совершения другого действия и др.). Данное введение для рецензента преподнесло немало трудностей, т.к. структуру якутского языка вряд ли можно было оценить по достоинству.

Ниже даем обзор разнообразия действующих форм изъявительного наклонения (примеры автора от слова *бар-* 'идти', термины используются мои – Г.Д.): (Praesens) настоящее время *barayin*, (Futurum) будущее *bariäyīn*, (fragendes Futur) вопросительная форма будущего времени *bariäxxin-iy*, (Praeteritum) недавнопрошедшее определенное, категорическое время *bardyn*, (Praeteritum der Zeitferne) преждепрошедшее повествовательное время *barbitiñ*, (Praeteritum der unerwarteten Handlung) прошедшее результативное время первое *barbikkin*, (Perfekt) прошедшее результативное время второе *baran turayin*, (episodische Praeterita) прошедшее эпизодическое время *barbittaaxin*,

barbītiŋ baar, baran turardaaxxīn, (Imperfekte) прошедшее незаконченное время *barariŋ, barar ätiŋ*, (Plusquamperfekt) давнопрошедшее предпрошедшее время *barbit ätiŋ*, (Plusquamperfekte) давнопрошедшее эпизодическое время *barbittaax ätiŋ, barbittaayin ätä, barbītiŋ baar ätä, baran turardaaxxīn ätä*. И к ним еще: (Imperativ) повелительное наклонение *bar*, (verstaerker Imperativ) усилительное наклонение *bariŋy* (соотв. *bariŋiy*), (futurischer Imperativ) будущее повелительное наклонение *baraar*, (Kohortativ) повелительное наклонение с желательной семантикой *bariäxtigīn*, (Konditionalis) условное наклонение *bardargin, bardaxxīna* и т.д.

Подробная и основательная работа, как мне кажется, почти лишена ошибок и является безупречной. Насчет чередований $r \sim z$, также $l \sim \check{s}$,

описанных на страницах 43–45, я ничего против не имею, тем более что совсем недавно это было подтверждено Т. Текином (в работе АОН 22, 1969, с. 51–80). Все авторы, которые подтверждают это, не замечают, что $r \sim z$, соответственно $l \sim \check{s}$ в тюркских языках являются разными фонемами, ср. *ār-* ‘утомлять, утомляться, уставать’: *āz-* ‘заблудиться, сбиться в пути’, *bēr-* ‘дать, отдавать’: *bēz* ‘железа’, *kār-* ‘распрямять, выпрямять’: *kāz-* ‘блуждать, бродить’, *āl-* ‘хитрость, лукавство’, *āš* ‘еда’, *bāl* ‘мёд’: *bāš* ‘рана’, *bēl* ‘талиа’: *bēš* ‘пять’ и т.д.

Работа может быть рекомендована без исключения всем тюркологам. Также она была бы полезна для языковедов школы Хомского, которые в своих исследованиях больше опираются на примеры английского языка.

ИНФОРМАЦИЯ

Е.Н. Афанасьева, Л.М. Готовцева

13-я Сеульская Международная конференция «Современные взгляды на алтайские языки»

Летом 13–16 июля 2017 г. в Монгольском национальном университете (г. Улан-Батор Монголия) состоялась 13-я Международная конференция по алтаистике. Организатором является Алтайское общество Сеульского национального университета во главе с профессорами Ко Донго и Ким Жувонем в сотрудничестве с Национальным университетом Монголии, Академией наук Монголии, Институтом алтаистики и Монгольским национальным университетом образования. Алтайское общество Кореи, основанное 1 октября 1985 г., ставит перед собой цель содействия научным исследованиям, посвященным языкам, культуре и истории алтайских народов. Общество выпускает научный журнал «Altai Накро», где публикуются труды ученых как восточных, так и западных стран. В настоящее время президентом общества является профессор Чонбукского национального университета Ко Донго. Конференцию открыл президент общества алтаистов Южной Кореи Ко Донго, гостей и участников конференции приветствовали президент Национального университета Монголии Ядмаа Тумурбаатар и директор института языка и литературы Монгольской Академии наук Билгуудей Гаадамба.

Лингвистические школы каждой страны имеют свой путь и разные исследовательские

подходы. Ученые Южной Кореи и Китая в основном занимаются проблемами взаимодействия маньчжурского, корейского и китайского языков. Монголоведы широко обсуждают вопросы диалектов Внутренней Монголии, проблемы влияния монгольских языков на другие языки, а также влияние других языков на монгольские языки и диалекты. С точки зрения научной ориентации среди монголистов наблюдаются две тенденции. С одной стороны, в работах молодых ученых Монголии видно влияние российской школы, так как многие из них и их наставников учились или стажировались в вузах Советского Союза и России. С другой стороны, наблюдается большой интерес западных ученых к монгольскому языку и культуре. Также следует отметить, что современная молодежь предпочитает получать образование на западе. В Японии, Южной Корее, Китае и Монголии значительное место занимают исследование древних текстов; проблемы реконструкции; определение диалектных особенностей и т.д. Основное внимание исследователей привлекают вопросы грамматики в сопоставительном аспекте и текстологии. Хотя в Японии не признают родственные связи японского языка с алтайскими языками, эта конференция показывает интерес японских ученых к алтайским язы-

Памятник Тоньюоку VI–VIII века.
Местность «Цагаа Овоо» в 65 км от Улан-Батора

кам, а именно к тунгусо-маньчжурским. Заметно, что особое внимание уделяется изучению тунгусо-маньчжурских языков, так как многие рассматривают эту группу как основной объединяющий элемент алтайских языков. В Сеульском национальном университете сложилась школа по исследованию тунгусо-маньчжурских языков и их влияния на другие языки Дальнего Востока и Сибири, созданная известным маньчжуроведом Сэнг Вэнг Ином и его учениками. Из России в конференциях Алтайского общества принимают участие монголоеды, тюркологи и исследователи эвенского и эвенкийского языков. Российские ученые предпочитают темы междисциплинарного характера, такие, как культурология, фольклористика, этнография и история.

В конференции приняли участие ученые из Монголии, Кореи, Китая, России, Японии, Германии, Чехии, Польши и Индии. На пяти секциях обсуждались проблемы грамматики, исторической лингвистики, лексики, контрастивных и типологических исследований, фонологии и фонетики монгольских, тунгусо-маньчжурских, тюркских, корейского и японского языков.

Секция 1. Грамматические исследования алтайских языков.

Доклады, посвященные изучению грамматики монгольского языка и его диалектов, носили

как теоретический, так и прикладной характер. Академик Монгольской АН Лувсандорж Болд занимающийся исследованием тюрко-монгольских языковых связей, на конференции представил доклад «Взаимодействие грамматики монгольских и тюркских языков», основанный на системном анализе грамматики языка древнетюркских памятников с привлечением материала современных языков. Немецкий ученый Бенджамин Брозиг (Политехнический университет Гонконга, Китай) имеет несколько работ по грамматике монгольского языка. В работе «Система эвиденциальности в монгольском языке» он выявил различия в выражении эвиденциальности в диалектах монгольского языка. В своем выступлении «Количественный анализ синтаксических функций монгольского глагола на основе корпуса синтаксических структур (деревьев)» Дахубаила (Университет Внутренней Монголии, Китай) рассказал об особенностях изучения грамматической функции глагола в текстах новостных сайтов в Китае. Результаты работы используются при составлении корпуса фразовых структур монгольского языка. Из диалектов монгольского языка в центре внимания оказались дагурский и шинехенский бурятского языка. Ямада Йохи (Университет иностранных языков, Токио) в докладе «Глагольный суффикс не прошедшего времени *-и* в дагурском языке»

пришел к выводу о том, что из двух финитных глагольных суффиксов *-bei* употребляется в утвердительных предложениях, а *-n* – в основном в отрицательных предложениях. Ясухиро Ямакоши (Университет иностранных языков, Токио), автор работы «Маркеры притяжения в конце предложения в шинхенском диалекте бурятского языка», обнаружил в сибирских языках три типа оппозиций вербальных и номинальных предикатов: вербализация (в удэгейском, нанайском и др.), неподчинение (в эстонском, саха, в среднемонгольском, ойратском и др.), реноминализация (в бурятском, современном японском и др.).

Вопросы маньчжуроведения осветили в своих с докладах лингвисты из Южной Кореи и Японии: Жеонгуп До (Сеульский национальный университет, Южная Корея) «Изучение функции падежного маркера *be* маньчжурского языка как тематического маркера»; Норикацу Когура (НИИ языков и культур Азии и Африки при Токийском университете иностранных языков, Япония) «Функция частиц *-ni* и *da* в языке Сибе».

Работы, освещающие вопросы грамматики в сопоставительном аспекте, сделали ученые Жемог Сонг (Ханкукский университет иностранных языков, Южная Корея) «Эмфатическая редупликация в корейском и алтайских языках»; Мухцэцэг Енхбат «Глаголы маньчжурского и монгольского языков с возвратными и ассоциативными суффиксами в словарях маньчжурского языка времен династии Цинь».

Секция 2. Исторические исследования алтайских языков.

Филологические школы Южной Кореи и Китая со сложившимися традициями работы с текстом продемонстрировали высокий уровень анализа материала письменных памятников. Доклад Жувона Кима и его ученика Ли Хыенга (Сеульский национальный университет, Южная Корея) «От Манвен Янданг к Манвен Лаоданг: специальная ссылка на двойные статьи» поднял проблему пересмотра двух версий маньчжурского исторического памятника начала династии Цинь. Особый интерес привлек доклад Пиао Лянью (Кембриджский университет в г. Харбин, Китай) «Изучение каталога древних книг этнических меньшинств провинции Хэйлунцзян» о подготовке каталога текстов при поддержке прави-

тельственной комиссии. Изучив текст монгольской дидактической поэмы «Ваза с нектаром», представители университета Карла Великого и Мазарыкского университета из Чехии Айалагу и О. Срба датировали его XVII веком и пришли к выводу, что памятник относится к доклассическому периоду письменно-монгольского языка. Текст был переиздан и переведен на чешский язык. В этом направлении коллектив авторов из Сеульского университета – Ли Хьонг Ми, Юнн Гиудонг, Ким Минкиу – представили результаты квантитативного анализа письма Пагба ламы.

Исторические связи маньчжурского и монгольского языков уходят корнями в древнюю историю этих народов. Монгольские ученые Баярсайхан Магсаржав, Енхсүвд Баярсайхан в докладе «Маньчжурские элементы в монгольском языке» раскрывают проблему идентификации и верификации заимствований, включая гибридные слова. Они провели анализ 100 слов с применением данных словарей и текстов, записанных до и после династии Цинь. На примере лексического материала многие молодые ученые изучают исторические связи маньчжурского и монгольского языков (Тувшинтогс Бямбажав). Новшеством стало выступление У.Р. Гарapati из Хайдарабадского университета Индии на тему «Критический взгляд на генетическое родство между дравидийскими и монгольскими языками». Предположение о родственных отношениях между двумя языками впервые было высказано еще в середине XIX в. Колдуэллом. С целью проверки этой версии автор провел морфологический анализ, который подтвердил происхождение дравидийских и монгольских языков из единого языка-источника, т.е. прото-дравидо-монгольского.

Секция 3. Изучение лексики алтайских языков.

В секции обсуждались проблемы лексики и лексической семантики с применением традиционных описательных методов, а также методов когнитивного анализа. Хван Йонг Парк из Чунгангского университета представил системный анализ 79 терминов родства по четырем основным категориям («Антропологический подход к изучению монгольских терминов родства в “Тайной истории монголов”»). Ю Вонсоо (Сеульский национальный университет, Корея) из-

учает казахские имена собственные Баян-Елгийского аймака Монголии. Проведенный им морфемный и семантический анализы позволили вывить, что имена казахов изначально имели персидское, арабское, общетюркское происхождение, а затем подверглись влиянию монгольского и русского языков. Доклад Е.Н. Афанасьевой (МПТИ (Ф) СВФУ, Россия) посвящен исследованию семантики имени существительного 'уу' в якутском языке. На основе анализа минимального контекста ею выявлены основные модели коллокаций и принципы актуализации семантических признаков как результат взаимодействия значений слов. Ученик чешского ученого Вацлава Блажека Михаил Шварц, работавший над темой «Имена числительные в тюркских языках» (Мазарыкский университет), показал сходство первых 10, а также 100 и 1000. Различия являются результатом распада; в сибирских языках появились локальные инновации под влиянием монгольских языков; система числительных в карачаево-балкарских языках испытала влияние соседних языков – осетинского, грузинского, адыгейского или кабардинского. Тем не менее две ветви – карлуко-кыпчакско-огузская и болгаро-чувашская – продолжают сохранять архаические формы.

Работа «Метафорическая концептуализация сердца в монгольском языке» Ким Йонг Бом (университет Виктории, Канада) и Нергюй Унурцег (Квангвунский университет, Корея) написана в свете теории концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона. Части тела являются универсальным источником метафор, структурирующих абстрактные концепты. Ядро концепта «сердце» в монгольской культуре составляют две метафоры 'сердце – вместилище мужества' и 'сердце – вместилище души'. Л.М. Готовцева (ИГИиПМНС СО РАН, Россия) в докладе «Лексика традиционной одежды саха» представила результаты работы лингвокультурологического характера. Автор провела классификацию наименований одежды по тематическим группам, анализ принципов номинации и функционирования наименований в составе фразеологизмов, паремий и загадок.

Во всех секциях наблюдалась тенденция к пересмотру устоявшихся взглядов и подходов. Йонг Сонг Ли (Сеульский национальный университет, Южная Корея) в своем выступлении

на тему «О топониме в надписи Кюль Тегина» проанализировал разные трактовки топонима в фрагменте текста о победе над огузами. Рассмотрев расшифровки В.В. Радлова, В. Томсена, Г. Вамбери, П.М. Мелиоранского, А. Габейна, С.Е. Малова, С. Чагатая, В.М. Наделяева, Т. Текина и других, он доказал верность перевода В.В. Радлова и В. Томсена.

Секция 4. Контрастивное и типологическое исследования алтайских языков.

В этой секции широко обсуждалась тема связи монгольского и корейского языков. Большинство работ носит практический характер. В работе «Эволюция фонологии монгольского и корейского языков» Батхишиг Сангидорж (Национальный университет Монголии) объясняет особенности произношения некоторых слов в переводе с одного языка на другой. Уртнасан Даваев (АН Монголии) в докладе «Типология генитива в монгольском и корейском языках» рассказал о результатах сопоставительного анализа имен собственных монгольского и корейского языков. Камиль Стаховский (Ягеллонский университет, Краков, Польша) применил метод статистического анализа в определении аналитизма и синтетизма в алтайских языках.

Секция 5. Фонологические и фонетические исследования алтайских языков.

В работе секции приняли участие в основном ученые из Южной Кореи, Японии и Китая. Из России (Амурский государственный университет) выступила с докладом «Сравнительная характеристика гласных и согласных в языках селенджинских эвенков и хейлудзянских ороченов» Ольга Морозова. Из сопоставительных работ заслуживает внимания доклад Хухе (Институт этнологии и антропологии, Китай) «Сравнительное изучение просодических структур слов в монгольском, уйгурском и эвенкийском языках» большим объемом привлеченного материала и уникальностью темы. Фонетические исследования трудоемки, т.к. требуют применения экспериментального оборудования и экспедиционных мероприятий. Результаты одного из экспериментальных исследований тувинского и дагурского языков были представлены Хангсангом Паком (Хонгукский университет иностранных языков, Южная Корея). Другие темы касаются отдель-

ных проблем алтайских языков: Наоки Уета (Университет Осаки) «Гармония корня и суффикса в халха монгольском языке», Кентаро Суганума (университет Кьюшу, Япония) «Реинтерпретация современного уйгурского умлаута» и др.

Безусловно, конференции международного уровня дают большие возможности для обмена мнениями, поиска единомышленников, помогают оценить пути развития науки и саморазвития.

Е.Р. Николаев

Ономатологи в Ульяновске

В условиях гуманизации образовательной и культурной среды научные традиции ценятся как никогда высоко. Открытия, результаты и встречи старшего и младшего поколения ученых могут дать новый импульс для развития любой отрасли науки.

20–23 сентября 2017 г. в г. Ульяновске на базе Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова прошла XVI Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», посвященная 50-летию юбилею I Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора – Владимира Андреевича Никонова, одного из основателей советской ономастической науки, уроженца Симбирска-Ульяновска. Конференция проводилась под эгидой кафедры ЮНЕСКО УлГПУ «Титульные языки в межкультурном образовательном пространстве».

На торжественном открытии конференции выступили ректор УлГПУ им. И.Н. Ульянова, кандидат экономических наук, заслуженный учитель РФ Т.В. Девяткина, председатель постоянно действующего организационного комитета конференции «Ономастика Поволжья», доктор филологических наук, профессор Волгоградского социально-педагогического университета В.И. Супрун, председатель организационного комитета конференции «Ономастика Поволжья» в Ульяновске, кандидат филологических наук С.В. Рябушкина, доктор филологических наук Ульяновского государственного технического университета А.А. Дырдин.

В работе конференции приняли участие более 250 чел. (в т.ч. более 100 очных участников), в составе которых свыше 60 докторов наук, 120 PhD и кандидатов наук, а также преподаватели

вузов, учителя школ, студенты бакалавриата, специалитета и магистратуры, учащиеся общеобразовательных школ. География юбилейной конференции обширна: более 30 зарубежных участников из 15 стран (Австрия (Вена), Азербайджан (Баку), Белоруссия (Витебск, Минск), Болгария (Бургас), Донецкая Народная Республика (Донецк, Горловка), Казахстан (Алматы, Уральск), Киргизия (Каракол), Китай, Мексика, Монголия (Улан-Батор), Польша (Щецин, Быдгощ), Сербия (Нови Сад), Словакия (Братислава), Украина (Киев, Одесса, Луцк), Чехия (Опава); представители девяти республик Российской Федерации (Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Карелия, Марий-Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Татарстан, Удмуртия); участники из более чем 50 городов и малых населенных пунктов России (Альметьевск, Арзамас, Астрахань, Балабаново, Белгород, Боровичи, Борисоглебск, Великий Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Глазов, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Кемерово, Киров, Княгинино, Кострома, Краснодар, Махачкала, Москва, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новозыбков, Новосибирск, Новые Параты, Одинцово, Орел, Оренбург, Петрозаводск, Прямухино, Псков, Ростовна-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Сибай, Смоленск, Сургут, Сухой Лог, Сызрань, Сыктывкар, Тверь, Тольятти, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Ханты-Мансийск, Чебоксары, Чита, Шигоны, Шуя, Якутск, Ярославль).

Состоялись три пленарных заседания, 11 секционных, два круглых стола «Актуальные проблемы исследования и лексикографирования собственных имен» (*заседание посвящено памяти В.А. Никонова*) и «Симбирск и симби-

Участники XVI Международной научной конференции
«Ономастика Поволжья» (2017 г.)

ряне в культуре России», в работе которого приняли участие представители разных научных дисциплин: филологи, историки, географы, культурологи. Тематика научных статей весьма разнообразна: А.А. Бурыкин «Волга в “Слове о полку Игореве” и проблема канона этнонимических умолчаний в древнерусских текстах XII века», В.А. Маслова «Лингвокультурология в ономастических исследованиях», А.Г. Шайхулов «Ономастикон циркумурского изучения башкирской топонимической системы Урало-Поволжья в этноонтологическом осмыслении», Е.Р. Николаев «Якутские образные имена собственные: “имена-движения”», Ф.Г. Хисамитдинова «Названия духовпокровителей животного мира в башкирской ономастике», И.А. Дамбуев «Нормализация топонимов в России» и т.д.

В рамках конференции состоялось открытие именной аудитории В.А. Никонова, книжной выставки «В мире имен и названий». Учащиеся МБОУ «Лицей физики, математики, информатики № 40» при Ульяновском государственном университете подготовили постерную экспозицию «Ульяновский микропонимикон» по итогам исследовательского проекта (рук. – учитель русского языка и литературы М.В. Дупленко).

К началу работы конференции был создан сайт конференции (URL: <http://op2017.ru>; разра-

ботчик сайта – канд. физ.-мат. наук В.В. Приходько), опубликован двухтомный сборник материалов. Также был издан юбилейный том «Из истории конференции» (объем 21,04 п.л., 13 статей, 70 фотографий, библиографический указатель), включивший воспоминания учеников и единомышленников о В.А. Никонове, эссе участников конференций прежних лет, исторические фотодокументы, а также библиографический указатель материалов, опубликованных в предыдущих сборниках конференций «Ономастика Поволжья» начиная с 1967 г., подготовленный кандидатом филологических наук Р.В. Разумовым (Ярославль) под научной редакцией проф. В.И. Супруна (Волгоград).

В центре внимания участников конференции находились проблемы теории и методологии ономастических исследований, антропонимики, топонимики (в том числе микропонимики и урбанонимики), литературной, фольклорной и переводческой ономастики, вопросы изучения ономастической периферии и ономастического пограничья, педагогические аспекты ономастики, а также другие направления ономастических исследований.

На закрытии конференции выступили руководители секций, члены оргкомитета конференции, была принята резолюция XVI Международной научной конференции «Ономастика Поволжья».

Основными пунктами принятой на конференции резолюции стали следующие рекомендации: способствовать распространению ономастических знаний: публиковать научные и научно-популярные статьи, книги, сборники, словари; проводить в вузах спецкурсы и спецсеминары по проблемам ономастики; ввести в общеобразовательных школах элективные курсы, курсы по выбору для учащихся 9–11 клас-

сов; выступать по радио, на телевидении, в Интернете с пропагандой достижений современной ономастики; при проведении следующих конференций «Ономастика Поволжья» считать целесообразным устраивать встречи участников конференции со студентами вуза-организатора конференции, активно привлекать магистрантов и аспирантов к участию в пленарных и секционных заседаниях конференции.

Л.Н. Жукова

Презентация восьмитомного собрания сочинений историка Г.А. Попова, посвященная его 130-летию

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН выступил организатором юбилейных мероприятий, посвященных 130-летию первого профессионального историка, педагога, просветителя Григория Андреевича Попова (1887–1942).

Г.А. Попов стоял у истоков исторической науки в Якутии. После окончания Казанской духовной академии (1917) он преподавал в учебных заведениях г. Якутска, вел большую научную и общественную работу, направленную на поднятие культурного уровня населения, охрану памятников истории и культуры.

В 1924–1929 гг. Григорий Андреевич являлся председателем Якутского отдела Русского географического общества, руководил печатным изданием отдела «Известия РГО». Как член РГО, принимал активное участие в работах Академической экспедиции, организованной в 1925 г. по инициативе М.К. Аммосова. Также Г.А. Попов являлся одним из учредителей научного общества «Саха Кэскилэ» («Якутское Возрождение») (1925 г.), где заведовал этнографической секцией. В 1926 г. он был избран членом-корреспондентом Центрального Бюро краеведения при Академии наук СССР.

С 1927 г. Г.А. Попов – заведующий научным отделом и инспектор научных учреждений Наркомата просвещения и здравоохранения ЯАССР. Работал в Якутском областном музее, Национальной библиотеке, архиве. В 1936–1937 гг. за-

ведовал отделом истории Института языка и культуры при СНК ЯАССР, преподавал курс «История ЯАССР» в Якутском пединституте. В 1937 г. Г.А. Попов подвергся необоснованным репрессиям и в 1938 г. погиб в ГУЛАГе. Реабилитирован в 1956 г.

Г.А. Попов – автор многих научных работ, учебных пособий по истории, этнографии, краеведению. С 1914 г. им опубликовано около 90 статей по различным вопросам. За свои печатные труды ученый был награжден малой серебряной медалью Русского географического общества (1927 г.).

Начиная с 2005 г. ИГиИПМНС СО РАН предпринял переиздание работ и введение в научный оборот рукописного наследия историка, хранящегося в разных архивах. За 12 лет кропотливой работы членами редколлегии, к.и.н. Л.Н. Жуковой, к.и.н. Е.П. Антоновым, при участии д.и.н. С.И. Бояковой и к.филос.н. В.Г. Скрипина, были изданы 8 томов. Публикация стала возможной благодаря поддержке Правительства Республики Саха (Якутия), Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Академии наук Республики Саха (Якутия), Администрации г. Якутска, Национальной библиотеки РС (Я), Национального архива РС (Я), Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, Якутской Епархии Русской православной церкви и спонсоров.

Юбилейные мероприятия, прошедшие в г. Якутске 6–11 ноября 2017 г., были приурочены к 130-летию со дня рождения Г.А. Попова и 125-летию его супруги, педагога, кавалера ордена Ленина М.Я. Поповой. В рамках этих мероприятий состоялись:

– презентация восьмитомного собрания «Сочинений» историка и фотоальбома;

– городская научно-практическая конференция школьников по краеведению «Годы и судьбы», посвященная памяти Г.А. и М.Я. Поповых;

– научно-практическая конференция «Судьбы интеллигенции Якутии в начале XX века и вопросы краеведения»;

– открытие выставки: «Якутия, еду за знаниями, чтобы впоследствии быть полезным тебе!» в ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского. Выставка из материалов фондов городских музеев, архивов и библиотек, посвященная памяти Г.А. и М.Я. Поповых, будет работать до конца января 2018 г.

В юбилейных мероприятиях приняли участие внучка Поповых, логопед-психолог М.В. Долинникова (г. Москва), и правнук Григорий Чернецов, артист Мариинского театра (г. Санкт-Петербург), который дал два концерта в память о своих именитых предках.

На научно-практической конференции «Судьбы интеллигенции Якутии в начале XX века и вопросы краеведения» выступили 36 участников, среди них сотрудники института, научная и педагогическая общественность, краеведы, студенты-историки, учащиеся г. Якутска, чьи доклады на городской конференции школьников по краеведению (7 ноября 2017 г.) были признаны лучшими. С сообщениями о вкладе Г.А. Попова в исследование вопросов истории и культуры Якутии выступили Е.Н. Романова, С.И. Боякова, Е.П. Антонов, П.П. Петров, А.А. Павлов, Е.С. Ноговицына, В.В. Ушницкий, З.И. Ядрихинская и другие. Ряд докладов был посвящен вопросам краеведения, общественно-политическим деятелям и ссыльным: И. Шадрину, И. Лаптеву, Д.Д. Сивцеву, В.М. Зензинову, Г.Г. Колесову, П.Я. Пельменову, В.Н. Васильеву и др.

Научная библиотека института, Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН и Национальная библиотека РС (Я) подготовили выставку трудов историка, кандидата богословия Г.А. Попова и его внучки, этнографа, к.и.н. Л.Н. Жуковой. Национальный архив РС (Я) презентовал фильм с фотографиями и архивными документами Поповых.

Сведения об авторах

Алексеева Евдокия Кимовна – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГиИПМНС СО РАН, Aeks07@mail.ru

Антонов Егор Петрович – к.и.н., доцент, в.н.с. отдела истории и этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, antegor@yandex.ru

Афанасьева Евдокия Николаевна – к.ф.н., доцент кафедры английской филологии МПТИ (ф) СВФУ, lukow@mail.ru

Ахметова Миляуша Ансаровна – сотрудник научной библиотеки Казанского научного центра Российской академии наук; н.с. отдела литературоведения ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, miljausha-akhmetova@rambler.ru

Боякова Сардана Ильинична – д.и.н., г.н.с., зав. отделом истории и этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, boyakova@mail.ru

Бравина Розалия Иннокентьевна – д.и.н., г.н.с., зав. отделом археологии и этнографии ИГиИПМНС СО РАН, bravinari@bk.ru

Готовцева Лина Митрофановна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, lingot@rambler.ru

Данилова Надежда Ивановна – д.ф.н., г.н.с., зав. отделом якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, nadiv2008@mail.ru

Герхард Дёрфер (1920–2003) – немецкий лингвист, исследователь алтайских языков, работал в области монгольских, тюркских, а также и тунгусо-маньчжурских языков, занимал кафедру тюркологии и алтаистики в Гёттингенском университете

Ефремов Николай Николаевич – д.ф.н., г.н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, nik.efrem50@mail.ru

Жукова Людмила Николаевна – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии ИГиИПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Иванова Нина Иннокентьевна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, haar-haar@mail.ru

Игнатьева Ванда Борисовна – к.и.н., в.н.с. отдела истории и этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, v_ignat@mail.ru

Монастырев Владимир Дмитриевич – к.ф.н., в.н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, dimamon92@mail.ru

Нелунов Анатолий Гаврильевич – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН

Николаев Егор Револьевич – аспирант ИГиИПМНС СО РАН, 1953307@mail.ru

Николаева Альбина Михайловна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, aliasams@rambler.ru

Осипова Марина Викторовна – к.и.н., доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета, ainu07@mail.ru

Попова Наталья Иннокентьевна – к.ф.н., врио директора ИГиИПМНС СО РАН, nat.popova@rambler.ru

Романова Екатерина Назаровна – д.и.н., г.н.с. отдела археологии и этнографии ИГиИПМНС СО РАН, e_romanova@mail.ru

Самсонова Екатерина Максимовна – к.ф.н., н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, samsonova_em@mail.ru

Слепцов Петр Алексеевич – д.ф.н., проф., г.н.с. отдела якутского языка ИГиИПМНС СО РАН, petr.slepsov@mail.ru

Спиридонов Георгий Иванович – член регионального исполкома Общероссийского народного фронта в Якутии и Союза журналистов России, georgiys@yandex.ru

Сулейманов Александр Альбертович – к.и.н., с.н.с. отдела истории и этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, alexas1306@mail.ru

Томаска Алена Георгиевна – н.с. отдела истории и этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН, algero@mail.ru

Information about authors

Alekseeva Evdokiya Kimovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Archeology and Ethnography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Aeks07@mail.ru

Antonov Egor Petrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher Department of History and Ethno-sociology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, antegor@yandex.ru

Afanaseva Evdokiya Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the English Philology Department of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (FF) NEFU, lukow@mail.ru

Akhmetova Milyausha Ansarovna – employee of the scientific library of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Research Fellow of the Department of Literary Studies, G. Ibrahimov Institute of Language, Literature and Art, the Republic of Tatarstan, miljausha-akhmetova@rambler.ru

Boyakova Sardana Ilinichna – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History and Ethno-sociology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, boyakova@mail.ru

Bravina Rosalia Innokentievna – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, bravinari@bk.ru

Gotovtseva Lina Mitrofanovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, lingot@rambler.ru

Danilova Nadezhda Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of the Yakut Language the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, nadiv2008@mail.ru

Gerhard Dörfer (1920 – 2003) is an outstanding German linguist, researcher of the Altaic languages, worked in Mongolian, Turkic, and also Manchu-Tungus languages, held the chair of Turkic and Altaic studies at the University of Göttingen

Efremov Nikolai Nikolaevich - Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, nik.efrem50@mail.ru

Zhukova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archaeology and Ethnography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, zjukova@mail.ru

Ivanova Nina Innokentievna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, haar-haar@mail.ru

Ignatieva Vanda Borisovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Ethno-sociology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, v_ignat@mail.ru

Monastirev Vladimir Dmitrievich – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, dimamon92@mail.ru

Nelunov Anatoly Gavrilievich – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,

Nikolaev Egor Revolyevich – Post-Graduate Student of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, 1953307@mail.ru

Nikolaeva Albina Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, aliasams@rambler.ru

Osipova Marina Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, the Pacific National University, ainu07@mail.ru

Popova Natalia Innokentievna – Candidate of Philological Sciences, Acting Director of the of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, nat.popova@rambler.ru

Romanova Ekaterina Nazarovna – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, e_romanova@mail.ru

Samsonova Ekaterina Maksimovna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, samsonova_em@mail.ru

Sleptsov Petr Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, petr.slepcov@mail.ru

Spiridonov Georgiy Ivanovich – Member of the Regional Executive Committee of the All-Russian People's Front in Yakutia and the Union of Journalists of Russia, georgiys@yandex.ru

Suleimanov Alexander Albertovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Ethno-sociology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, alexas1306@mail.ru

Tomaska Alena Georgievna – Research Fellow of the Department of History and Ethno-sociology of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, algepo@mail.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»

В журнале публикуются статьи по историческим наукам, социологии, филологическим наукам. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Кроме того принимаются статьи информационного и хроникального характера, рецензии и др. Обзорные статьи к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–24 страницы (20000–40000 знаков), краткие сообщения – 3–6, хроника – 1–2 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman или Times Sakha, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – не менее 2 см, справа – не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. Статьи в разделы "Хроника" и "Рецензии" предоставляются без аннотаций. В заголовке "Аннотации" сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисуночные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка. На полях рукописи должны быть указаны места желательного размещения иллюстраций.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Авторам после текста необходимо указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи указывается индекс УДК.

Статьи, поступающие в редакцию, проходят проверку на антиплагиат (допускается наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 30% от общего объема рукописи), рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 307. 8(4112) 36–49–67

Электронный адрес редакции: svgv2010@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70425 от 20 июля 2017 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 04.12.2017. Дата выхода в свет 25.12.2017

Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л.17,7. Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиПИМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35–68–69
